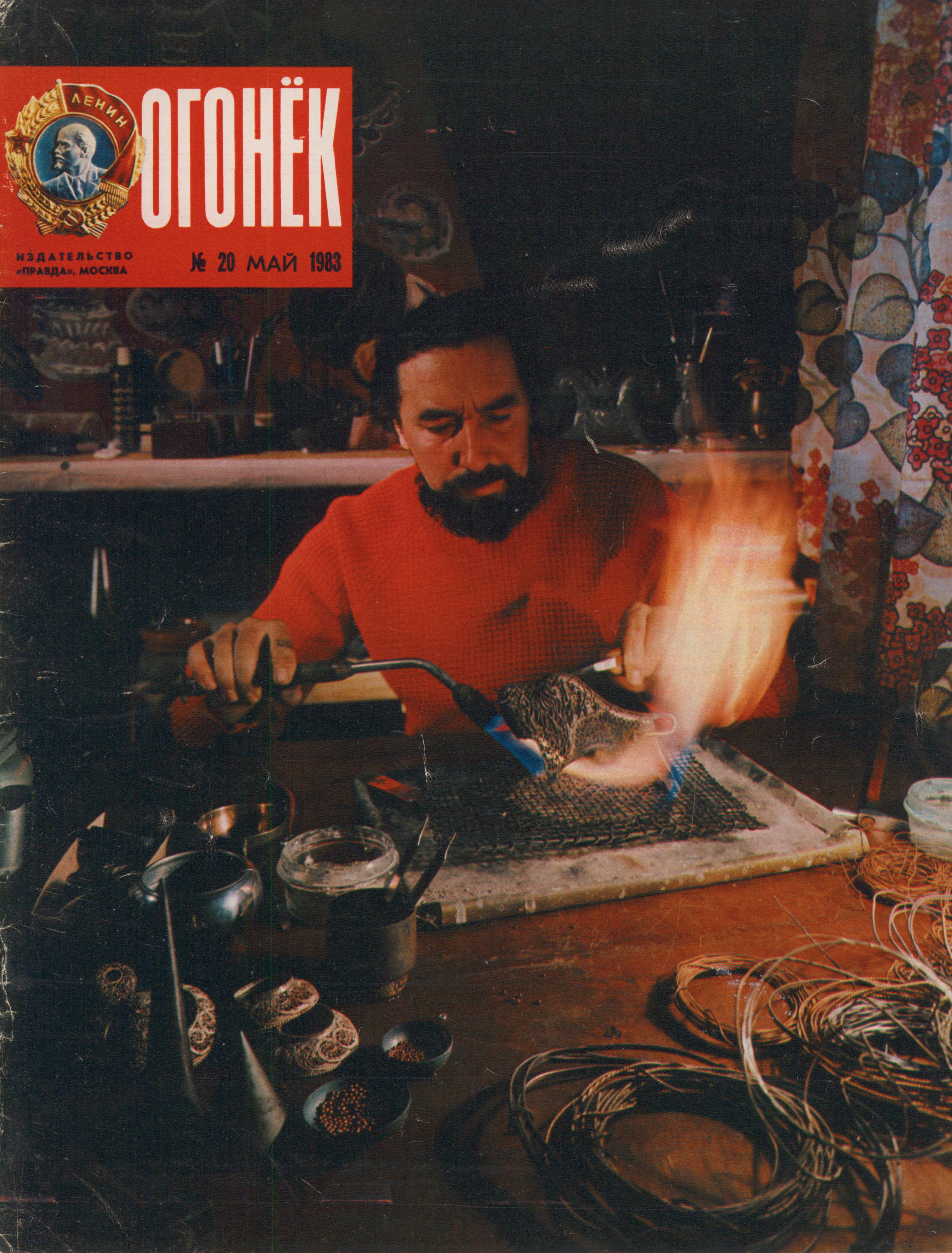

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 20 МАЙ 1983

Москва, 9 мая. В сквере Большого театра. Фото И. Гаврилова

ФОТО НЕДЕЛИ

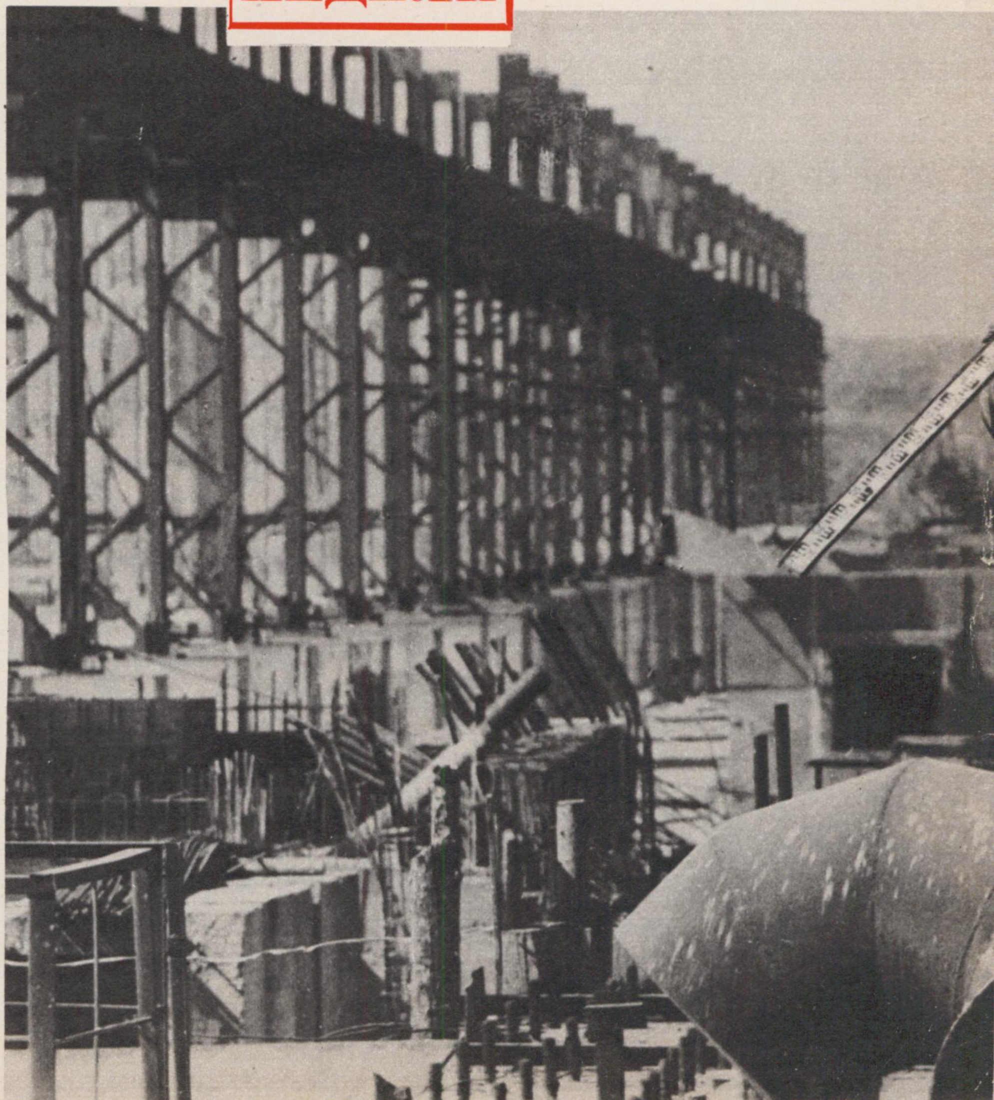
Американская школьница Саманта Смит из Манчестера (США) получила письмо от Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова, в котором он в ответ на ее вопросы пишет, что Советский Союз не хочет войны с Соединенными Штатами.

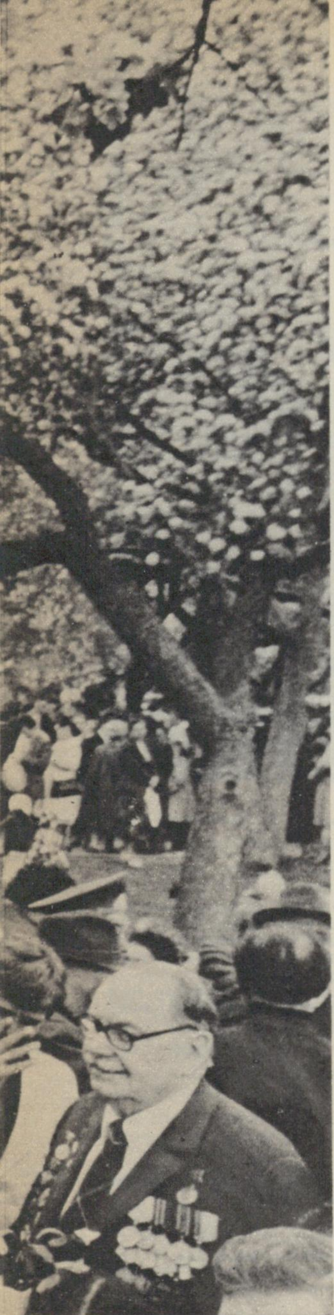
Ю. В. Андропов пригласил Саманту посетить Советский Союз и отдохнуть в пионерском лагере «Артек».

На снимке: Саманта Смит с письмом Ю. В. Андропова.

Телефото ЮПИ — ТАСС

Шестнадцатилетняя советская гимнастка Ольга Бичерова — абсолютная чемпионка Европы.

Фото А. Бочинина

[См. в номере материал «Оля на высоте!» — стр. 27].

Стан-гигант «3000» на Ждановском металлургическом стремительно растет.
Репортаж Михаила Бережного «У моря Азовского» — стр. 6. Фото Вадима Лесного

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 20 (2913)

14 МАЯ 1983

В НОМЕРЕ:

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна, Э. Песова (ТАСС)

ДРУЖЕСКАЯ БЕСЕДА

4 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов встретился с Генеральным секретарем ЦК СЕПГ, Председателем Государственного совета ГДР Э. Хонеккером, возглавляющим партийно-государственную делегацию ГДР. На встрече были обсуждены актуальные вопросы сотрудничества и взаимодействия двух братских партий и социалистических государств, а также некоторые международные проблемы.

Беседа прошла в атмосфере полного взаимопонимания, сердечности и дружбы.

В ПОЕЗДКЕ ПО СТРАНЕ

5 мая из Москвы в Алма-Ату отбыла партийно-государственная делегация Германской Демократической Республики во главе с Генеральным секретарем ЦК СЕПГ, Председателем Государственного совета ГДР Э. Хонеккером. Она находилась в нашей стране с официальным дружественным визитом по приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

На Внуковском аэродроме у трапа самолета Э. Хонеккера, членов делегации сердечно, по-братски провожали Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, другие официальные лица.

В Алма-Ате, в Центральном Комитете Компартии Казахстана состоялась беседа члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаева с партийно-государственной делегацией ГДР во главе с Э. Хонеккером.

Э. Хонеккер тепло поблагодарил за радушие и гостеприимство, оказанное делегации в Алма-Ате.

6 мая делегация ГДР во главе с Э. Хонеккером прибыла в столицу Узбекистана — Ташкент.

В Центральном Комитете Компартии Узбекистана состоялась беседа с Э. Хонеккером, другими членами делегации.

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов ознакомил гостей с успехами трудящихся Узбекистана.

7 мая партийно-государственная делегация ГДР, находившаяся в Советском Союзе с официальным дружественным визитом по приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, отбыла из Ташкента в Берлин.

Проводы на аэродроме.

Фото А. Гостева

ОТСТОЯТЬ МИР!

Юрий КОРНИЛОВ

Ветры тревог и надежд бушуют над планетой. Время уже не раз подтверждало: силы мира могущественнее сил войны. Но вместе с тем миллионы людей во всех уголках Земли с озабоченностью констатируют и другое: в результате активизации врагов мира развитие событий в ряде районов планеты приобретает все более опасный характер. Империалистические круги, которые хотели бы поколебать единственно разумную основу отношений между государствами с различным общественным строем — мирное сосуществование,— продолжают форсированную материальную подготовку к войне. Гонка вооружений переходит в качественно новую, намного более опасную фазу, охватывая все виды вооружений, все формы военной деятельности, практически все районы земного шара. Остановить эту гонку, устранить угрозу термоядерного самосожжения — важнейшая задача, стоящая ныне перед человечеством.

Социализм и мир неразделимы. «Не начинать гонки вооружений там, где ее не было, прекратить ее там, где она сейчас имеет место» — так сформулировал суть советской позиции в интервью западногерманскому журналу «Шпигель» Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, и эта политическая формула с исчерпывающей полнотой и четкостью определяет стержневое направление внешнеполитического курса нашей страны. Советский Союз — единственная ядерная держава в мире, взявшая на себя четкое и ясное обязательство не применять первой ядерное оружие и предложившая другим ядерным державам последовать ее примеру. Именно наша страна настойчиво выступает за то, чтобы безотлагательно договориться о полном и всеобщем запрещении ядерного оружия. Именно СССР вместе с другими странами Варшавского Договора предлагает государствам — членам НАТО заключить Договор о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира.

Ключевое значение для судеб мира имеет положение дел в Европе, где расположено более тридцати государств. Никто больше Советского Союза, тяжелее всех пострадавшего во второй мировой войне, не хочет, чтобы Европа навсегда стала континентом прочного мира и сотрудничества. И ни одно государство не делает для этого так много, как СССР. Свидетельство тому — недавнее обращение нашей страны к государствам — участникам мадридской встречи, в котором содержится призыв успешно завершить этот важный форум, призванный содействовать углублению начатого в Хельсинки общеевропейского процесса. Свидетельство тому — решимость СССР навсегда избавить Европу от всех видов ядерного оружия, рассчитанного на поражение целей на континенте,— как средней дальности, так и тактического. Наша страна выражает готовность не иметь в Европе ни на одну ракету, ни на один самолет больше, чем их имеют государства — члены НАТО, она готова договориться о равенстве ядерных потенциалов на континенте как по носителям, так и по боезарядам — с учетом, разумеется, соответствующих вооружений Англии и Франции. Это ли не убедительное доказательство доброй воли СССР, его искреннего стремления вернуть мир на путь разрядки?

Миролюбивые, конструктивные инициативы Советской страны приветствуют и поддерживают все, кому дорог мир, но иную, полярно противоположную позицию занимают в отношении этих инициатив те империалистические круги США и НАТО, которые все еще рассчитывают «переиграть историю», потеснить социализм. Вашингтон, открыто претендующий на мировую гегемонию, продолжает подхлестывать гонку вооружений: уже в 1984 году расходы на военные цели достигнут в США 273 миллиардов долларов, а в 1988 году эта цифра, как ожидается, составит 425 миллиардов. Подобно зловещей паутине протянулась через 32 страны мира цепь из 1500 американских военных баз и объектов, этих гнезд агрессии. Под лживым прикрытием так называемых «нулевого» или «промежуточного» вариантов, реализация которых означала бы одностороннее разоружение Советского Союза, американские милитаристы пытаются идти напролом, делая ставку на размещение во что бы то ни стало в Западной Европе своих новых ракет. Потенциальным «театром военных действий», на котором можно на практике опробовать конструируемые в Вашингтоне каннибальские концепции «первого ядерного удара», «затяжных», «ограниченных» и иных ядерных войн,— такой видится Европа из Пентагона.

Попыткам правящих кругов США и НАТО подрубить ядерным мечом сами основы разрядки придано и соответствующее «пропагандистское обеспечение». Возвестив устами Р. Рейгана о новом «крестовом походе» против социализма, всех сил мира и прогресса, Вашингтон усиливает ожесточенную психологическую войну против СССР, пытается вмешиваться в дела социалистических государств. Вновь и вновь извлекается на свет потрепанный жупел несуществующей «советской угрозы». Что можно сказать по этому поводу? Попытки США угрожать СССР «с позиции силы» абсолютно бесперспективны: наша страна не искала и не ищет военного превосходства, но она всегда была и будет готова постоять за себя. Что же касается тех кругов на Западе, которые упорно твердят «нет!» в ответ на любую позитивную инициативу по обузданию гонки вооружений, то эти круги берут на себя тяжкую ответственность перед народами Европы и всего мира, ибо каждая неделя, каждый день, потерянные для достижения договоренности, увеличивают ядерную опасность.

Советский Союз, его друзья и союзники убеждены, что, каким бы сложным ни было положение дел в мире, возможности преодоления опасного этапа в международных отношениях существуют. Во имя этого и кладут на чашу весов мира весь свой международный авторитет, политический и экономический потенциал страны социализма, миролюбие которых определяется самой природой их общественного строя. «Мир — Европе, мир — планете!» — этот благородный девиз социалистической политики и дипломатии объединяет сегодня миллионы людей во всех уголках Земли.

За мир и разрядку —
Народы планеты,
Нужны человечеству
Мирные дни.

Но важные боссы
Вцепились в ракеты, —
«Оглохли» они,
И «ослепли» они...

Рисунок Бор. ЕФИМОВА — Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

Заинтересованный разговор. Обсуждается проект Закона о трудовых коллективах.

НРАВСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Продукцию этого предприятия, можно без преувеличения сказать, знают сегодня миллионы людей, живущих не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Книги, художественные альбомы, журналы, открытки, календари, отпечатанные на Калининском ордена Трудового Красного Знамени полиграфическом комбинате, пользуются давним и заслуженным признанием покупателей.

Что говорят калининские полиграфисты, обсуждая проект Закона о трудовых коллективах!

Виталий ЗАСЕЕВ, фото Алексея ГОСТЕВА, специальные корреспонденты «Огонька»

— Качество печатных изделий наших мастеров отвечает самым высоким современным требованиям, — говорит первый секретарь Калининского областного комитета партии Павел Артемович Леонов. — А все потому, что на этом комбинате создан особый моральный климат, при котором наиболее эффективно используется нравственный потенциал трудового коллектива, его организаторская роль и ответственность за социально-экономическое развитие предприятия, за дисциплину и порядок на производстве. Не случайно комбинат более десяти лет носит высокое звание «Предприятия коммунистического труда». Вы в этом убедитесь, когда сами встретитесь с полиграфистами.

...Светлые, просторные цеха полиграфкомбината впечатляют своим оборудованием, культурой производства. Сложнейшими печатными машинами, дающими более шести тысяч многокрасочных оттисков в час, здесь научились управлять легко и уверенно.

Только что закончилась пересмена в цехе офсетной печати. Место бригады Вячеслава Клочкова — она, как всегда, перевыполнила норму — занимает дружина Сергея Морозова. Необходимой по технологии остановки машин для очистки печатных цилиндров не было. Сменщики, ни минуты не простаивая, тут же запустили в производство многоцветную обложку популярного журнала. И, судя по довольной улыбке контролера Надежды Андреевой, ни одного листа и сегодня не уйдет в брак по вине печатников.

Примостившись возле окна, откуда хорошо просматривается офсетная машина, я с удовольствием наблюдаю за действиями Сергея Морозова. Около двадцати лет трудится он на комбинате. За это время из рядового печатника вырос в многоопытного специалиста, безошибочно определяющего на глаз весь спектр полиграфической радуги.

Подливая и размешивая краски, он только что составил необходимый ему колер. И сейчас приготовленную смесь аккуратно разложил лопаткой в машину и запустил мотор. Читателям, незнакомым с типографским производством, мне хочется сделать небольшое пояснение. Каждая цветная фотография, будь то в журнале или в альбоме, если ее разглядывать в лупу с десятикратным увеличением, представляет собой миллионное многоцветие разных по оттенку точек. Задача печатника как раз и состоит в том, чтобы их полутона оставались идентичными на протяжении печати всего тиража издания. Иначе в одном экземпляре на фотографии небо будет голубым, в другом — темно-синим, а в третьем и вовсе могут сумерки опуститься на землю.

— Когда станок обслуживает бригада Морозова, это исключено, — замечает начальник производственного отдела Евгения Ивановна Панфилова. — И сам бригадир и его помощники Александр Абалихин и Сергей Мартьянов — прирожденные печатники, люди с хорошо развитым художественным вкусом и рабочей смекалкой. Они всегда работают с высокой степенью ответственности за порученное дело и до конца доводят его, как бы тяжело и трудно ни решалась поставленная перед ними задача.

В перерыве между сменами мы разговорились с Сергеем Морозовым. На вопрос, как им удается все время быть в ряду передовых, он ответил коротко: «Стараемся, помним об ответственности перед коллективом». Но позже, на общем цеховом собрании, когда офсетчики собрались, чтобы обсудить проект Закона СССР о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями, Морозов развил свои мысли о месте рабочего в коллективе, о силе его нравственного потенциала.

— Современный рабочий чело-

Книжная мозаика цеха готовой продукции.

век по своему кругозору и восприятию жизни, уровню экономической подготовленности и политической зрелости способен брать на себя часть хозяйственно-организационных функций и нести за них личную ответственность перед коллективом. Он не терпит лишнего назидания, опеки и тем более разговоров начальства на повышенных тонах. Он всегда готов лучше трудиться не по команде сверху, а по собственному желанию. И сделать может больше и лучше, когда с ним советуются, когда к его мнению прислушиваются по-настоящему. Такой стиль руководства давно сделался основным на нашем комбинате. Приведу только один пример. Наш сменщик в цехе — бригада Вячеслава Клочкова. Отличные подобрались там ребята, трудолюбивые, знающие. Соревнуемся мы с ними не первый год и успехи делим поровну. Правда, иной раз мы интересы сменщиков ставили в зависимость от наших собственных интересов. Работали, к примеру, до конца смены тютелька в тютельку, а необходимую машинам профилактику предоставляли делать клочковцам. Те, в свою очередь, тоже в долгу не оставались. В результате тратилось драгоценное время, снижался темп работы, появлялся брак. Руководство комбината своевременно попросило нас поискать резервы повышения производительности труда. Собрались мы двумя бригадами в выходной день за кружкой пива, посоветовались, поспорили и решили работать сообща на один наряд. Иными словами, в одну копилку собственные производственные достижения складывать. Теперь не бывает слу-

чая, чтобы мы оставили нашим сменщикам не подготовленные к работе машины. В результате на 15—20 процентов стали работать производительней, на нет свели брак. Мы обратились к руководству комбината с письменным заявлением снизить нам норму отхода бумаги. Ну и дружить стали бригадами, конечно, больше и думать над усовершенствованием производства сообща стали чаще.

Интересным, волнующим было обсуждение Закона. Выступали без бумажек, говорили и спорили от души.

Опытный печатник коммунист Юрий Спирев, выслушав рассказ С. Морозова, предложил идти дальше — создать своеобразный единый наряд между цехами-смежниками. И тут же конкретизировал свое предложение:

— Многое в нашей работе зависит от цеха подготовки форм и цеха подготовки бумаги. Хорошо сработали наши соседи — и нам дышится легко и свободно, запарились — и уже нам света белого не видно. Как лучше дело повести? Разные предложения возникают в коллективе, надо только решительнее их осуществлять. Поэтому я предлагаю дополнить статью одиннадцатую — о полномочиях в области организации, нормирования и оплаты труда — записью о том, что **администрация обязана способствовать внедрению предложений коллектива.**

Спиреву дружно аплодировали, и его коллеге Виктору Маслову пришлось некоторое время подождать с началом выступления. А когда в цехе воцарилась тишина, В. Маслов сказал о давно наболевшем.

— Главная точка опоры любого коллектива — крепкая производственная и технологическая дисциплина,— говорил опытный печатник.— Не первый десяток лет работаю на комбинате, хорошо знаю производство и никак не могу да и не хочу мириться с соседствующими со мной лодырями и летунами, прогульщиками и пьяницами. Иные начальники цехов, мастера, бригадиры ссориться с ними не хотят, а порой вопреки здравому смыслу жалеют их, тем самым нанося вред другим, добросовестным людям. Особенно пагубно это сказывается на молодежи. Смотрят на таких горе-работников молодые ребята и думают: «Раз ему можно, то и мне не возбраняется». И тут свое слово должен сказать коллектив. Так что, целиком и полностью одобряя проект Закона, я предлагаю дополнить девятую его статью: **право на получение вознаграждения по итогам года должно предоставляться не автоматически, а по предложению коллектива.**

Теме воспитания молодых мастеров и бригадиров посвятила свое выступление мастер газовой службы цеха Нина Короткова.

— Более семи лет я работаю на полиграфкомбинате, стала мастером, но, как и в первый день, испытываю нехватку знаний в управлении людьми, в умении воспитывать их. Вот почему я считаю, что нынче особенно необходимы курсы или школы подготовки мастеров и бригадиров, которые могли бы работать по-новому, с учетом требований сегодняшнего дня. Это значительно бы повысило ответственность руководителей среднего звена, подняло бы на новый уровень их самодисциплину и заинтересованность в конечном результате дела.

Много интересных выступлений было в тот день на полиграфкомбинате. Черту под всеми ними подвел директор Игорь Александрович Виноградов.

— Рабочие Калининского полиграфического комбината,— сказал он,— восприняли проект Закона о трудовых коллективах как звено в последовательном осуществлении Коммунистической партией и Советским правительством курса на дальнейшее развитие социалистической демократии, широкое привлечение трудящихся к управлению государственными и общественными делами. Не случайно в каждой его строке советские люди находят отражение собственных мыслей. И в этом, на мой взгляд, главное достоинство и сила будущего Закона...

...После собрания мы шли к проходной через цех готовой продукции. По ленте транспортера в ярких, красочных обложках плыли пахнущие краской учебники для ребят далекой Кубы. Досрочно выполнив очередной заказ, калининские полиграфисты старательно и надежно упаковывали книги, которым суждено отправиться через океан на Остров Свободы, чтобы нести детям радость и счастье больших знаний.

Бригадир цеха офсетной печати Сергей Морозов и контролер Надежда Андреева любят семь раз отмерить, прежде чем оттиск уйдет в печать.

У моря Азовского

М. БЕРЕЖНОЙ

Стан «3000» Ждановского металлургического завода имени Ильича — важное звено долгосрочной программы «Газ — трубы». Стройка ударная, комсомольская. Страна ждет, первая очередь должна вступить в строй уже в конце нынешнего года. Стальной лист, прокатанный здесь, пойдет прежде всего на производство труб большого диаметра для нефте- и газопроводов.

Проектная мощность стана — два с половиной миллиона тонн толстолистового проката в год. Листы толщиной от восьми до двадцати пяти миллиметров, шириной полтора — два с половиной метра, а длиной до двадцати пяти метров свернут в трубы на Харцызском трубном заводе, что в Донецкой области.

Стан, под крышами которого преспокойно могли бы разместиться пятьдесят футбольных полей, стремительно растет. И все уверенней пролеты и участки одеваются в стальное убранство клетей, станин, подкрановых балок и рольгангов, по которым со скоростью курьерского поезда помчат железные слитки — слябы. И пойдут они через тысячеградусную жару нагревательных печей, а те распекут их до полупрозрачной синевы, и потом слябы попадут в могучие объятия валков...

Гигантские блоки крыш цехов и пролетов (размахом тридцать шесть на тридцать шесть метров) собирают внизу — на конвейерной линии. А уже затем вкупе с сантехническим и электротехническим оборудованием, дождевыми стоками, вентиляторами и застекленными рамами их поднимают и на высоте монтируют. Этот способ монтажа на новостройке такого масштаба применили впервые. Вдвое сократятся сроки монтажа, значительно улучшатся условия труда монтажников.

Впервые в практике отечественного строительства внизу, на конвейере, собирали и мостовые краны. Первую такую «голубую птицу» подняла в воздух и осторожно уложила над этажами новостройки бригада монтажников Григория Кульбабы. Работа тонкая, ответственная.

Григорий Максимович представил нам свою бригаду. Наслаждение наблюдать вблизи за действиями машиниста подъемника Сергея Чуенкова, монтажников Федора Мухи, Николая Авдеева, Леонида Борзинца, Ивана Боклагова. Работали они спокойно, даже неторопливо, сопровождая воздушный круиз «делегатов с высотными мандатами», как они между собой прозвали эти блоки, забавными прибаутками, предупредительными возгласами. Но вот «птица» села на отведенное ей гнездовье. Села точно...

На головокружительной высоте, под куполом главного корпуса стана, мы познакомились с бригадой высотников Героя Социалистического Труда А. Е. Каверина, которая мастерила сложную систему промышленных проводок. Они приехали сюда из Горловки.

— Однако и там, в Горловке, работы не остановились,— рассказал Анатолий Егорович.— Мы разделили наш коллектив, часть ребят приехала со мной сюда, остальные остались там, чтобы не подводить тех, кто сооружает предприятие по производству формалина...

В коллективе высотников каждый — мастер. Взять электросварщика Юрия Лебедева. Виртуоз. Более десяти лет работал он на стройках Уренгоя. Родом из Донбасса, в минувшем году вернулся домой.

Поистине могуч монтажник Михаил Поляков. Для него головокружительные высоты в двести метров не в диковинку. Самые островерхие рукотворные пики Донбасса — трубы, колонны, башни — были у ног Михаила.

...Глубоко внизу тянется становой пролет. Это железный лес, в котором прорастают зеленые станины, высокие, как купола собора, могучие валки и рольганги...

Днепропетровские водители тоже внесли свою лепту в сооружение стана «3000». Они шутя прозвали свои тягачи «МАЗ-7310» «луноходами». «Луноходов» три, в двигателе каждого — табун в пятьсот двадцать пять лошадиных сил.

...Бурлит жизнь на гигантской новостройке. Тысячи каменщиков, монтажников, слесарей, шоферов, инженеров и техников, множество представителей других рабочих профессий, тружеников сферы обслуживания причастны к рождению стана. Эти дни войдут в историю, как вошли в нее дни строительства Турксиба, Магнитки, Днепрогэса...

Укрощенная стихия

«Уазик» всеми колесами упирался в грязную пульпу из снега, глины, чернозема и воды. Воды еще очень много. Она лениво ползет по обеим сторонам бывшей дороги. Стоит, прикрывшись тонким слоем льда, в больших и малых лужах, разбросанных по изуродованным хлебным полям. Больно видеть эту порушенную стихией землю плодородной амурской низины.

Пять долгих месяцев земля эта ждала весеннего солнца. Ждала апреля, его тепла. Но он обрушился двумя мощными циклонами. То дождями, то снегопадами, то штормовыми ветрами, то заморозками била весна амурского хлебороба. Такого апреля не было в здешних местах за все годы наблюдений. И все же с большим трудом, вырывая у непогоды каждый сухой час, в полях, на буграх и косогорах работали посевные агрегаты.

Поле, где скребется сейчас председательский «уазик», успело принять зерно в урочное время. Сеялки прошли здесь накануне второго мощного удара взбешенной стихии. За два дня до майского праздника она снова разъярилась — сплошная стена дождя и шквальный ветер. Тогда по опустевшим улицам Козьмодемьяновки, центральной усадьбы ордена Ленина колхоза «Приамурье», врубаясь в водяной поток, проскочил на своей машине председатель А. Ю. Донга. Чувствуя начало бури, заспешил он к дамбе, построенной колхозниками несколько лет назад. По рации, установленной в машине, председатель отдавал распоряжение диспетчеру, поднимал людей, просил парторга объехать дома по Комсомольской улице, уже залитой водой. Она прибывала стремительно. В некоторых избах, стоявших на самом берегу, поднялась до подоконников. Нужно было срочно эвакуировать людей, спасать имущество, но главное — во что бы то ни стало удержать дамбу, не дать водному потоку многометровым валом наброситься на летний лагерь фермы, на соседнюю деревню Чуевку, районный центр Тамбовку. Тридцать часов люди противостояли бешеной атаке воды. На дамбе, укрепляя берега мешками с песком, сражались мужчины во главе с председателем колхоза. Буря нарушила связь, оборвала линию электропередачи. Колхозники проявили стойкость, организованность, сознательность. Каждый на своем посту боролся за спасение общественного имущества. Спасали скот, технику, склады, семенной фонд...

Здесь была дорога.

В селе Ивановка стоит вода.

Потом, уже в мае, после всех тревог, А. Ю. Донга скажет:

— Теперь-то я могу позволить себе не согласиться с тем, как определяет С. И. Ожегов в своем словаре русского языка стихию: «Явление природы, обнаруживающееся как ничем не сдерживаемая сила».

Труженики Амурской области сдержали, выстояли. И все же глубокие шрамы оставила стихия на их земле. В местах затопления вода повредила дома, нанесла ущерб жителям, скрыла под собой луга, пашню, размыла лежащие в низинах участки дорог, разрушила мосты, кое-где повредила линии связи и электропередачи.

...Председательский «уазик» пробивается через грязную пульпу. Донга осматривает раненое поле и решает: через два дня, как только подсохнут лужи, пустить здесь бороны. Менять сцепы, попробовать взять агрегаты на двойную тягу, но сеять. По нормам агротехники до 20 мая еще можно сеять колосовые, потом нужно браться за сою. К тому времени должно подсохнуть и в низинах. И надо немедленно решать все вопросы, связанные с помощью пострадавшим дворам. Все сложно. Но главное — выстояли!

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька»

Фото автора

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведения,
лауреат Государственной премии СССР

ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

I

Это было свыше трех четвертей века тому назад. В 1906 году в Осеннем салоне в Париже Сергей Павлович Дягилев, который затем вошел в историю отечественной и мировой культуры как «неугомонный дерзатель» и «живительный гений», организовал первую за рубежом грандиозную выставку русского изобразительного искусства. На ней экспонировалось 750 произведений — иконы новгородского, московского и строгановского письма, работы живописцев и скульпторов XVIII—XIX столетий, а также художников творческого объединения «Мир искусства». У Дягилева были все основания утверждать в предисловии к каталогу выставки: «Это верный образ сегодняшней художественной России, ее искреннего одушевления, ее почтительного восхищения перед прошлым и ее горячей веры в будущее».

Выставка получила широкое признание и явилась значительным событием в культурной жизни Парижа. Отзывы французской прессы были весьма положительными. А живший тогда в Париже А. В. Луначарский писал в своей статье, что «большой успех русских художников на Западе — факт несомненный». Следует отметить, что эту выставку ждали в Берлине, Венеции, Барселоне, Вене, Брюсселе, Мюнхене и Лондоне, но из-за крайней усталости Дягилев показал ее только в первых двух из этих городов.

Успех «Русских сезонов», организованных им же с 1908 года сначала в Париже, а затем в других городах зарубежья, был поистине триумфальным. Человек редчайшей многогранности, Сергей Павлович сумел добиться в спектаклях «Русских сезонов» синтеза балетного и оперного мастерства с музыкой и декорационным искусством.

Вот несколько восторженных отзывов видных французских деятелей литературы и искусства о первых дягилевских спектаклях.

Ромен Роллан был потрясен оперой М. П. Мусоргского «Борис Годунов» с Ф. И. Шаляпиным в заглавной роли: «Эта музыка почти так же прекрасна, как произведения Толстого». Морис Равель, вспоминая «лихорадочные боевые минуты 1908 года», свидетельствовал по тому же поводу: «Спектакль обернулся триумфом. Публика восхищалась решительно всем».

Ошеломляющий успех имели во Франции и балетные спектакли, показанные С. П. Дягилевым начиная с 1909 года в его «Русских сезонах». Именно так и сказал об этом известный художник Теофиль Стейнлен в беседе с русским журналистом: «Для нас, французов, и ваш балет, и ваша опера — целое откровение... Вы ошеломили нас своим искусством». Писатель Камиль Моклер в статье «Урок Русского сезона» заявлял: «Все эти русские, исполнившие такие декорации — Билибин, Лев Бакст, Рерих, Головин, Серов, Александр Бенуа, — все они хорошие художники, смело порвавшие с условностями и сразу понявшие, что декорации музыкальной драмы совершенно отличаются от декораций драматического театра и должны являться симфонией цвета, которая созвучна оркестровой симфонии и стремится к красоте в нереальном мире». И далее: «Наши композиторы балетов и хоровых сцен, декораторы, режиссеры, танцовщики, танцовщицы — все могли без ложного самолюбия получить в один голос у русских благородный урок».

После того, когда Клод Дебюсси увидел многие постановки «Русских сезонов», он также выразил в 1911 году уверенность в благотворном воздействии русского искусства на французское: «Русские дадут нам новые импульсы для освобождения от нелепой скованности. Они помогут нам лучше узнать самих себя и более свободно к себе прислушиваться».

В дальнейшем такой же огромный успех сопутствовал гастролям «Русских сезонов» во многих странах зарубежного мира, в том числе в Англии, США, Германии, Италии, Австро-Венгрии, Испании, Монако, в ряде государств Южной Америки... А увидев дягилевские спектакли еще в 1909 году в Париже, Айседора Дункан выразила свой восторг такими словами:

«Велика заслуга Дягилева! Он развернул перед французами, если и не все, то очень многое из того, что есть в русском театре талантливого, красивого, поучительного и живописного. Он дал почувствовать, что страна, об искусстве которой большинство знает очень мало, заключает в себе целый храм эстетических радостей, и каждая подробность этого храма полна красоты и интереса».

Что же касается русских театральных художников, то исполненные ими для спектаклей «Русских сезонов» декорации и костюмы получили наивысшие оценки. Весьма требовательный Валентин Серов, прожив в 1910 году три месяца в Париже и побывав на дягилевских спектаклях, выступил в петербургской печати с открытым письмом, в котором утверждал, что именно эти спектакли, «единственно на что можно было смотреть с удовольствием в Париже». И далее: «Что вообще в настоящее время русские театральные постановки стоят на первом месте, свидетельствуют европейские художники, французы и немцы. И действительно, над этим в театрах у нас работают лучшие художники, что пока не принято в Европе». А в числе этих лучших театральных декораторов Серов называет Головина, Коровина, Бакста, Бенуа, Рериха.

А. В. Луначарский с присущим ему пониманием, дальновидностью и прозорливостью писал о мастерах кисти, так украсивших дягилевские спектакли: «В области искусства театрального, прежде всего декорационной живописи и костюмов, здесь крупнейшие русские художники, вроде Рериха, Бенуа, отчасти Юона и Добужинского, в огромной мере Бакста, произвели настоящую революцию».

А спустя свыше полувека после появления этой статьи и, видимо, не зная ее, пришел к тому же выводу наш известный художник Юрий Анненков, прославившийся, в частности, в качестве лучшего иллюстратора «Двенадцати» Александра Блока. Свою статью, озаглавленную «Значение русских художников в искусстве сценического оформления спектаклей балета, оперы и драмы», приуроченную к открытию летом 1967 года в нью-йоркском музее Метрополитен выставки русского театрального искусства, Анненков начал так: «Декорации и костюмы для театра оперы и балета, исполненные русскими художниками и показанные Сергеем Дягилевым в Париже, вызвали подлинную революцию в театральном мире Запада».

Следует иметь в виду, что вся зарубежная деятельность С. П. Дягилева была овеяна чувством глубочайшего патриотизма. Александр Бенуа писал о нем: «Он обожал Россию и все русское до какого-то фанатизма, редко кто вмещал в себе столько национальной гордости».

И действительно, до своего последнего дня — Сергей Павлович скончался в 57-летнем возрасте от заражения крови в Венеции 19 августа 1929 года — он осуществлял то, что считал главным делом своей жизни. И зарубежные ценители искусства по сей день склоняют голову перед памятью этого замечательного человека, обогатившего Запад тем, что ознакомил его с чудесными достижениями русской культуры. За границей вышло 39 книг о Дягилеве и свыше двухсот статей; в 1966 году в Париже площадь около Большой оперы была названа именем Дягилева; а еще в 1954 году в Монте-Карло, где в течение многих лет выступала труппа «Русских сезонов», на скале была установлена мемориальная доска в честь Дягилева. В надписи на ней говорится: «Русские балеты ознаменовали появление большинства шедевров, блеск которых благодаря Ему, Его друзьям и Его сотрудникам отразился на всех Искусствах». В том же Монте-Карло в 1973 году Дягилеву воздвигли памятник, а в 1978 году Монетный двор Парижа выпустил медаль в связи с предстоявшим 50-летием со дня смерти Дягилева. Огромный успех имели четырнадцать выставок, ему посвященных и организованных в шестнадцати городах Франции, Англии, США, Италии, Югославии, Монако — причем подлинным украшением всех этих выставок были оставшиеся за рубежом эскизы декораций и костюмов, исполненные нашими художниками для «Русских сезонов» С. П. Дягилева.

Театральные живописцы России, творившие в начале текущего века, оказали огромное влияние на своих зарубежных коллег и вписали блистательную страницу в историю мирового декорационного искусства.

* * *

Художники «Мира искусства» не ограничивались рамками декорационного оформления — они в значительной мере стали лидерами при создании спектаклей. «Именно мы, художники,— вспоминал А. Н. Бенуа,— не профессионалы декораторы, а настоящие художники, создали декорации для театра. Мы помогли создать основные штрихи танца и всю постановку балета в целом. Именно это руководство, непрофессиональное и официальное, принесло столько выразительной характерности нашим спектаклям». Многие исследователи ищут истоки успехов спектаклей «Русских сезонов» в живописи и графике «Мира искусства». Не случайно такой знаток искусства, как Марсель Пруст, обращался к Рейнальдо Ану: «Передайте Баксту, что я испытываю волшебное удивление, не зная ничего более прекрасного, чем «Шехерезада». Во время «Русских сезонов» имя Льва Бакста было у всех на устах. «Корабль Русского сезона»,— назвала его в воспоминаниях Тамара Карсавина. Многие балеты шли в декорациях Бакста, но подлинной виртуозности он достиг в создании театральных костюмов. Его эскизы костюмов поразительно динамичны и яркие. «Леон Бакст — вот уж поистине кто творит для французской публики «революцию»,— отмечал критик,— в своих декорациях, где словно сшибаются пронзительные синие, зеленые и карминные цветовые оттенки, он сочетает изысканность Бердслея с резкостью немецких экспрессионистов». Поразительно ощущая пластику и духовную сущность образа, Бакст в эскизах костюмов лепил самый образ. Характер героя раскрывается на его листе в стремительных поворотах тела, движении ткани, пиршестве красок. Более того, Бакст, по свидетельству современников, порой (например, в балете «Послеполуденный отдых фавна») разрабатывал мельчайшие хореографические движения. Особенно удавались ему эскизы костюмов, героини которых буквально взвихрены в вакхическом экстазе. По эскизам Бакста видно, как в рисунке искал он выражение той идеи, которая должна воплотиться на балетной сцене.

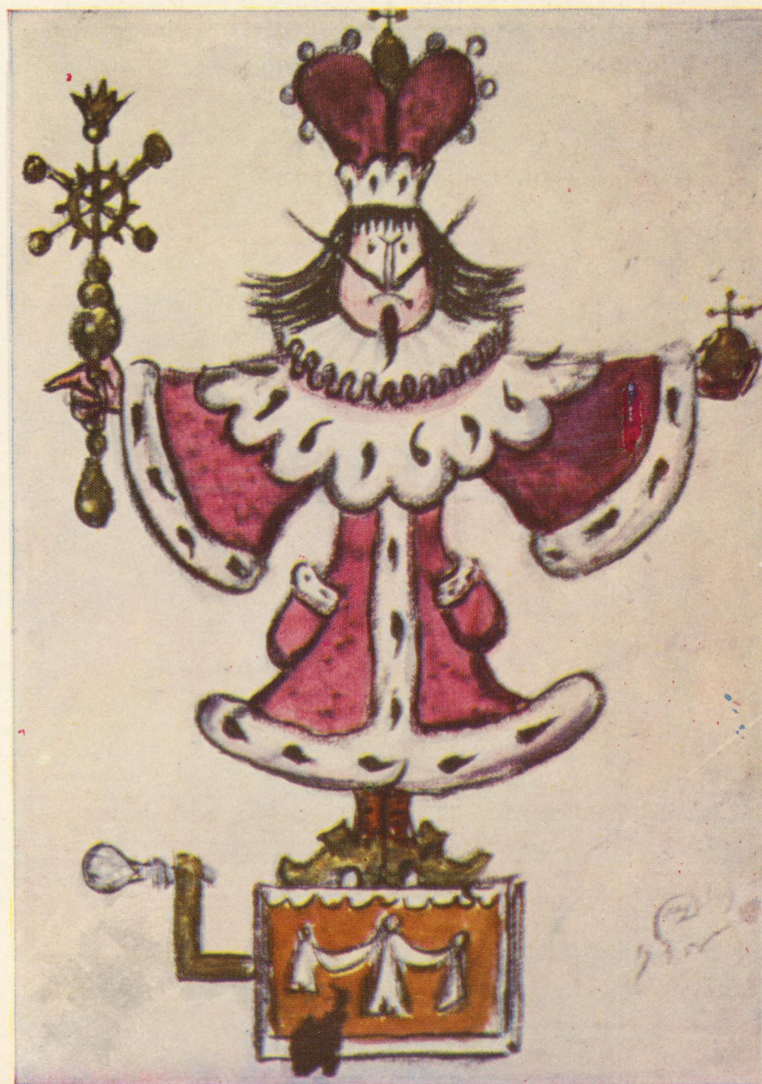
Бакст за период «Русских сезонов» выполнил эскизы костюмов и декораций к двенадцати спектаклям. Поразительны разнообразие и изобретательность его работ. Блестяще решенные в духе стилизованных иранских миниатюр сказочные темы Востока в балетах «Шехерезада» и «Синий бог» не затмевали творческие достижения художника в выполненных по мотивам античности костюмах и декорациях балетов «Дафнис и Хлоя» и «Послеполуденный отдых фавна», высокая романтическая струя ощущалась в работах к «Видению розы», одному из самых прелестных спектаклей дягилевских сезонов, волшебно станцованному Нижинским и Карсавиной.

См. стр. 25.

Александр Бенуа. ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ ДЛЯ БАЛЕТА Н. Н. ЧЕРЕПНИНА «ПАВИЛЬОН АРМИДЫ».

Александр Бенуа. ЭСКИЗ КОСТЮМА КЛОУНА ДЛЯ БАЛЕТА П. И. ЧАЙКОВСКОГО «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА».

Мстислав Добужинский. ЭСКИЗ КОСТЮМА КИТАЙСКОЙ КУКЛЫ ДЛЯ БАЛЕТА ЛЕО ДЕЛИБА «КОППЕЛИЯ».

Борис Кустодиев. ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ К ПЬЕСЕ А. Н. ОСТРОВСКОГО «НЕ БЫЛО НИ ГРОША, ДА ВДРУГ АЛТЫН».

Николай Рерих. ЭСКИЗ КОСТЮМА ЗНАМЕНОСЦА ДЛЯ ОПЕРЫ Н. А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА «СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ».

Николай Рерих. ЭСКИЗ КОСТЮМА ЖЕНЫ БОЯРИНА ДЛЯ ОПЕРЫ Н. А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА «СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ».

КРЕДО

Наталья ЮРЬЕВА

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. ПЧЕЛКО.

9

Света не перешла в общее отделение. Из отделения оперативной нефрологии в палату Марины перевели другую. В тот день, когда ушла Света, перевели.

Зовут ее Роза. Молодая, крепенькая на вид. Полные руки ниже плеча в синяках от бесконечных уколов. Желтоватый оттенок кожи — острая почечная недостаточность. Роза часто склоняется над лотком — рвота. Затем резко откидывается на подушки, ни с кем не разговаривает.

Из прежнего ее отделения к ней приходит подруга, Полина. Худенькая, в цветастом халатике. Тяжелая темная коса ниже коленей. Зеленоватые глаза. Тот же оттенок кожи, что и у Розы. Нога в щиколотке забинтована — шунт для гемодиализа.

Безмерно грустное в ней. Не здоровается. Не разговаривает с Розой. Молча усаживает ее в подушках. Расчесывает спутанные ее светлые волосы. Роза чуть успокаивается, чуть оживляется при ней. В этой палате Розе одиноко. У тех, кто лежит здесь, нет сомнения: будут жить.

Для них же, для Розы и Полины, пример и лишь робкая надежда — Света.

Полина взбивает подушки, поудобней укладывает Розу. Тихо уходит.

Несколько раз в неделю приезжает муж Розы. Высокий. Видный. Шевелюра темных курчавых волос. Очки в золотой оправе. Элегантный серый костюм. У Марины всегда ощущение, что из верхнего кармашка торчит кокетливо кончик платка. Хотя каждый раз убеждается: платка нет.

Муж ничего не приносит. Целует Розу в полную руку у плеча. Усаживается. Закидывает ногу на ногу. Он весь обращен не к Розе — к палате. Оживленная улыбка не сходит с лица. Марина не выносит его: «Развлекаться, что ли, пришел?»

А Роза нервничает, когда он приходит. Она-то беспомощна. Прикована к постели.

«Может, лучше ему бы не приходить! — раздумывает Марина.— Нет, хуже было бы, еще хуже!»

При нем Роза старается сдерживать рвоту. А получается наоборот. Муж предупредительно выходит. Пережидает в коридоре. Возвращается...

В другие дни приходит отец — такой же, как Роза: крепенький, невысокий. Такие же, как у Розы, узкие серые глаза. На его лице не просматривается беспокойства — только радость свидания.

Домовито достает кастрюльку из хозяйственной сумки. Роза выхватывает кастрюльку прямо из рук — запахи домашней пищи будоражат ее. Торопливо снимает крышку. С интересом разглядывает, что внутри. Жадно ест.

Однако недолго. Устает. Откидывается на подушки...

...Проведать Розу приходит дежурная сестра ее отделения. Роза спит. Ожидая, пока она проснется, та обсуждает с палатной сестрой Розиного мужа.

«Интересный...»

Марина не выдерживает, вмешивается:

— У Розы, по-моему, рефлекторная рвота на него!

Сестра кивает задумчиво головой:

— Может быть!

Чего только не навидалась она там, в своей «оперативной нефрологии».

Один из молниеносных обходов Профессора. В конце дня — обойти тяжелых больных, уйти домой спокойным.

Обход не из тех размеренно обстоятельных, на которых обсуждается каждый больной, выясняются сложности, неясности и сомнения. Их называют Профессорскими в отличие от этих — молниеносных...

У Марины медленно (ох, как медленно!) заживляется рана. Профессор предлагает ей пройти в перевязочную — хочет сам посмотреть. Она должна пройти сразу, чтобы встретить обход у перевязочной. Почему-то замешкалась. Когда Профессор со «свитой» проходил мимо перевязочной, Марины там не было.

Обход движется из палаты в палату. Спускается по лестнице — в мужское отделение. Марина обессиленно садится на диванчик в коридоре у перевязочной.

«Забыл обо мне!»

Мимо проходит заведующий женским отделением Попов. Это значит: обход закончен.

Марина с отчаянием к нему:

— Про меня забыли!

— Да... Задача! — смущенно тянет Попов.

Марина угадывает в нем борьбу: с одной стороны, самому лучше лишний раз не цеплять шефа. Однако может здорово нагореть, если вовремя не напомнить.

Он глядит на расстроенное лицо Марины. Минутное раздумье.

— Пошли!

От вестибюля тонкими стенками отгорожена крохотная комнатушка для неотложных консультаций. Выходит оттуда последний больной. Попов вопросительно смотрит на Марину: кому из них входить первым?

— Я сама!

Рванулась едва ли не со слезами:

— Сергей Александрович! Про меня забыли?!

И замерла на пороге. Никогда не видала его таким: серое от усталости лицо. Зевота судорогой сводит рот.

— Забыл...

Проводит рукой по лицу.

— Пройдите в перевязочную.

Здесь, в клинике Профессора, царит надежда. Кажется, нет для него невозможного.

Прибегут, скажут:

— Марина! В соседней палате ну точно твой случай. И женщина поправляется!

Побежишь! И будешь вглядываться, расспрашивать, прикидывать... Или, наоборот, своим примером ободрять и внушать надежду.

В клинике Трахнина не было этой захватывающей дух веры. Там тоже, Марина помнит, побежишь в другую палату, где как будто похожий случай. Но будешь грустно сидеть, прижавшись друг к другу, испуганно думая: «Что нас ждет?»

«Пути болезни неисповедимы!» — любил повторять Трахнин.

...Зимние утренние сумерки. Проветривание. Марина и двенадцать ее товарок лежат на своих кроватях, закутанные в одеяла. Через распахнутое окно в палату вливается свежий морозный воздух. Занимающийся за окном день сменяет больничную ночь, вытесняет ночную духоту, наполненную тяжелым дыханием, тихими стонами во сне...

Женщины напряженно вслушиваются в перестук каблуков по гулкому полу коридора. Ждут Нигелу. Нигела Алексеевна — старший врач их палаты. Нигела — странное имя. Оно как бы не предполагает отчества. Больные так и зовут ее между собой: Нигела. Тогда как второго палатного врача, молодого ординатора Холодова,— исключительно по имени-отчеству: Андрей Владимирович.

Нигела — оказывается, есть такой нежный голубенький цветок. Нигела — невысокая, хрупкая женщина с синими глазами и железным, так кажется больным, характером.

В белой шапочке с тщательно подобранными под нее волосами, высокой линией шеи она напоминает Марине египетскую царицу Нефертити.

...Стук ее каблучков женщины не спутают ни с чьим. Распахивается дверь. Щелкает выключатель.

— Доброе утро!

На пороге Нигела: свежая, накрахмаленная, всегда оживленная. И как это удается ей оставлять свои заботы за порогом палаты?!

А забот у нее хватает.

Здесь, в клинике, не привыкли считаться с временем. Мера времени — состояние больного: днем ли, ночью ли, в будни, в праздники. Так поступает Профессор. И вслед за ним каждый. Как выдержать этот темп женщине с грузом домашних забот?! (Дома двое мужчин: сын и муж.)

Нигела выдерживает. Она в числе ведущих хирургов клиники.

В наш век равноправия легко ли мужчине признать, что женщина выполняет его работу не хуже (бывает, и лучше), чем он? Ну, а если так, не слишком ли быстро забывается при этом, что все-таки она женщина. Что после тяжелейшей многочасовой операции ей, женщине, трудней, чем мужчинам, дается, скажем, ночное дежурство?

Нигеле скидок не делают. Да она и не приняла бы их.

Первая задача Нигелы утром — накормить своих мужчин. Убрать в квартире можно и вернувшись с работы.

Из дому она выходит заранее. Последние две остановки обязательно пешком. По легкому морозцу особенно хорошо. Все домашнее как бы отходит от нее.

Подходя к клинике, издали отыскивает взглядом окно с в о е й палаты. «Открыто?! Молодцы. Проветриваются!» Тихонько что-нибудь напевает про себя.

У Нигелы хороший голос. Любит украинские песни. Отчим — военный. Занесло их на несколько лет когда-то в Киев.

Когда Профессор еще не был Профессором, когда все они в клинике были моложе и свободнее, по праздникам собирались вместе. И тогда они с мужем обязательно пели дуэтом. Это был в их компании «коронный номер».

На утренней конференции Нигела появляется в приподнятом настроении.

Дома своим мужчинам говорит: «Только вы оба? Мне мало этого. Без клиники мне не жить!»

В субботу Нигела любит попариться в Сандунах. Выходит оттуда обновленной.

В воскресенье может неожиданно появиться в клинике. «Заехали с сыном по дороге с рынка».

Ничего себе «по дороге»! Рынок рядом с их домом. А от дома до клиники добрый час.

Сумка с продуктами оставляется в гардеробе. Сын в коридоре. Угрюмо смущается под любопытными взглядами, ждет мать. Нигела делает перевязку.

Массирует спину больной, сильно впиваясь в кожу острыми ноготками, отвлекает внимание, а в этот момент незаметно вводит в рану зонд. Кладет маленькую ладошку на мокрый от испарины лоб больной.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18, 19.

— Ну что, родненькая! Я знаю, больно. Но теперь уже все.

Перевязку прекрасно бы сделали и без нее. Но она знает, что больная тяжелая. Верит только Нигеле. Ей будет казаться, что без Нигелы все не так. К понедельнику подскочит температура — уж сколько раз бывало.

К приходу Нигелы все в палате стараются подтянуться. В темноте раннего зимнего утра спешат — те, кто в силах уже спешить,— привести в порядок себя. И вокруг себя. Причесаться поаккуратней.

К вечеру без Нигелы палата распускается, раскисает. Она-то знает об этом. Как-то вечером, забежав к ним, замечает словно бы невзначай:

— Утром можно подумать, что у меня в палате санаторий. Вечером, вне всяких сомнений, больница.

Вслед за Нигелой в палате появляется группа студентов. У них практика. Клиника — кафедра медицинского института. Студенты смущенно жмутся друг к другу, на больных посматривают с испуганным любопытством. Что поделаешь, болезнь никогда не привлекает.

Нигела выжидающе изучает их настроение.

— Мне хотелось бы,— говорит она,— чтобы вы прочувствовали: не исключено, что завтра любой из нас может оказаться на месте каждого больного в этой палате.

Студенты сопровождают Нигелу на обходе. Тринадцать коек одна к другой. Тринадцать больных. Соседка Марины — Зинаида Васильевна. Затем Ирина Михайловна — их с Мариной оперировали в один и тот же день. Одну за другой. Затем Люся, студентка этого мединститута. Это ее поток на практике. Ее группа в соседней палате.

Люся знает это. Робко и вопросительно сообщает об этом помощнику Нигелы, доктору Холодову.

Он все понимает. Откликается тотчас:

— Гарантирую вам: ни одного постороннего человека на обследовании.

Со свойственной ей решительностью Нигела делает назначения. Вслух, в открытую комментирует их Андрею Владимировичу. Вслух зачитывает анализы. Она знает цену малейшей недоговоренности. Больной начинает думать, толковать, истолковывать по-своему.

В ее палате все известно о каждом. И каждый знает все о себе. Больным Нигелы завидуют больные других палат. Там обычно с замиранием гадают: почему меняются назначения? Что изменилось в анализах?

Обход со студентами окончен. В палату заглядывает заведующий учебной частью этой кафедры. Раздраженно предупреждает:

— Тех, кто позволит себе пропускать утреннюю конференцию, будем отмечать и наказывать.

И все! И нарушена та увлечённая атмосфера взаимного доверия, что царила здесь до этой минуты. Нигела пытается возвратить ее.

— Я хочу добавить,— говорит она, обращаясь к студентам,— сейчас вы тоже врачи нашей клиники. А что же это за врач, не знающий, чем живет клиника! Утренняя конференция — лучшая школа для врача.

...Нигела закрепляет студентов за больными. В палате ровный гул голосов, студенты собирают анамнез... Нигела внимательно выслушивает каждую историю болезни. Задает вопросы. Уточняет. Дополняет. Рассказывает сама. Рисует ясную, отчетливо входящую в память картину заболевания.

В палате напряженная тишина.

Для студентов это — увлекательнейшие занятия. Для больных... Для больных это то, чем каждый из них живет теперь.

— ...Больного привозят в клинику,— говорит студентам Нигела.— Боль. Температура. Озноб. Почка пальпируется. Анализы же великолепные. Как вы считаете, в чем здесь дело?

Студенты молчат. В этой области они еще новички. Марина нервничает. Она столько знает уже — лучше бы ей не знать!

Не выдерживает. Шепчет, словно подсказывая:

— Закрылась больная почка...

В тишине отчетливо слышится ее шепот. Вздрагивают студенты. Нигела поворачивается к ней, подтверждает невозмутимо:

— Правильно! Все правильно. Окклюзия...

Марина смущенно натягивает на себя одеяло.

...Вечером, проходя по коридору, Нигела видит, как Марина, копируя точно ее жест, поднимает рентгеновские снимки к источнику света — консультирует больных из соседней палаты.

Нигела смеется от души. Обнимает Марину:

— Профессора... Академики...

10

Лучшей сестрой в отделении Нигела считала Дусю.

— Это милостью божьей медсестра,— говорила она.

Дуся же никогда не задумывалась, «милостью божьей» она или нет. Просто, приходя на дежурство, споро бралась за дело, так же, как дома за стирку, уборку, готовку...

Дуся была опытной медсестрой. Ей не нужно было проверять назначения, лишний раз заглядывать в книгу записей. Сам больной, диагноз его заболевания, назначения — все воспринималось ею как единое целое и надежно запечатлевалось в памяти. Если начинающий врач по неопытности назначал разные, но идентичные лекарства, она тотчас замечала это. Проверяла у Нигелы, снимала лишнее.

Они прекрасно сработались с Нигелой. Обе умели поднять настроение у больных (и обе понимали, как это важно). Обе умели легко уладить возникающие конфликты.

— В палате, как в стаде,— внушала больным Дуся.— Одна поганая овца попадется, и все за ней. А хорошо взглянет — тоже все!

Она страшно уставала. Приходя домой, буквально валилась с ног. Зачастую засыпала не поев. Среди ночи вскакивала, варила себе что-нибудь.

Ей трудно давались ее полторы ставки, дополнительные дежурства. А иначе было нельзя. Муж — шофер. Выпивал. Засекли за рулем нетрезвым. Сняли с машины на год. Слесарил теперь в гараже, зарабатывал много меньше.

Когда спрашивали ее о семье, ей и самой казалось странным, что и в рассказах ее и в мыслях муж существовал как будто отдельно от нее и от детей. Она чувствовала, что внутренне смирилась и с грубостью его и с выпивками.

«Есть муж. Держится семьи. И слава богу, надо терпеть».

Может быть, не хватало сил на все? Иное дело — дети!

— Ленка моя рыжая,— любовно говорила она о дочери,— белье мне все перегладила.

А иногда с грубоватой нежностью:

— Кляча рыжая, пол натерла — смотрись, как в зеркало.

Дочери было тринадцать лет. Был еще младший сын, Толик.

В палате Дусю любили. Видели, как она выматывается. С вечера кто-либо из выздоравливающих обязательно наглаживал ей халат. Старались подсунуть что-либо из домашней пищи. Угостить повкуснее.

Новая больная поступила в палату. Седые пряди выбиваются из маленького пучочка на затылке. Странно устроенные домашние туфли: одни тапочки надеты на другие как галоши. Что-то ворчит, ворчит без конца. Каждое высказывание свое заканчивает словами: «Поняли вы это?!»

В палате ее осматривает Холодов.

— Доктор, может, это от нервов — моя болезнь?

— От нервов?!—Холодов отвечает сурово:— В народе считают: все болезни либо от простуды, либо на нервной почве. И лечат их одинаково — водкой.

Больная в ужасе переспрашивает:

— Чем? Чем?

У нее дрожат руки. Никак не может расстегнуть бюстгальтер.

Холодов в обычной своей дотошной манере:

— При названных вами цифрах давления болело ли у вас сердце?

Она отвечает с такой же последовательной настойчивостью:

— Нет. Сердце не болело. У меня нервы!

— Значит, при том, что другие перенесли бы спокойно, вы нервничаете. Да?

— Смотря что! — И неожиданно выпаливает: — У меня все родные погибли во время войны в Белоруссии. Поняли вы это?

...Среди ночи Марина просыпается. Из коридора доносится непрестанный шорох движения... Случилось что-нибудь? Она набрасывает халат, выходит в коридор. Оказывается, идет подготовка к пересадке. Наконец-то есть почка для пересадки. Съезжаются поднятые с постелей врачи.

Марина возвращается в палату. Ложится. Засыпает. Ей снится все тот же преследующий ее сон: она на столе. Над ней склонились люди в белом. Операция... Она слышит их голоса. Команды... И просыпается от своего крика: «Нет! Не хочу...»

Утром прямо из операционной в палату забегает Нигела. Под глазами темно. А в глазах такое сияние, что невозможно спросить: «Устали?»

Одухотворенное, тонкое, полное скрытой силы лицо — более чем когда-либо, она кажется Марине похожей на Нефертити.

А на Нигелу тотчас накидывается новая больная:

— Обещали, обещали перевести. Я не могу больше лежать на сквозняке посредине палаты...

Сияние гаснет. В глазах Нигелы медленно появляется недоумение... Да понимают ли они, что сейчас было? Воскрешение обреченного. Ей кажется, здесь должен был бы звучать Шопен...

Но жизнь есть жизнь. Нигела распахивает дверь в коридор, вызывает палатную сестру. Говорит ей деловито, буднично:

— Дуся! Вполне естественно, что пожилой человек не должен лежать на сквозняке. Вот этих девочек мы на днях выписываем. Организуй, чтобы кто-нибудь из них поменялся местами с этой больной.

...Размеренно идет обход Профессора. Примерно на средине его в палату врывается возбужденный (чувствуется, чем-то удовлетворенный) Андрей Владимирович в марлевой маске. Увидев обход, моментально снижает скорость.

— Доктор Холодов! — обращается к нему Профессор.— Почему вы в маске?

— Я только что...

— Должен заметить, что ваш вид вообще вызывает удивление,— не слушая его, продолжает Профессор.— Шапочка, очки, маска. Не доктор, а человек-невидимка.

Смех разрешают себе лишь те из сопровождающих врачей, у кого в палатах обход уже позади.

Да, действительно, таков он, доктор Холодов. Шапочка надвинута на глаза, закрывает брови. Небольшие темные глаза прячутся за стеклами очков. Чуть длинноватый нос. Неулыбчивые тонкие губы. Тщательно выбритые щеки отливают синевой.

...Нигела на операции. Со студентами занимается доктор Холодов. Тихо в палате. Но это не та взволнованная, полная взаимопонимания тишина, которая царит при Нигеле. Холодову не хватает умения, обаяния, блеска Нигелы. Картина болезни в его изложении расплывчата. Он повторяется. Иногда говорит путано.

Марина слушает его не очень внимательно. Думает о своем. Слух выхватывает только отдельные его мысли.

Он говорит о больной Харитоновой. Очень немолодая, очень полная, она не выдержала тяжелых обследований — сдало сердце. («Затопили мне этими изотопами сердце...» — повторяла она.) Но сегодня кардиограмма хорошая. Харитонова знает это. И в палате все знают. И рады за нее. Тем не менее Холодов втолковывает ей:

— Хорошие результаты еще не говорят ни о чем. Имеют значение только плохие результаты... Я пессимист,— обращается он к студентам.— Нет в анализе кишечной палочки — еще не значит, что ее действительно нет. Не найдена! Будьте перестраховщиками. Будьте пессимистами. Врачу это необходимо.

Ему трудно работать с сестрами. Он требователен, дотошен. Дуся грозится уйти из его палаты. Пожилые сестры открыто грубят ему. К молоденьким он применяет свой метод: крепко берет за руку и настойчиво, сосредоточенно, без тени улыбки втолковывает свои назначения.

Есть в нем затаенная мужественность. Неотразимо действует она на девчонок — невольно подпадают под ее власть. Краснеют, когда он держит за руку. Выполняют все, что он говорит. А потом с запоздалой досадой не устают повторять о нем: «Зануда!»

— ...Главное, вырабатывайте для себя стереотип заболевания,— говорит студентам Холодов, широко и щедро раскрывая перед ними свое врачебное кредо.

Так неожиданно приоткрывается для Марины этот молодой, неулыбчивый парень, словно старающийся всегда, так ей казалось, отгородить себя от больных.

...О разрезе здесь говорят: «Рана». Как на фронте...

В перевязочной Нигела выговаривает сестре:

— Вот ты все прячешь белый стрептоцид. Говоришь, Профессор не любит. А рассказывают: под Сталинградом наш с Сергеем Александровичем учитель носил в кармане халата баночку со стрептоцидом. Ходил, осматривал раненых. Чуть что не понравится — присыпал. Война! О ней все вспоминают здесь. Хоть столько лет уже мирной жизни!

...Зинаида Васильевна — соседка Марины. Кровати их рядом. Тумбочка разделяет их, мешает общению. У Зинаиды Васильевны вторая операция на единственной почке.

Однажды ее навещают двое мужчин в темных костюмах со множеством орденских планок. Есть что-то необычное в их посещении — подчеркнуто торжественное. Марина выходит в коридор, чтобы не мешать разговору.

— Товарищи... по работе...— как-то неопределенно поясняет Зинаида Васильевна после их ухода.

Вечером темень за окном внезапно расцвечивается разноцветными вспышками. Салют!

В палате не сразу могут сообразить: почему? Какой нынче праздник?

Счет дней здесь идет для каждого не по календарю — по тому, который день после операции.

— День артиллериста! — говорит Дуся.

Зинаида Васильевна почему-то прикрывает глаза. Ресницы ее мокнут, тяжелеют...

— Вам плохо? — испуганно спрашивает Марина.

А та вдруг звенящим голосом:

— Девчонки! Ведь это мой праздник, мой! Я ведь на фронте была зенитчицей...

...Среди ночи Марина внезапно просыпается от яркого света. Над дверью включена лампочка. Плохо Зинаиде Васильевне. Температура. Озноб... Инфаркт почки. Плохо ей и в последующие дни. Зинаида Васильевна лежит, прикрывая от света глаза пеленкой.

Марина не разрешает маме делать лишнее движение у их кроватей. Лишнее движение — лишний шорох...

Случайно услышав фамилию Зинаиды Васильевны в гардеробе, Профессор дает разрешение пускать к ней родных в любое время.

— Вы должны кормить ее и кормить,— говорит он.

— Профессор! Она будет жива? — с решимостью отчаяния спрашивает тетка Зинаиды Васильевны.

Он отвечает не сразу:

— Скрывать не стану, положение очень тяжелое.— И подумав: — Спасти ее, кроме всего иного, может желание выжить.

...В десять вечера сестра гасит свет. Палата быстро засыпает от уколов, от таблеток снотворного.

Марина долго лежит без сна. Странный, желтовато-зеленый свет проникает через окно — лунный, замешанный на свете от ртутных фонарей. За окном темные силуэты голых веток. Тени веток растут, раскачиваются на стенах палаты. Зинаида Васильевна тихонько сдвигает пеленку с глаз. Марина наклоняется к ней:

— Что? Что надо?

А та, как будто внушая себе:

— Встану! Увижу зелень!

Окончание следует.

Хорошие манеры.

Б О

Георгий Р О З О В,
фото автора

— Этот кубик Рубика для нас находка. Чем на голове ходить, лучше уж головой работать,— посмеиваясь, говорила мне учительница одной из московских школ. Полный самоуважения восьмиклассник обучает малышню в считанные минуты расправляться с загадкой венгра Рубика. Кубики крутит в руках каждый пятый.

...Большая перемена в разгаре. Все вроде бы так же, как и двадцать лет назад, когда я сам носился по школьному коридору. Так же, но не совсем. За косички девочек не дергают — косичек почти не стало. Беготни меньше. Девочки прыгают через резиночку, высоко-высоко. А в кабинете биологии я приметил кошку, выглядывающую из портфеля, рядом по парте бегал хомяк. Это учительница попросила детей принести на урок, посвященный млекопитающим, домашних зверюшек. И совсем уж странное для перемены явление: девочка с вязаньем в руках.

Десятиклассники после звонка и не думают предаваться отдыху: они бурно продолжают спорить о какой-то математической премудрости. Что это! Инерция высоких чнтеллектуальных нагрузок!

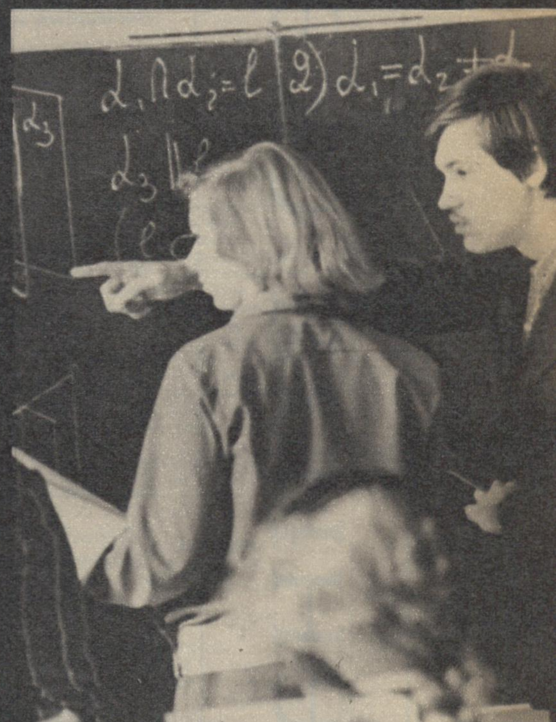

Наглядное пособие.

«Козлятки».

Сюрприз для бабушки.

Веселые нотки.

Урок продолжается на перемене.

ЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА

Кубик Рубика — решенная загадка.

На школьном дворе.

ПОЭМА

современная сказка

Сергей ОСТРОВОЙ

Космическим сестрам.
Нынешним и грядущим.

Жила-была девочка
Возле холма.
Под солнечным парусом
Плыли дома.

Под солнечным парусом
Плыли дома.
Жила-была девочка
Возле холма.

Жила-была девочка
Возле холма.
И все о себе
Она знала сама.

И не было в этом
Ни чуда, ни дива.
Уж очень умна была.
Очень красива.

Казалось, что все в ней
Пронизано светом.
И каждый старался
Сказать ей об этом.

И многие
Ей улыбались при встрече.
И клали ей руки
На тонкие плечи.

А отвернувшись,
Шептали сварливо:
— Не будет ей счастья:
Уж очень красива!

А девочка утром
Тропинкой косою
Бежала к холму
Умываться росою.

А девочка утром
По птичьему звону
Взбегала на холм
По отвесному склону.

И — руки вразлет —
И, страшась оступиться,
Парила над миром,
Как вольная птица.

Ах, как ей хотелось
Летать над землею.
Над облаком белым.
Над черною мглою!

Туда, в беспредельность,
В зазвездные дали,
До той высоты,
Где и птиц не видали.

Где звоны галактик
То громче, то тише.
А люди должны
Подниматься все выше.

А людям врываться
В загадочность света.

И тут
я хочу
отступить
от сюжета.

...Однажды в степи
На исходе июля,
Где ястреб в добычу
Вонзался, как пуля,

Где пьяные маки
Пылали багрово,
Где пчелы взлетали
И падали снова,

Где в жаркой истоме
Хмелела зарница —
Вдруг села на травы
Огромная птица.

Огромная птица.
Чудно́е виденье.
Ни крыльев, ни перьев,
Ни звонкого пенья.

И степь удивилась.
И степь загудела:
— Откуда она?
Из какого предела?

Какие там выси?
Какие там дали?
Мы птицы такой
Никогда не видали.

Зачем эта птица —
Зеленого цвета?
В железо обута?
В железо одета?

Кто нянчил, кто пестовал
Эту породу?
Мы птицу такую
Не видели сроду.

И вдруг
зашаталась
земля
от удара.
И прыгнул огонь
Бесшабашно и яро.

И эхо пошло
От глухого раската.
И птица взвилась
И помчалась куда-то.

Была она в небе,
Как искорка света...
И тут
я опять
отступлю
от сюжета.

Вы помните девочку,
Ту, что хотела
Летать над землею,
Не зная предела?

Вы помните девочку
Возле излуки,
Над сонным холмом
Простиравшую руки?

Ах, как ей хотелось
Однажды забраться
В хрустальные домики
Звездного царства!

Ах, как ей хотелось
Подняться всех выше,
Где звоны галактик
То громче, то тише!

Где столько простора
И столько покоя,
Что больше нигде
Не увидишь такое.

Лететь! В беспредельность.
В загадочность света...
И тут
я опять
отступлю
от сюжета.
В то утро,
Сойдя с голубого увала,
Над раннею степью
Заря ликовала.

И не было удержу
Красному лету.
И пчелы тянулись
К медовому цвету.

И утро дышало
Настоем дурманным.
Лазоревый цвет
Обнимался с багряным.

А розовый с белым.
А синий с зеленым.
Трава к высоте
Обращалась с поклоном.

И солнце по травам
Катало ободья.
Лилась благодать
На степные угодья.

И, шумно сбегая
С крутого увала,
Заря улыбалась.
Заря ликовала.

И тут-то, в то утро,
В ту самую пору,
Вдруг гром пробежал
По степному простору.

Подул ураган.
И какая-то сила
Согнула траву
И цветы подкосила.

Глядите, глядите,
Да это садится
Слетевшая с неба
Железная птица!

И степь удивилась.
И степь загудела:
— Откуда ты к нам?
Из какого предела?

Какие там выси?
Какие там дали?
Уж мы тебя, птица,
Однажды видали.

На ветре неслась,
На бегучей волне ли,
А вон как бока у тебя
Почернели.

Так кто же ты?
Вестница тьмы? Или света?
И тут
я опять
отступлю
от сюжета.

Вы помните девочку,
Ту, что хотела
Летать над землею,
Не зная предела?

Вы помните девочку
Возле излуки,
Над сонным холмом
Простиравшую руки?

Ах, как ей хотелось
Однажды забраться
В хрустальные домики
Звездного царства!

Ах, как ей хотелось
Подняться всех выше,
Где звоны галактик
То громче, то тише!

За синий барьер.
За крутые пороги...
А годы все шли,
Не сбиваясь с дороги.

А годы все шли,
Обгоняя друг друга,
По звездным обычаям
Вечного круга.

И выросла девочка,
Та, что хотела
Летать над землею,
Не зная предела.

Жила эта девочка
С думой одною,
Что крылья растут
У нее за спиною.

Что спрятана в крыльях
Великая сила,
Которая в небо
Ее возносила.

К рассветам. К закатам.
К луне белолицей.
И выросла девочка,
Стала орлицей.

Уже она в небо
Летала без страха.
Рождались планеты
Из звездного праха.

Качался простор
На волне белопенной.
И солнечный ветер
Свистел во вселенной.

Да разве такое
Хоть с чем-то сравнится,
Когда ты летишь,
Будто вольная птица?

И пьешь высоту
Чистоты сокровенной.
И солнечный ветер
Свистит во вселенной.

А может быть, там,
На дорогах рассветных,
За тысячью звезд
Расстояний несметных

Живут наши братья.
Высотные люди.
И молят о встрече,
Как молят о чуде.

Туда! В беспредельность!
В загадочность света.
И тут
я опять
отступлю
от сюжета.

Трава... А на травах
Железная птица.
Под свежей росою
Трава голубится.

Железная птица.
Чудно́е виденье.
Ни крыльев, ни перьев,
Ни звонкого пенья.

Ей хочется — птице —
На травах погреться...
И вдруг
приоткрылась
волшебная
дверца —

И в дивной одежде
Сошла без опаски
Прекрасная девушка,
Будто из сказки.

Из сказки. Конечно.
Ничуть не иначе.
Ей дальние звезды
Желали удачи.

С ней небо делилось,
Как делятся с другом,
Бессонной луною
И солнечным кругом.

Богатством зари.
Широтою простора.
И вечною музыкой
Звездного хора.

Ах, как эта музыка
Звонко звучала
У самого
дальнего
в мире
причала!

То слитным напевом,
То нотой отдельной
Звенит тишина
Высоты запредельной.

А нынче — смотрите,
Пусть каждый вглядится,
Как мягко на травы
Ступает орлица.

Глядите, глядите же
Снова и снова,
Как пьет она воздух
Раздолья земного.

Как с листьев росу
Собирает по горстке,
Прижавшись щекой
К одинокой березке.

Как гладит цветы.
И под утренней синью
Чуть-чуть влажноватою
Дышит полынью.

А степь ликовала.
Лучилась. Кипела.
Все ярче звучала
Степная капелла.

Капелла цветов.
И капелла простора.
И радости
жгучей
звенящая
втора.

О, пусть эта музыка
Длится и длится.
Идет по траве
Молодая орлица.

И крылья вразлет
У нее за спиною,
Налитые небом
И силой земною.

Вы помните девочку,
Ту, что хотела
Летать над землею,
Не зная предела?

Крылатая женщина.
Вестница света.

...Вот так
и останется
в памяти
это.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГАФУРА ГУЛЯМА

ГАФУР-АКА ИДЕТ В ЗАВТРА

Народный поэт Узбекистана, академик, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР Гафур Гулям. Для него Ташкент был родным домом, Узбекистан — отчим краем, страна — Родиной, мир — миром. Оставляя на какое-то время Ташкент, поэт как бы олицетворял свой народ. Разъезжая по стране, по республикам, народам, от имени его он однажды сказал:

Я, узбек, на Кремлевской
трибуне стою,—
Ты, Советская власть,
мне дала это право!
Я великую партию славлю
свою,—
Ей народ мой обязан
всесветною славой.

Очень уместно звучит здесь это «я», потому что Гафур Гулям был личностью, органически воплотившей историю своего народа, его фантастический полет из феодализма в социализм.

Читая стихи Гафура Гуляма, познаешь историю народа: арба, усталый, тощий конь с потертою спиной, по степи бредет нищий караван, хотя то тут, то там возвышаются гробницы старше пирамид Хеопса, хотя отсюда везли в Мадрид первое радужное стекло, хотя здесь раньше других овладели логарифмами и узнали тайны звезд... Когда первые тюки узбекского хлопка дошли до Англии, таможние знатоки решили, что это шерсть какой-то особенной овцы. Но... По степи бредет нищий караван, из кишлаков доносится стон ткацких веретен и глухой перестук маслобоек, хлюпает бадейками скрипучий тигиль — водоподъемное колесо. На нищенских грошах богатеет эмир.

И вдруг становится ясным глубокий смысл увиденного Гафуром Гулямом сходства тюльпанов на земляных крышах кишлачных мазанок со знаменным кумачом! Именно с этих крыш дехкане обнадеженно вглядывались в российскую северную даль, где вопреки всем вековым устоям, испепеляя закоснелый строй неприкрытого рабства и гнета, вставало солнце избавления.

Душевный настрой, порыв Гафур Гулям передает с абсолютной искренностью. И это достигается самыми простыми, как снег и вода, изначальными, как земля и небо, образами.

Кто слышал живое слово Гафура Гуляма перед многотысячными аудиториями колхозников, рабочих, студентов, школьников, несомненно, ощутил крепость духовного родства поэта с народом. Каждое его обращение мгновенно находило сердечный отклик. На вопрос, брошенный в зал, тут же неслись многочисленные ответы, от шуток поэта тишина часто взрывалась дружным смехом, и все потому, что на протяжении нескольких десятилетий люди привыкли видеть в Гафуре Гуляме свое «я», метко выраженное то задушевным, то гневным, то насмешливым поэтическим словом.

Перо поэта становилось все более искусным от работы над переводами на узбекский язык Шекспира и Пушкина, Лермонтова и Бомарше, Горького и Маяковского.

С полным сознанием величия интернационалистских высот дружбы народов Советского Союза Гафур Гулям писал в стихотворении «По декрету Ленина»:

Казахстан ли,
Россия ли
иль Украина —
их победа становится
нашей судьбой.

И тем радостнее ему было видеть устремленной в завтра свою республику:

У хлопка мечты
И у строек мечты,—
Я их, словно яркую книгу,
листал,
И весь предо мною
раскинулся ты
Мечтой многоцветной,
Узбекистан!

Да, для него мир был миром, страна — Родиной, Узбекистан — отчим краем, Ташкент — родным домом. Гафур-ака одинаково уютно себя чувствовал на кафедре Академии наук и в чайхане, перед объективом телекамеры и на венской табуретке своего старого друга — уличного сапожника, в редакции газеты и возле жаровни старогородского шашлычника. Для него все это были разные комнаты одного и того же родного дома.

А Ташкент, осиротев летом 1966 года, как бы ждет его сегодняшних стихов... Но, право же, для этого надо только полистать книги поэта. Вот, например, будто сегодня написанные строки о родном городе:

Я в градостроители завтра
пойду,
Чтоб все совершилось,
о чем я мечтал,
С другими столицами чтоб
наряду
Ташкент мой одной
из красивейших стал.

Что ж, судьба быть современным всегда достается лишь тем, кто умеет видеть будущее.

Вяч. КОСТЫРЯ

«огонек» выступил. что сделано?

И ВНОВЬ О ВАЛААМЕ

«Огонек» неоднократно печатал материалы о замечательном памятнике истории, культуры и природном заповеднике — острове Валааме (№ 8 за 1982 год — «Судьба Валаама», № 46 за 1982 год — «Судьба Валаама волнует многих»).

В редакцию поступило письмо из Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, которое мы предлагаем вниманию читателей.

«По поручению Совета Министров РСФСР Центральный совет рассмотрел вопросы об охране памятников истории и культуры Валаамских островов, поднятые в публикациях журнала «Огонек», и сообщает:

Учитывая неоценимую значимость для русской культуры всей архитектурной и природной среды островов архипелага Валаам, целесообразно изменить статус «музея-заповедника», который в настоящее время филиал краеведческого музея в Петрозаводске. Наличие на островах интереснейших памятников архитектуры, а также объектов гражданского, инженерного, культового зодчества, не состоящих в настоящее время под охраной государства как памятники истории и культуры, наличие уникальных объектов природы, которые должны оберегаться и содержаться как музейные экспонаты, и, наконец, сама среда островов, ландшафты, силуэты, экология — все это позволяет говорить, что на островах может быть создан историко-архитектурный и природный музей-заповедник, подчиненный непосредственно Министерству культуры РСФСР. В ведение дирекции вновь созданного музея-заповедника передать функции по организации работы музея-заповедника, его охране, реставрации памятников архитектуры и природного ландшафта, организации туризма и всей хозяйственной деятельности на территории Валаамских островов.

Центральный совет считает, что разрабатываемые «Ленгипрогором» в настоящее время «Материалы, обосновывающие размещение объектов туризма на острове Валаам до 2000 года» не могут охватить и наметить пути решения комплекса жизненно важных проблем, поднятых в публикациях журнала. Целесообразно обязать «Ленгипрогор» ускорить разработку проекта «Технико-экономического обоснования Валаамского историко-архитектурного и природного заповедника».

До решения всех вопросов, связанных с организацией историко-архитектурного и природного музея-заповедника, необходимо временно сократить поток однодневных туристов на острова Валаам, а также усилить охрану памятников архитектуры и природы.

А. МОЛЧАНОВ,
заместитель председателя
Президиума Центрального
совета Общества».

строка из продовольственной программы

КАКОЕ СЕМЯ — ТАКОЕ ПЛЕМЯ

С. КАЛИНИЧЕВ
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

В традиционном представлении селекционер выглядит этаким дедом-всеведом, который колдует над тычинками и пестиками, расхаживает меж делянками посевов, выискивая по неуловимым приметам тот единственный экземпляр, который положит начало новому сорту.

— Такое представление безнадежно устарело, — сказал мне Сергей Валентинович Бирюков, — сейчас селекционер по характеру своей работы скорее похож на конструктора. Он вынашивает общий замысел будущего растения, на который работают сотни людей, десятки лабораторий.

С. В. Бирюков — заместитель директора по науке Всесоюзного селекционно-генетического института (ВСГИ). Своеобразный научный центр расположился на окраине Одессы, на Овидиопольской дороге. По существу, это целый городок, где есть научные лаборатории, теплицы, жилые дома, Дворец культуры...

Коллектив института награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, он координирует разработку теоретических основ селекции семеноводства, которую ведут ученые 78 институтов нашей страны и стран СЭВ. Здесь, можно сказать, проходит передний край Продовольственной программы.

Какое семя — такое племя. За счет хороших семян на том же поле, при тех же затратах труда можно получать значительно бо́льшие урожаи. Но их, эти семена, как говорят одесситы, еще надо иметь... Скажем, сейчас никого не приходится агитировать за люцерну, которая дает до 450 центнеров зеленой массы с гектара. И какой массы — с высоким содержанием белка. А это — молоко, мясо...

Нехватка семян люцерны привела к тому, что каждый здесь устраивается как может, и за один килограмм зерна люцерны колхозы платят порой столько, сколько стоят два-три центнера пшеницы. А дело в том, что при обильных урожаях зеленой массы люцерна дает мизерные урожаи семян, в среднем менее одного центнера с гектара. Вот ученые института и пытаются создавать новые сорта. Уже выведены и районированы такие сорта, как Зарница, Радуга, Комета, которые в государственных сортоиспытаниях дали по 4—5 и даже до 10 центнеров семян люцерны с гектара.

Но особое место среди пристрастий селекционеров института занимает пшеница, хлеб наш насущный. Вот уже много лет высевается на миллионах гектаров Одесская-51. В той же лаборатории, которой руководит академик ВАСХНИЛ Д. А. Долгушин, выведен сорт Одесская-66. Наибольший ее урожай в госсортоиспытаниях составил 99,4 центнера с гектара. Она районирована в нескольких областях. И все же Одесская-51 не сдала своих позиций, ее сеют на Украине и в Молдавии, в Ростовской области и на Ставрополье.

Однако «долгожительство» сорта не всегда идет на пользу делу. Принятый в нашей стране курс на интенсификацию земледелия предполагает постоянное обновление сортов, более строгое их районирование. Каждый сорт должен наиболее полно использовать условия определенной почвенно-климатической зоны и через несколько лет уступить место новому, более продуктивному и ценному. Нужен четко действующий селекционный конвейер.

Традиционно на создание нового сорта пшеницы или другой культуры уходит пятнадцать, а то и двадцать лет. Такие темпы, естественно, никак не отвечают современным требованиям. Как же ускорить работу?

Под гулкими бетонными сводами стояли шкафы, похожие на гигантские холодильники. Мой спутник, Анатолий Кириллович Ляшок, открыл массивную дверь одного из них. Брызнуло яркое солнце, повеяло жарким летом: на стеллажах желтые стебли вздымали тяжелые колосья созревающей пшеницы... Потом он прошел к другому шкафу и отворил дверь. Специальные лампы светили не так ярко, да и температура в камере, как показывали вынесенные на стенку приборы, была не столь высокой. А все внутреннее пространство мерцало спокойной изумрудной зеленью. В десятках ящичков ровными рядками стояли всходы озимого ячменя. В других шкафах только всходили или цвели, наливали соками первую завязь или подсушивали созревшие зерна горох и соя, люцерна и подсолнухи...

— Это камеры искусственного климата, — пояснил Анатолий Кириллович. — Есть здесь немецкие, американские, наши отечественные. Все они работают по заданной программе, автоматически поддерживают точную температуру, освещенность, частоту смены «дня» и «ночи».

Пройдя по «техническому» этажу, где установлены мощные компрессоры, кондиционеры, миновав шлюзовую камеру, мы попали в просторную теплицу. Не чувствовалось обычной для теплиц духоты. Легкий ветерок овевал лицо, зеленели участки злаков и трав... А потом мы побывали на центральном пульте, в царстве автоматики и электроники, где стены заняты щитами приборов и контрольных лампочек.

— Здесь сосредоточено управление фитотроном — станцией искусственного климата, в которую входят десятки камер и восемь теплиц, — объяснил А. К. Ляшок. — Они работают в автоматическом режиме, по программам, которые предлагают ученые. С помощью фитотрона мы можем получать до трех урожаев озимой пшеницы в год. Теперь представьте себе, как это ускоряет работу селекционера, которому необходимы многие годы для выведения нового сорта!

— Начнем с простейшего, с того, что можно увидеть своими глазами, — сказал заведующий лабораторией биохимической генетики Федор Александрович Поперелля.

Он привел меня в комнату, где женщины пекли хлеб. Тут в миниатюре было представлено все оборудование для хлебопечения, начиная от мельниц, которые размалывают зерна послойно, сначала снимают кожицу, потом верхние слои и до самого ядра, и до электропечек. На полках лежало множество румяных буханочек, испеченных из ста граммов муки каждая. Но по величине они различались довольно существенно. Здесь же проводился анализ муки, теста, готового хлеба. А приборы все это с математической точностью фиксировали, вычерчивали на бумаге графики.

— Качество хлеба зависит от набора белков в зерне. Белки же определяют и многие другие особенности сорта — засухоустойчивость, сопротивляемость различным болезням.

С этими словами Федор Александрович провел меня в другую комнату, уставленную лабораторной посудой.

— Носителей наследственности — генов — мы с вами не можем увидеть, но их «характеристики» я вам покажу.

Он взял стеклянную трубочку, заполненную студенистым раствором. Таких трубочек с полосато окрашенным содержимым здесь стояли сотни. В лаборатории извлекают из зерна белки, подкрашивают их и пропускают через специальный раствор. В студенистой жидкости белки как бы просеиваются, располагаясь в строго определенном порядке, образуя столбец кольцеобразных темных полос.

— Каждый ген контролирует синтез строго определенного белка. В зависимости от количества этих темных полос, интенсивности окраски, порядка, в каком они расположены, я могу назвать вам все семь генов данного сорта пшеницы, которые контролируют синтез белка, дать характеристику каждого.

Было время, когда некоторые селекционеры скептически относились к рекомендациям лаборатории. Один из них как-то сказал Федору Александровичу: «Я творец, а вы хотите сделать меня комбинатором!»

Но те времена прошли. Творцы убедились, что строго выверенный по генетическому коду подбор исходных сортов делает их труд более продуктивным, помогает избежать бесперспективных хлопот, значительно ускоряет работу.

Надо сказать, что и сотрудники, казалось бы, чисто научных лабораторий нисколько не оторваны от сельскохозяйственной практики. Они знают землю не хуже того колхозника, который всю жизнь на поле. За лабораторией, которой руководит Ф. А. Поперелля, например, закреплено шесть гектаров земли. И это не просто посевы, которые надо вырастить и убрать. Здесь каждое растеньице — объект исследований. Его надо вручную посадить, вырастить, проследить за ним. Так что практически в научных кабинетах они трудятся осень и зиму, а весну и лето все — от лаборанта до заведующего — в поле. Каждый из них эти шесть гектаров не раз, как говорится, облазил на коленках.

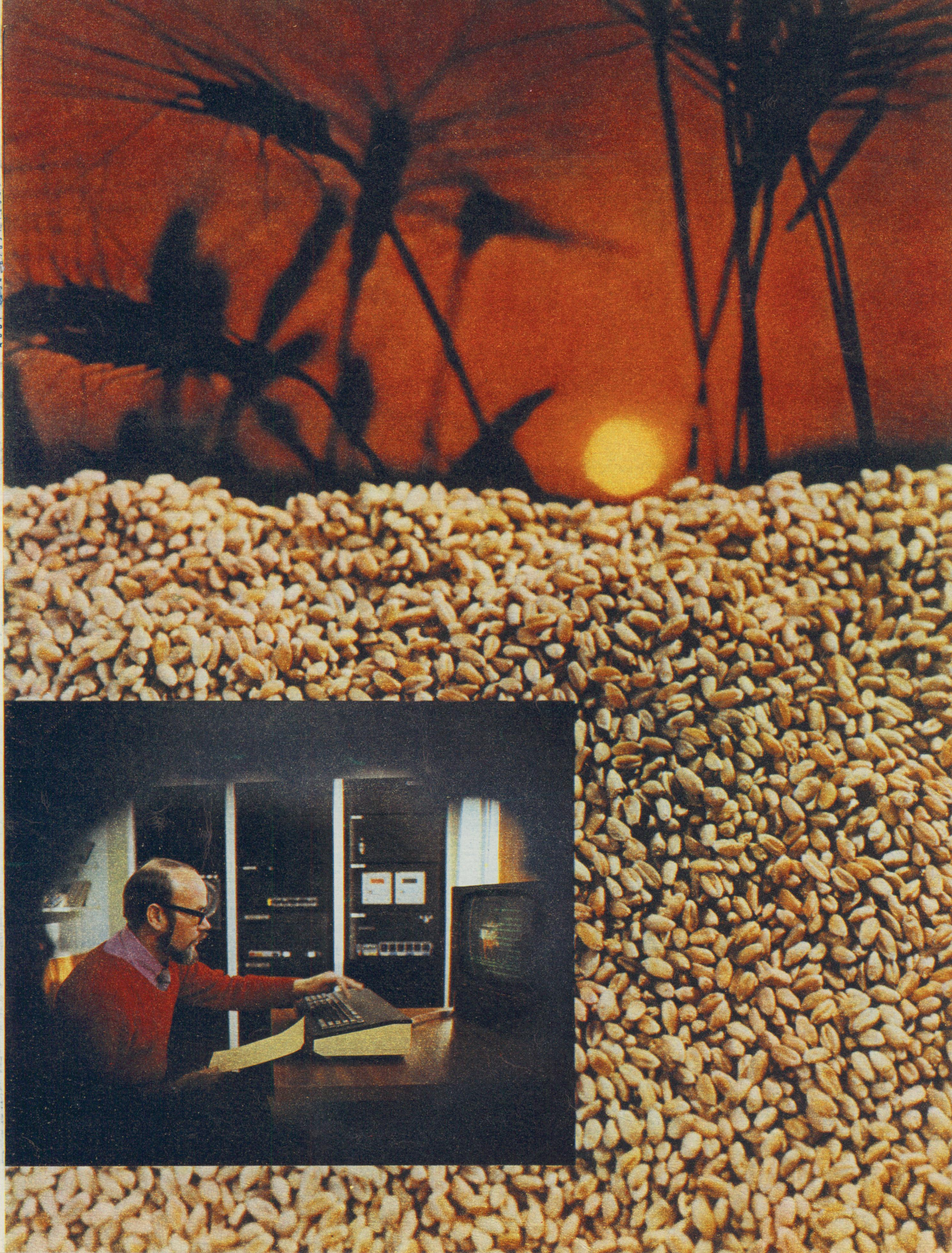
— Когда мы произносим слова «зерно», «пшеница», то имеем в виду не только хлеб, булки и макароны, но и мясо. Весомая часть валового сбора пшеницы идет на корм скоту как основная белковая добавка. А в последние десятилетия содержание белка в наших пшеницах существенно снизилось. И ныне одна из основных целей селекции — создать сорта не только урожайные, но и с высоким содержанием белка.

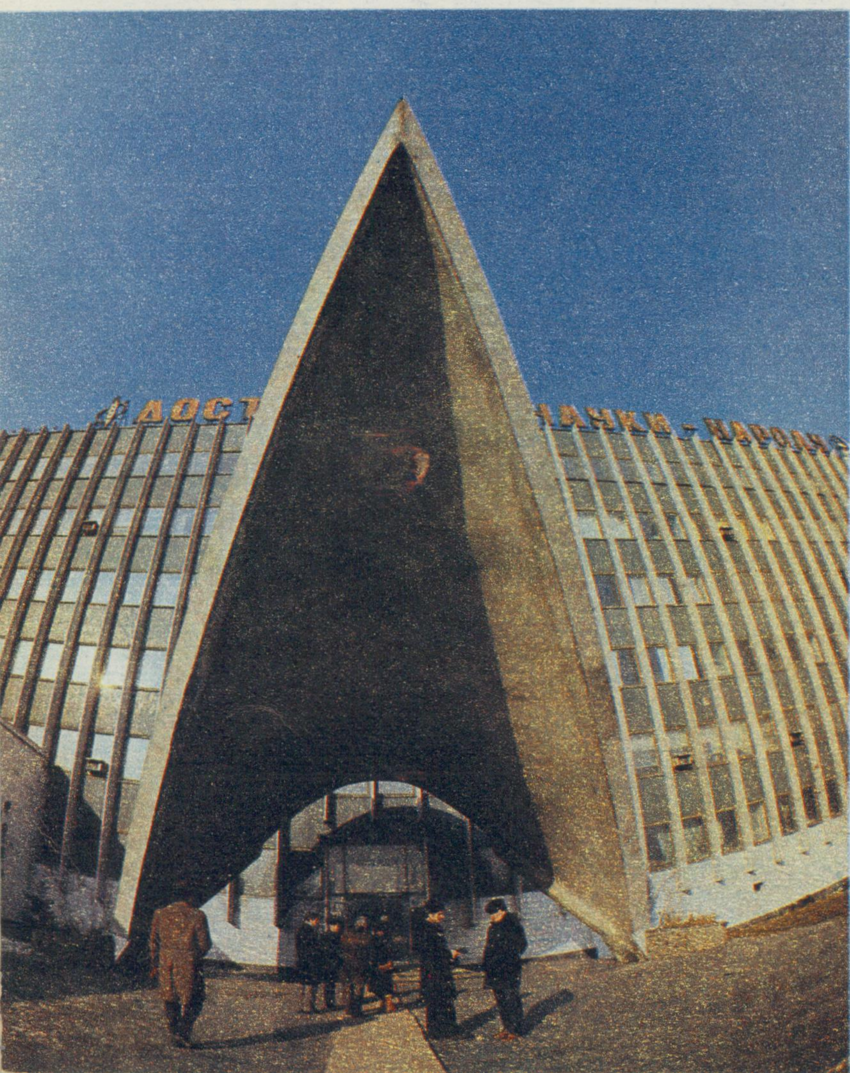
Так объяснял одну из задач коллектива ученых Сергей Валентинович Бирюков. Об этом же, но более подробно говорил академик ВАСХНИЛ Герой Социалистического Труда Прокофий Фомич Гаркавый. Он заведует отделом селекции и семеноводства ячменя. Почти пятьдесят лет работает здесь Прокофий Фомич. Им выведены такие известные сорта, как Южный, Одесский-36, Нутанс-106, Черноморец. Впервые для степной зоны выведены сорта озимого ячменя, сорта «двуручки», то есть которые можно использовать и как озимые и как яровые. О ячменях он, кажется, знает все. Где, в каких странах и сколько его сеют, в какие годы и в каких условиях получены те или иные урожаи — все это реалии его ежедневной работы. Однако нашу беседу он начал не с этого.

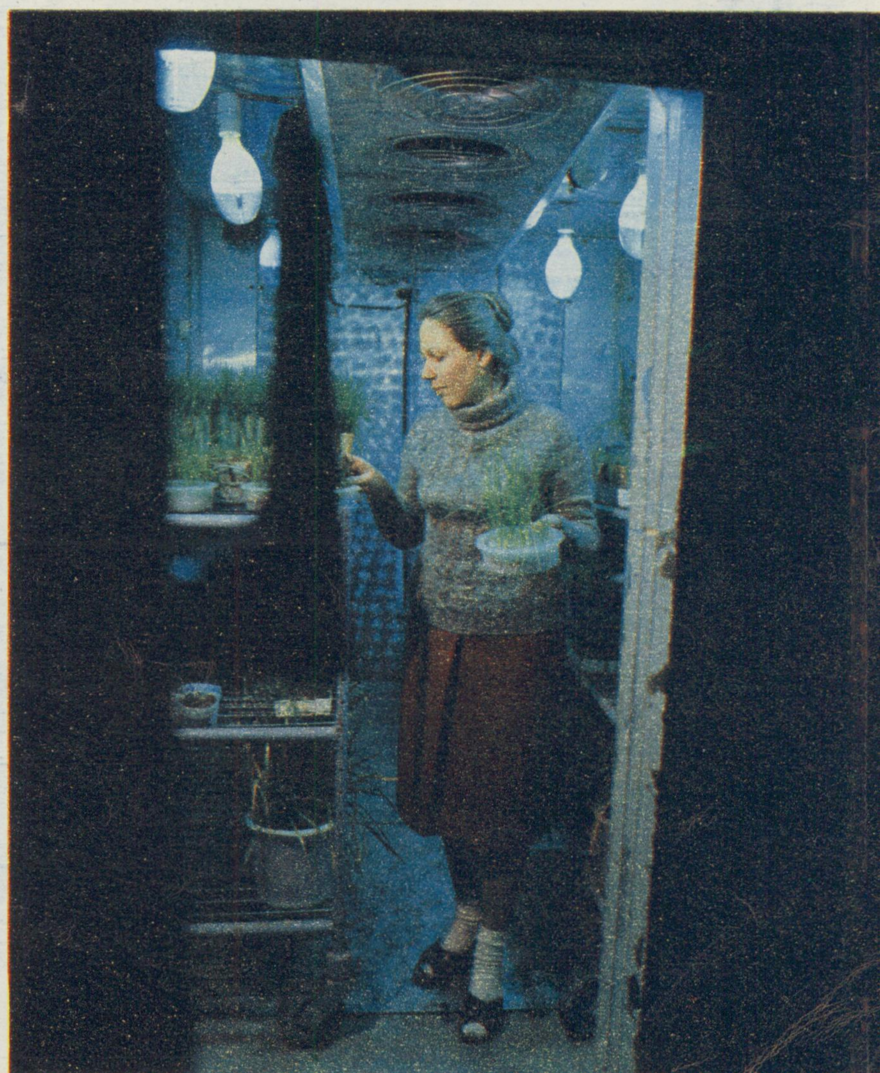
— Чтобы нарастить килограмм мяса, животное должно съесть пять с половиной граммов лизина. Есть такой жизненно необходимый белок. Можно дать бычку или поросенку хоть центнер корма, но, если нет в нем среди прочих белков этих пяти с половиной граммов лизина, килограмм мяса не получишь. Пока что мы миллионы тонн пшеницы из-за низкого содержания в ней лизина скармливаем впустую. Организм животного отбирает недостающий ему лизин, а половина питательных веществ пропускается, так сказать, транзитом.

Так выглядит одесская полукарликовая пшеница * Заведующий вычислительным центром Всесоюзного селекционно-генетического института кандидат технических наук А. А. Смалько.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Академик ВАСХНИЛ, Герой Социалистического Труда П. Ф. Гаркавый на опытном поле * Оранжерея отдела селекции и семеноводства ячменя * На службе исследователей сложные приборы. Старший инженер по электронной микроскопии А. Н. Новоселов ведет наладку.

— А как решается эта белковая проблема в других странах?

— Американцы кормят животных в основном кукурузой с добавкой соевого шрота. Они собирают около двадцати центнеров сои с гектара, отжимают из нее масло, а соевый жмых — шрот — содержит почти в четыре раза больше белка, и в том числе лизина, чем пшеница. Нам же природа по климатическим условиям отвела около пяти миллионов гектаров под кукурузу и еще меньше — под сою. Да и опыт ее выращивания у нас победнее. Страны юга Европы в какой-то степени следуют американскому образцу. В зарубежных закупках Франции, например, соевый шрот стоит на втором месте — после нефти. Кстати, мы тоже шрот покупаем... А вот на севере Европы идут по другому пути, более интересному для нас. Там выручает ячмень. Уровень животноводства в Дании, как говорят, в рекламе не нуждается. И там посевы ячменя по занимаемым ими площадям в десять раз превышают посевы пшеницы.

Дело в том, что ячмень — это почти сбалансированный корм для животных. Он содержит в полтора-два раза больше лизина, чем пшеница. Ячменная солома по своим качествам сравнима с грубым сеном, а для овец она вообще лучший корм. Ячмень скорее вызревает, что дает возможность использовать рано освободившееся поле для повторного посева проса, гречихи и других культур. Прокофий Фомич убежден — и это его убеждение основано на объективных цифрах мировой статистики, — что для решения проблемы производства мяса в нашей стране надо ежегодно выращивать 80—90 миллионов тонн ячменя. Расширять же его посевы можно в основном за счет сокращения посевов пшеницы.

Но такому перераспределению площадей мешают и объективные и в значительно большей степени субъективные причины. Дело в том, что в наших традиционно хлебных областях ячмень дает несколько меньшие урожаи, чем пшеница. Расширить его посевы, скажем, в районе, области, республике — значит заведомо пойти на некоторое снижение валового сбора зерновых. Кто же согласится ухудшить отчетные показатели! Конечно, этот несколько меньший урожай ячменя позволит получить значительно больше мяса, чем потесненная им более урожайная пшеница. Однако отчетная цифра по валовому сбору зерна действует почти магически. Вместе с тем у нас уже есть примеры и иного подхода к оценке работы земледельцев. Украинские свекловоды, например, все чаще отчитываются не по валовому весу выращенных корней, а по выходу готового сахара с гектара.

Прокофий Фомич, несмотря на свой возраст, человек довольно подвижный. Он объездил Урал, Сибирь, Дальний Восток. Особые связи у него с Крымом. Там он встречался со многими хозяйственными руководителями, выступал на пленуме обкома партии. И в последние годы крымчане расширили площади под посевы ячменя более чем вдвое. Да и ячмени нынче не те, появились более продуктивные. Выведенный П. Ф. Гаркавым сорт Роман оказался наиболее зимостойким в мире, он показал урожайность 55—70 центнеров с гектара, а по его сорту Нутанс-244 в производственных условиях зафиксирован урожай 72 центнера с гектара.

— В нашей большой стране есть районы, такие, скажем, как целинные земли, Дальний Восток, где ячмень и по урожайности не уступает пшенице. Но там расширению его посевов мешает то, что совхозы не хотят терять чисто денежную выгоду. За тонну ячменя государство платит значительно меньше, чем за тонну пшеницы, хотя затраты на их выращивание практически одинаковы. Цена на ячмень почти на треть ниже, чем на пшеницу, — говорит Прокофий Фомич.

— Чем же обоснована такая разница?

— А ничем. Сразу после войны хлеб нужен был прежде всего, чтобы накормить людей. Предпочтение отдавалось пшенице. Но теперь-то значительная часть хлеба идет на корм животным, а тут килограмм ячменя может заменить почти полтора килограмма пшеницы. Но на бумаге он дешевле.

А в этой лаборатории ежегодно проводится около ста тысяч анализов зерновых и масличных культур с помощью самого современного оборудования. Заведующий лабораторией Анатолий Павлович Левицкий рассказывал о механизме синтеза белка в зерне, об ингибиторах, которые задерживают распад белка, о работах, направленных на повышение питательных качеств зерна...

Зазвонил телефон. Сняв трубку, мой собеседник стал говорить о зачетах, о том, что некто Н. — хороший студент, а его срыв — чистая случайность...

Оказалось, профессор А. П. Левицкий работает еще на полставки в Технологическом институте пищевой промышленности. Там есть единственный в стране факультет, который готовит специалистов по приготовлению кормов для животных. Анатолий Павлович рассказал и о том, что несколько сот комбикормовых заводов, имеющихся в нашей стране, укомплектованы инженерами-электриками, инженерами-механиками, экономистами. Только биологов, специалистов по кормам, почти нет. В результате качество комбикормов, их сбалансированность по белкам и прочим компонентам, как говорят, оставляет желать лучшего. Отсюда и огромный перерасход фуража. Да разве только специалистов не хватает? Нет отечественного оборудования для оценки лизина...

— Недавно я беседовал с одним своим шведским коллегой, — вспомнил Анатолий Павлович. — У них выведен новый сорт высоколизинового ячменя. Но фирма не спешит внедрять его в производство. Есть опасения, что потребность в зерне для получения того же количества мяса значительно снизится. Фирма может потерять на сокращении объемов продажи зерна.

Нам такого рода опасения неведомы. И коллектив института пытливо трудится, чтобы создавать новые, более продуктивные, с высоким содержанием белка сорта растений. А с другой стороны, активно пропагандирует культуру земледелия и животноводства, научный подход к решению задач Продовольственной программы.

Одесса.

В теплицах одесского фитотрона и ночью горят огни * У входа в институт * Лаборантка отдела генетики и цитологии растений Людмила Логинова.

ИНФОРМАЦИЯ ... ИНФОРМАЦИЯ ... ИНФОРМАЦИЯ ... ИНФОРМАЦИЯ ...

НА ДЕСЯТЬ НАЗНАЧЕНО... ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Высотное здание готовилось к экзамену, какого в дальнейшей жизни испытать ему, возможно, и не придется. Будущие жильцы ходили вокруг дома и с сомнением поглядывали на крышу. Там была смонтирована вибрационная установка инерционного действия — одна из самых мощных в стране, способная имитировать девятибалльное землетрясение. Люди поглядывали вверх и сомневались — выдержит ли здание.

— Выдержит, — уверенно отвечал «командир землетрясения», кандидат технических наук, заведующий сектором сейсмостойкости административно-бытовых зданий института «Казпромстройниипроект» Сагит Мингалиевич Сафаргалиев, — но нам необходимо знать, как поведут себя конструктивные элементы в экстремальных условиях, достаточен ли запас прочности, заложенный в проекте. Нами испытаны с помощью искусственного землетрясения все высотные здания Алма-Аты. Теперь за их будущее мы спокойны...

И вот ровно десять утра. Сафаргалиев командует:

— Пять, четыре, три, два...— И наконец — пуск!

Все быстрее набирая обороты, закрутились шестерни, приводя в движение тяжелые дисбалансы. Здание вдруг ощутимо затрясло, крыша заходила ходуном. Здесь, на 40-метровой высоте, ощущение не из приятных... Три минуты длился эксперимент, а само землетрясение — около сорока секунд. Здание успешно выдержало сейсмическую нагрузку. А вскоре состоялось новоселье.

Ю. ЛУШИН, собкор «Огонька»

Алма-Ата.

БУДЕТ СОЛНЦЕ!

На глухой стене дома, боком своим обращенного к ущелью речушки Вере, громадными буквами сверкающая надпись: «Пусть всегда будет солнце!»

Представьте, вошла эта маленькая речка в большую литературу — в первом томе нового издания полного собрания сочинений Максима Горького, среди ранних его стихов, читаем:

Живу я на Вере без веры
И в горе живу на горе...

В самом деле, 90 лет тому назад, в августе 1892 года, Алексей Максимович Пешков жил в Тифлисе, на Хлебной горке, в районе Вере. Тогда это была окраина, теперь — центральная часть Тбилиси. А обратилась я к маленькому факту из биографии великого русского писателя потому, что спустя десятилетия другой писатель, лауреат Ленинской премии Нодар Думбадзе, живущий в этом же городе, выступил в своей писательской газете с предложением построить в ущелье речки Вере детский городок. Это предложение было поддержано комсомолом Грузии, общественностью города. В результате по решению правительства республики городок «Мзиури», что по-русски значит «Солнечный», открылся.

Глубокое, обширное ущелье Вере наполнилось звонкими детскими голосами. У входа в «Мзиури» ребят встретили бронзовые фигуры Арлекино, Кота в сапогах, Карлсона, восседающего на крыше детского кафе, других сказочных персонажей. В «Мзиури» есть горки, лабиринты, аттракционы, маленький фуникулер, воздушная канатная дорога... Удовольствий уйма. Но все это только первая очередь, а будет и вторая.

Ия МЕСХИ, собкор «Огонька»

Тбилиси.

На снимке: в «Мзиури» ребят встречает у входа бронзовый Арлекино.
Фото А. Рухадзе (Грузинформ).

«ОСТОРОЖНО: АВТОСЕ

Как быть, если в вашем автомобиле что-то испортилось? Самому починить — не у каждого хватит умения, и почти нет надежды сразу купить нужную запасную деталь в магазине. Ехать на станцию автосервиса? Тогда заранее надо смириться с потерей времени, с мытарствами, нервотрепкой и, мягко говоря, непредвиденными расходами. Почему же простая на первый взгляд бытовая неурядица превращается для автолюбителя в сложную проблему, почему тысячи и тысячи владельцев личных автомобилей оказались в положении просителей, обделенных вниманием?

Вопросам автотехобслуживания населения в нашей стране придается большое внимание. Недавно Политбюро ЦК КПСС рассмотрело предложения о мерах по дальнейшему развитию сети предприятий по техническому обслуживанию принадлежащих гражданам легковых автомобилей и увеличению мощностей по выпуску запасных частей к ним. Мы постоянно узнаем, что в том или ином районе страны построена новая станция автосервиса, что служба эта постоянно совершенствуется, создается новое оборудование и т. д. Но, кроме технических сторон, в системе автосервиса до сих пор не решены многие проблемы взаимоотношений авторемонтников и их клиентов, что очень часто порождает конфликтные ситуации.

К этому сводился смысл статьи «Осторожно: автосервис!», опубликованной в «Огоньке» (№ 6 за 1983 год). Редакция получила много писем-откликов читателей на эту статью, и абсолютное большинство из них поддерживает выступление журнала. Речь идет о низком уровне ремонтных работ, о приписках, вымогательстве, грубости. Авторы писем называют статью в «Огоньке» своевременной и актуальной. Впрочем, есть и

несогласные, но все они (подчеркиваем — абсолютно все!) являются работниками автосервиса!

Вот письмо Кемеровской станции техобслуживания, под которым стоит девятнадцать подписей (к сожалению, малоразборчивых): «Ознакомившись со статьей «Осторожно: автосервис!», мы, рабочие Кемеровской станции технического обслуживания, со многим не согласны. Много еще недостатков у нас на Кемеровской СТОА: недостаточное количество запасных частей, материалов, производственных площадок.

Мы считаем, что эта статья неприемлема для всех станций. ...Нас незаслуженно оскорблять, считаем, нет необходимости, и уверены: надо обеспечить запасными частями, материалами Кемеровскую станцию, и конфликты с клиентами сведутся до минимума. Плюс добросовестное отношение работников станции к своим обязанностям.

Мы резко осуждаем таких мастеров, которые еще занимаются взятками и собирают бутылки, позор тому коллективу, в котором они работают».

Мы будем искренне рады, если кемеровские автолюбители в своих письмах поддержат авторитет авторемонтников, и можем обещать, что в этом случае «Огонек» расскажет об опыте работы Кемеровской СТОА. Но хотелось бы обратить внимание авторов письма на то, что в статье «Огонька» «всеобщих» оскорбительных слов просто нет. В ней говорится, что есть в автосервисе и хорошие станции, и отличные специалисты, и передовой опыт. И мы будем благодарны, если нам подскажут, по какому еще адресу такие станции расположены.

С подобными претензиями обратился в «Огонек» по телефону директор подмосковной Балашихинской станции А. Г. Дзидзоев: «Коллектив борется за высокое качество обслуживания клиентов, а статья в «Огоньке» расхолаживает наших работников». Директор пообещал прислать в редакцию письмо с обобщением опыта Балашихинской СТОА, но, к сожалению, его до сих пор нет.

И еще одно письмо — официальный ответ Мосавтотехобслуживания, полученный редакцией буквально через несколько дней после выхода журнала. Этот документ подписали и. о. генерального директора В. М. Лобанов, секретарь парткома П. С. Егоров и председатель профкома В. Г. Кузнецов.

«Журнал «Огонек» поднимает злободневные вопросы о недостатках в работе предприятий автотехобслуживания. Негативные стороны, некоторые из них перечислены в публикации, находятся в центре внимания администрации, партийной и общественных организаций, групп и постов народного контроля. Публикация обсуждена на совещании руководителей предприятий, СТОА, отделов и служб с участием парткома и профкома объединения. Коллектив объединения... постоянно работает над совершенствованием форм, методов, повышением культуры обслуживания и качества ремонта.

В целях избавления заказчиков от мытарств, которые описывает автор, и сокращения потери времени в объединении еще в 1978 году были введены: прием предварительных заказов по открыткам на все виды кузовного ремонта; предварительная запись лично по телефону на техническое обслуживание в согласованное время и предварительная продажа талонов на обслуживание по сервисным книжкам. Получив открытку или купив талон, заказчик четко знает дату приемки автомобиля на СТОА...»

Здесь мы позволим себе прервать чтение документа цитатой из другого письма — московского автолюбителя Л. В. Каминского:

«В мае 1981 года я встал на очередь (оставил открытку) на замену глушителя на «Жигулях» в сборе в автотехцентре на Варшавском шоссе. Спустя 13 месяцев, в июне 1982 года, получил открытку с приглашением явиться в автотехцентр для замены глушителя. Прибыв в указанное время и в указанный срок, узнал, что глушителей нет, не было и не будет. На вопрос — зачем же вызывали? — кроме грубостей и насмешек (на этот день было вызвано около десяти человек), ничего не услышал. Правда, соизволили взять новые открытки, оставив прежние номера очереди. 5. 02. 1983 года, спустя 20 месяцев после постановки на очередь, снова вызвали. Причем меняли глушитель три дня. Я отказывался взять машину, у которой, как выяснилось, новый глушитель «сечет»...»

Слово автосервису:

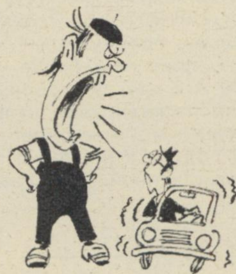
«...Для срочного устранения неисправностей с объемом работ, не превышающим 1—2 нормо-часа, на техническом центре организован цех оперативного ремонта, где заявки выполняются в присутствии заказчика, а для сокращения потери времени упрощено оформление документации...»

Слово Л. В. Каминскому:

«...Во время замены задних тормозных колодок на Варшавском шоссе на моей машине разбили тормозные барабаны. Видимо, когда снимали, били по ним кувалдой. (Поверьте мне, накануне я снимал эти барабаны усилием двух пальцев!) Доказать работникам СТОА ничего не смог, ответ у них: «У вас такие они были!» И это несмотря на свежий излом металла.

Могу привести еще примеры...»

Однако прервем пока «заочную перепалку» авторемонтников с клиентом. «Мосавтотехобслуживание» сообщает дальше:

«...В летнее время посты срочного ремонта открываются на других СТОА.

Это далеко не полный перечень мероприятий, проведенных для того, чтобы увеличить пропускную способность предприятий автотехобслуживания столицы, производственные мощности которых составляют лишь 49 процентов необходимых для обеспечения автомобильного парка жителей Москвы. В этом числе производственные мощности объединения составляют 39 процентов...

В результате проведенных мероприятий в 1982 году выполнено 612 тысяч заказов на техническое обслуживание и ремонт транспортных средств против 506 тысяч на 1980 год.

Несмотря на такое значительное увеличение, предприятия автотехобслуживания вынуждены отказывать многим автолюбителям.

Подавляющее большинство автолюбителей с доверием относятся к станциям автотехобслуживания, постоянно обращаются к нам, а не к тому безответственному парню в спецовке из публикации, который «за бутылку мигом бы управился» с ремонтом лонжерона.

Безусловно, имеющиеся в работе предприятий автотехобслуживания серьезные недостатки — такие, как случаи некачественного ремонта, низкой культуры, поборов и вымогательства со стороны отдельных работников, недостаточная или искаженная информация,— подрывают доверие к нам автолюбителей.

Однако при всем этом мы считаем заголовок публикации «Осторожно: автосервис!» не соответствующим действительности и неудачным. Мы также не можем согласиться с противопоставлением предприятий автотехобслуживания безответственному частнику, причем в пользу последнего...»

Придется кое-что уточнить. В статье нет таких противопоставлений, если не считать мнения ее автора, который, не питая никаких надежд на автосервис, предпочитает ремонтировать свой автомобиль самостоятельно. А что еще делать «безответственному частнику»? Что, если его заказ не попадет в число «612 тысяч заказов в 1982 году»? Ведь руководители автосервиса не сообщают, сколько тысяч клиентов осталось за воротами, говоря лишь, что таких много. А может, «безответственный частник» — это парень в спецовке (см. статью), который после трех (!) разноречивых калькуляций в сотни рублей на один и тот же ремонт оценил его, со своей точки зрения, стоимостью «в бутылку»? Мы не в силах быть арбитрами в таких случаях. Тем более, что в построении подобных калькуляций, судя по письмам читателей, сами авторемонтники что-то не слишком компетентны. Вот что пишет, например, московский инженер-строитель Б. А. Шульга:

«...Отношение к ремонту машин у работников автосервиса самое наплевательское. Никакого уважения там клиент к себе не чувствует.

Пользуясь массовой (в основном) неосведомленностью клиентов, инженеры консультационного отдела, возглавляемого тов. Бахмутским Е. М., на приемке машин в ремонт пишут дополнительные

РВИС!»

пункты в калькуляции, включая туда работы, которые в цехах никто и не думает выполнять. Пишут они это сознательно, делают план.

Мне, например, приемщик Кузянин С. А. приписал устранение «сложного перекоса» кузова стоимостью 75 рублей с установкой машины на стапель (еще 15 рублей). Я решил проверить выполнение этой операции. И что же? Никто в кузовном цехе и не подумал устранять этот перекос, так как его попросту не было. Мало того, слесари были очень удивлены большим объемом заменяемых деталей

и сказали, что переднее левое крыло, переднюю панель, наружную арку заднего левого колеса можно было оставить. И если бы я успел, то смог спасти не менее 5 метров заводских швов. Но я, к сожалению, не успел. И что же оказалось? Антикоррозийного покрытия заменяемых деталей кузова и уплотнения новых швов не делают (говорят: «Это ваши личные трудности!»), даже не окрашивают с обратной стороны. Мне пришлось все это делать самому. Ну, скажите, какая может быть радость от такого ремонта (хотя машина сияет свежей краской, как новая!), когда не дает покоя мысль, что все новые швы, появившиеся на ней в основном по прихоти приемщика, открыты для коррозии? Когда я приехал домой после ремонта, то багажник моих «Жигулей» был полон воды!

Именно об этом — не делать на машине лишних швов — я и просил Кузянина, но он был непреклонен и не хотел иначе принимать машину в ремонт. А чем можно объяснить, что центр взял с меня деньги за полную сборку-разборку машины, хотя он ее только собирал, а разбирал я? Взяли с меня и деньги за зарядку аккумулятора, а выдали его незаряженным. Говорят: «коротит» первая банка. Однако я, зарядив аккумулятор дома, вот уже целый месяц езжу с этой «коротящей» банкой без всяких происшествий!

Самое интересное заключается в том, что после составления калькуляций ничего изменить нельзя: собирается целый консилиум работников автосервиса и не мытьем, так катаньем рот тебе закрывают. У них там круговая порука, в результате которой клиент никогда не бывает прав.

Что-нибудь им там доказывать — только себе в убыток. Я сдавал свою машину Кузянину два дня: 30 и 31 декабря, в конце концов не выдержал и махнул рукой на все его приписки. Иначе, наверное, пришлось бы Новый год встречать в этом автосервисе. Между прочим, этот товарищ — выдающийся лицемер. Мне он назидательно сказал, что я зря кипячусь, не понимаю, глупый, своей выгоды: ведь их отдел для того и создан, чтобы стоять на страже интересов клиентов автосервиса (?!). «Если бы не мы, то вам там, в цехе, такого бы понаписали...»

Ну, что мне сказали в цехе по этому поводу, вы уже знаете. А этот страж интересов клиента элементарно увеличил стоимость ремонта моей машины на 370 рублей против первоначальной калькуляции и думал, видимо, что я по этому поводу стану прыгать и бить в ладоши от радости! А я влез в долги».

Посмотрим, как же все это выглядит в интерпретации «Мосавтотехобслуживания».

«На наиболее сложный и дорогостоящий кузовной ремонт консультационным отделом объединения составляется калькуляция, которая определяет необходимые объемы в соответствии с технологией ремонта. СТОА производят ремонт в соответствии с такой калькуляцией, что исключает как приписки, так и безнарядные работы. Причем стоимость запчастей не учитывается в объеме оказанных бытовых услуг — основном показателе деятельности объединения. То есть объединению выгоднее выполнять ремонт, а не замену, так как перестановки стоят дешевле.

Контроль за качеством ремонта осуществляют производственные мастера и работники ОТК. Имеются рабочие, звенья и бригады, работающие на самоконтроле. Это право предоставляется при бездефектной сдаче заказов в течение трех месяцев.

Как при сборке нового, так и при ремонте после аварии или в результате коррозии и эксплуатации не исключается полностью возможность каких-либо дефектов по вине предприятия. В связи с этим и установлены гарантийные сроки. Усиление контроля и повышение качества ремонта позволили увеличить гарантийные сроки на работы, выполняемые на СТОА объединения. Это право заказчика закреплено в Правилах пользования услугами СТОА».

Если судить по этим строкам письма «Мосавтотехобслуживания», то все дела обстоят там прекраснейшим образом. Но вот недавно в редакции раздался звонок читателя Владимира Захаровича Кувшинова.

— Пожалуйста, — попросил он,— выйдите на улицу, я вам кое-что покажу.

У подъезда редакции стоял белый автомобиль... Нет, не белый, а пегий. На крыльях, подножках, дверцах — повсюду зияли ржавеющие пятна оголенного от краски металла.

— Машина начала шелушиться уже через месяц после того, как ее окрасили на московской СТОА № 10. Но это еще чепуха, смотрите: капот отсека двигателя не закрывается, передние и задние колеса цепляются на ходу за крылья, что говорит о перекосе подмоторной рамы и заднего моста... Вот список недоделок: двенадцать пунктов!

— Что, машина побывала в аварии?

— Нет, в ремонте! Вернее, сначала в аварии, потом в ремонте. Для машины, как видите, в этих понятиях нет никакой разницы,

а для меня — сотни рублей, отданных практически ни за что. И знаете, с каких пор длится мой «эксперимент» с автосервисом? С января 1981 года!

Да, автосервису на этот раз крупно не повезло: клиент попался дотошливый, грамотный, неугомонный. Дело в том, что Владимир Захарович Кувшинов — инженер, много лет занимается автомобилями и прекрасно в них разбирается. Все, что касается ремонтных работ, может делать сам, но вот однажды решил доверить-ся автосервису и после небольшой аварии (в которой, кстати, сам он никак не виноват) отдал машину на автостанцию — как он сказал, в порядке эксперимента. И проводит его по всем правилам науки: фиксирует все сроки, расходы (вплоть до стоимости бензина, израсходованного в поездках на СТОА) и всю документацию своих многомесячных мытарств. Сложный, дорогостоящий эксперимент, что и говорить!

— Посмотрите, я не поленился, не пожалел денег и два раза за неделю возил свою машину для оценки предстоящего ремонта. И вот две калькуляции: одна, № 21/1820, составлена инженером Шварцбейном 24.08.82 года, другая — № 19/8149 от 30.08.82 года, составленная инженером Банзаковым. «По Шварцбейну» ремонт должен стоить 641 рубль 30 копеек, «по Банзакову» — 1040 рублей 15 копеек. Каково?

Смотрим дальше — заявления, квитанции, выписки из актов... Целая эпопея борьбы клиента за то, чтобы ему за его же деньги сделали ремонт так, как нужно, а не как это хочется автосервису!

— Что же вы намерены предпринять еще?

— Везу генеральному директору автосервиса Петроченкову новое заявление — пусть возвратят мне деньги за плохой ремонт!

С тех пор прошел еще месяц. В. З. Кувшинов постоянно держит нас «в курсе» своих мытарств. На ОТК техцентра была создана комиссия, которая признала все то, что показывал нам на своем автомобиле Кувшинов, сплошным браком. Постановили: переделать за счет СТОА. Снова, как положено, отправили машину для составления калькуляции — и новое решение: машина ремонту не подлежит, надо менять весь кузов. В Главмосавтотрансе, куда Кувшинов ходил на прием к начальству, вроде бы согласны, что кузов надо менять, а генеральный директор Петроченков возражает: менять не будем, будем переделывать! Так менять или не менять? Позавидуешь долготерпению Кувшинова! Этот обзор писем уже сдается в набор, а «эксперимент» все продолжается...

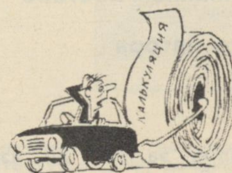
Вернемся к письму «Мосавтотехобслуживания» в редакцию. Оно занимает еще несколько машинописных страниц, и мы ограничимся лишь пересказом основных его положений. Сообщается, что число правонарушений на московском автосервисе за год снижено в два раза, что есть объективные трудности в работе московских станций техобслуживания: чрезмерная загруженность СТОА в летний период, постоянный острый дефицит запчастей, из 2242 наименований запчастей «Жигулям» не удовлетворены заявки по 650. Далее из письма следует, что не генеральный директор Петроченков отказался от личной встречи с автором статьи «Осторожно: автосервис!», а сам журналист уклонился от беседы... Тут уж остается только развести руками.

И последняя цитата из этого письма:

«...Публикация «Осторожно: автосервис!» настолько пессимистична, что может создать у читателей совершенно неправильное представление о службе автотехобслуживания в столице».

Что же, остается пожелать, чтобы все автолюбители столицы обладали оптимизмом В. З. Кувшинова.

В этой подборке писем мы намеренно не касались проблемы запчастей: на нее работники автосервиса ссылаются всякий раз, когда речь заходит о недостатках этой сферы обслуживания. А может, дело не только в запчастях? Знаменательно, что и в читательской почте о запчастях говорится совсем немного, все

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

понимают: эта проблема может решиться не в один день и даже не в один год. Но разве дефицит виноват в том, что на некоторых СТОА за норму принято грубое, бесцеремонное отношение к клиентам, что (повторяем письма) глушитель монтируется три дня, что качество ремонта из рук вон плохое, что никак не договорятся между собой различные службы автосервиса, что кое-где по-прежнему процветают вымогательство и взяточничество и так далее. Не дефицитом на запчасти, а моральным климатом СТОА в первую очередь озабочены читатели и хотят знать: будет ли наведен здесь порядок?

Речь идет о заботах не только московского автосервиса, хотя на этот раз мы цитировали лишь письма автолюбителей-москвичей. Но точно те же проблемы затрагивают в своих письмах наши читатели из Омска, Красноярска, Одессы, Иркутска, Гудермеса, Ейска и многих других районов страны.

Обзор писем подготовил Б. СМИРНОВ.

Международная помощь — теплые одеяла.

ИЗГНАННЫЕ НАВЕЧНО?

**Владимир КОВНАТ,
корреспондент-кинооператор
Советского телевидения
на Ближнем Востоке**

Фото автора

Примерно за год до израильского вторжения в Ливан в лагере беженцев Мар Эльяс ко мне подошла палестинская девушка и сказала по-английски:

— Что вы ходите здесь со своими аппаратами, как турист по зоопарку, снимаете наши беды и нищету? Лучше бы стали к зенитным пулеметам...

Отец девушки, пожилой врач, просил не обижаться на его дочь.

— Простите ее — в ней говорит законная человеческая гордость,— мы ведь люди, такие же, как и все. Не очень приятно, когда вас каждый день снимают, снимают... Мы благодарны журналистам за их нелегкий труд. Но вместе с тем не можем не видеть, что Израиль мало интересуется мировым общественным мнением. Мы остаемся бесправными изгнанниками, а израильские бомбардировщики летают над нашими головами... Фашиствующий сионизм идет напролом.

Мы сидим на продырявленном осколками дешевом диванчике в полутемной сыроватой комнате бедного, но очень чистого домика. Это жилище было полностью снесено прямым попаданием израильской ракеты и восстановлено руками живущей здесь семьи. Через распахнутую дверь доносится шум лагеря палестинских беженцев — обычного лагеря, полуразрушенного, перенаселенного, лишенного канализации, водопровода и самых необходимых жизненных удобств.

— Я отвечу на все ваши вопросы,— говорит хозяин дома, пожилой палестинец с суровым, коричневым от южного солнца лицом.— Только, пожалуйста, не снимайте меня и не называйте моего имени. Наши враги жестоки, они могут убить нас с женой. Вот, познакомьтесь, она учительница и хорошо говорит по-французски и по-английски.

Стройная, совершенно седая и тщательно причесанная женщина с огромными черными глазами здоровается и ставит на столик маленькие стаканы с чаем.

— Наша школа разрушена во время воздушной бомбардировки,— говорит она.— Но мы продолжаем заниматься с детьми на школьном дворе. Особенно трудно было в период зимних холодов и дождей. Возможно, нам удастся восстановить здание к следующей осени...

Нас всегда поражало, сколько внимания, средств и сил уделяют палестинцы в своих буквально нищих лагерях образованию и воспитанию детей. Еще пять лет назад мы видели, как в легендарном лагере Рашидия, находившемся в зоне постоянного обстрела израильской артиллерии, подвергавшемся нападениям с воздуха и с моря, все дети учились. Зачастую уроки проводились в бомбоубежищах. Бетонные стены и перекрытия содрогались от близких взрывов, но занятия продолжались. Потом дети выходили наверх и видели свою школу с изрешеченными стенами и высаженными окнами. Бывало и так, что, придя домой, они оказывались перед ужасающими развалинами, под которыми нашли смерть их близкие. Но на следующий день дети снова шли в школу.

— Я родилась на Западном берегу Иордана,— задумчиво говорит учительница,— и уже много лет живу надеждой увидеть свой дом, побывать на могиле матери... а отец мой умер здесь, в Ливане.

— Ваши дети...

— Убиты. Все убиты израильской бомбой, когда шли из школы домой... Тогда я хотела умереть, но потом поняла, что не имею на это права. Ведь в наших лагерях столько сирот!

Преодолевая крутой подъем узкой разбитой дороги, наша машина поднимается на высокий холм. Внизу под нами — южноливанский город Сайда. Вдали — искрящаяся синь Средиземного моря.

Мимо стоящего на обочине израильского патрульного бронетранспортера въезжаем в лагерь палестинских беженцев Мия-Мия. По обеим сторонам улицы — сплошные развалины лагерных домиков, искореженные и перекрученные остатки железных крыш. Из прежнего населения в лагере почти никого не осталось. Здесь наступающая армия израильских интервентов встретила вооруженный отпор, и, судя по характеру разрушений, лагерь был атакован бомбардировщиками. По данным ООН, жители Мия-Мия находятся в еще худшем положении, чем в других лагерях беженцев. Отдельные люди, которых мы видели, просто боялись с нами говорить. Лишь одна бедно, но чисто одетая женщина рассказала, в каких жутких условиях живет население лагеря. Да мы и сами это видели.

Можно ли спокойно наблюдать, как в сырую, холодную погоду маленькие дети месят босыми ногами грязь на лагерных улочках, посиневшими от холода руками копаются в кучах мусора? Чуть потеплеет, и появляется огромное количество мух, облепляющих детские лица. В лагерях множество сирот, и, несмотря на титанические усилия палестинских женщин, дети тяжело болеют.

— Я не могу понять,— говорила палестинка из лагеря Мия-Мия,— на что рассчитывают сионисты? Разве неясно, что уничтожить палестинский народ им никогда не удастся. Каким образом сионизм присвоил себе роль судьи и вынес целому народу жестокий, бесчеловечный приговор — вечное изгнание? За что?

Когда наша машина медленно спускалась с гор в Сайду, радио передавало обзор международной прессы. Мнение множества арабских журналистов и обозревателей сводилось к следующему. Израильскую агрессию нельзя остановить словами и резолюциями. Изгнание палестинских арабов с оккупированных Израилем района Газы и Западного берега реки Иордан продолжается. Это наглый вызов всему миру. Для пресечения сионистской экспансии необходимы решительные и срочные меры, потому что незатухающий ближневосточный пожар может привести к новой большой войне...

Бейрут — Сайда.

МОСКВА И МОСКВИЧИ

ЛОКАТОР НА АВТОМОБИЛЕ

РУССКИЙ ХЛЕБ ПЕКУТ В ФИНЛЯНДИИ

КОНТАКТЫ, КОНТРАКТЫ...

ПЕРЕКЛИЧКА ПУТЕВОДИТЕЛЕЙ

АБОНЕНТ ТРЕБУЕТ ЗАБОТЫ

РЖАНОЙ ОТ «КАРЛА ФАЦЕРА»

Шесть лет назад в коротком репортаже «Ржаной от «Карла Фацера» «Огонек» рассказал о финских хлебопеках, которые заинтересовались русским ржаным хлебом. «Наша фирма хотела бы выпекать такой хлеб»,— сказали тогда финны. И в Лахти поехали крупные советские специалисты-хлебопеки Л. Н. Казанская и В. А. Патт.

На столе — ладная буханочка, аккуратно упакованная в полиэтиленовый пакет с надпечатками. Светлые строчки рассказывают: «ленинградский хлеб, настоящий русский хлеб...»,— и я старательно переписываю их в свой блокнот. Но вот последнее слово переводу не поддается, хотя мне помогают люди, хорошо знающие финский язык. И только потом мы догадались, что и переводить-то нечего! Слово русское, но написано оно буквами латинского алфавита. И тогда все становится на свое место, и я пишу — pashalusta!

— Дескать, пожалуйста, ешьте на здоровье,— поясняет мне Пекка Тикка, один из директоров фирмы.— Известно, что ржаной — очень полезный хлеб. В Финляндии его любят.

Упаковка вскрыта, хлеб нарезан тонкими ломтиками.

— У нас его едят с маргарином: люди стали больше заботиться о своем здоровье. А маргарин полезнее сливочного масла,— говорит кто-то из хозяев, протягивая баночку с маргарином.

Мы едим бутерброды, а Виталий Александрович Патт рассказывает о том, как велась первая выпечка, как радовались, когда первая буханка появилась на конвейере завода в Лахти, как волновались, когда хлеб пошел к покупателю, и как облегченно вздохнули, когда убедились: все хорошо, хлеб, как говорится, пришелся ко двору.

— С той поры выпечено много миллионов буханок ржаного. Его форма, «кирпичик», непривычна, непохожа на традиционные финские хлебы, но и это не помешало его популярности.

«Известный русский хлеб Фацер успешно изготовляет по лицензии, приобретенной через советский Лицензинторг»,— написано в рекламном проспекте фирмы.

Остается добавить, что эта встреча и дегустация финского хлеба проходили на выставке «Финагропром-83», представительном смотре, который состоялся в Москве и вызвал большой интерес наших специалистов, да и вообще всех посетителей выставки. Здесь и был сделан снимок: представители фирмы «Карл Фацер» Том Кавандер и Рихард Фрёберг с Виталием Александровичем Паттом (он в центре). А в руках у них — буханки ржаного хлеба.

К. БАРЫКИН
Фото автора

ТОРМОЗИ, КОМПЬЮТЕР...

Корабли и самолеты давно оснащены локаторами. А не помогут ли они автомобилю? В Московском автомобильно-дорожном институте специальная исследовательская группа ведет работу по созданию автоматических систем, облегчающих управление автомобилем и повышающих безопасность движения. Руководит группой доцент А. А. Юрчевский.

— Ультразвуковой локатор,— говорит он,— определяет, нет ли препятствия на пути движения. Если оно есть, компьютер рассчитает возможный тормозной путь и примет решение: менять ли скорость или тормозить более решительно...

И тут мне представилось ночное пустынное шоссе, по которому движется колонна нагруженных автомобилей. Но что за диво — шоферов в кабинах нет. Только в первой машине — водитель и оператор. Головной автомобиль набирает скорость, и вся колонна послушно разгоняется. Лидер притормаживает — задние машины тоже сбавляют ход...

Я рассказал Юрчевскому о ночной колонне. Он улыбнулся:

— В принципе и такое возможно. Но в будущем.

Сегодня система, установленная на «Волге», может в любое время суток обнаружить препятствие, рассчитать тормозной путь, определить, как и когда тормозить.

А. МИХАЙЛОВСКИЙ

«05 МОЛЧИТ, 09 НЕ ЗНАЕТ»

О нечеткой работе столичной телефонной справочной службы говорилось в заметке «05 молчит, 09 не знает» («Огонек» № 8, 1983 год).

Редакцией получено письмо от исполняющего обязанности директора «Мосгорсправки» П. Я. Чубарова. В письме говорится: факты, изложенные в публикации, имеют место, это объясняется тем, что аппаратура связи, выпуска 1950 года устарела.

И далее сообщается о том, что в настоящее время объединение «Мосгорсправка» занимается вопросами изучения технического оснащения службы «05» — предусматривается применение квазиэлектронной автоматической телефонной станции «Квант». Насколько это улучшит работу справочной «Мосгорсправки», в письме не говорится, но зато сообщается: «Заметка была обсуждена на собрании коллектива службы «05», обращено внимание всех работников на то, чтобы они были более внимательны к своей работе и своевременно отвечали абонентам».

Хотелось бы знать: почувствовали ли такую заботу о себе клиенты справочной службы?

ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ ВЕКА

Интересно листать старые путеводители Они как бы приоткрывают нам окно в минувшее. Поэзия истории, конкретного прошлого, увиденная внимательным взглядом знающего, компетентного спутника, встает со страниц настоящего путеводителя.

В пространном вступительном очерке к своей новой книге «Москва. Диалог путеводителей» известный «москвовед» Ю. Н. Александров скрупулезно проследил уходящую в глубь веков историю московского путеводителя, начинающуюся с «описания императорского, столичного города Москвы... собранное в 1775 году и изданное в свет для удовольствия общества». Очерк Александрова — практически первый опыт анализа путеводителей по Москве как исторических документов и литературных произведений. Необычайно много значительных фактов, связанных с древней столицей, узнает читатель, знакомящийся со старыми описаниями Москвы. И что самое главное — в них за историей города видится история России. Автор, рассматривая прежние издания, убедительно показывает, как в жизни столицы отражалась жизнь всей страны. Ю. Александрову удалось также воскресить в своем исследовании имена многих забытых ученых-подвижников, отдавших изучению столицы увлеченность, труд и талант и создавших точные и поэтичные картины родного города.

Представляется совершенно закономерным, что каждая глава новой книги, сама по себе являющаяся как бы локальным «Бедекером» по тому или иному району (рассматриваемому, конечно, не в административном, а в историческом плане) Москвы, начинается с выдержек из старых описаний города. «Страна, открытая драматургом А. Н. Островским» — назвал Ю. Александров раздел, посвященный Замоскворечью, одному из примечательных и своеобразных уголков столицы. «...Вы, почтенный читатель, конечно, не откажетесь остановиться и полюбоваться прелестнейшим видом Замоскворечья, частью набережной, Вшивой горки и устья крутоберегой Яузы; точно, вид сей прелестен, это смесь столичного великолепия с милой простотою природы». Так говорилось о Замоскворечье в «Историческом путеводителе по знаменитой столице государства Российского», изданном в 1831 году. Минуло более полутора веков. Пристально вглядывается современный исследователь в сегодняшнее Замоскворечье, ставшее одной из заповедных зон столицы. Он ведет нас по живописным переулкам, как бы еще сохранившим дыхание времени Островского, знакомит

с оставшимися шедеврами архитектуры (увы, далеко не все памятники Замоскворечья дошли до наших дней), рассказывает о новых зданиях, правда, не всегда тактично вторгающихся в древнюю, ныне заповедную часть города.

Оригинально оформленная (художники Д. Петров и Г. Комзолова), снабженная кратким архитектурным словарем и предметным указателем, новая работа Ю. Александрова достойно продолжает цикл интересных и полезных книг о Москве, вышедших в последние годы в издательстве «Московский рабочий». К сожалению, издана книга нетрадиционно малым для этого вида литературы тиражом, поэтому, не успев выйти в свет, она стала библиографической редкостью.

Вл. ВЕЛЬЯШЕВ

И ПРОМЫШЛЕННИКИ И КОММЕРСАНТЫ

Наша столица — один из популярнейших выставочных городов мира. Для фирм многих стран московский парк Сокольники и Краснопресненская набережная — рабочие адреса. Сюда ежегодно приезжают видные промышленники и коммерсанты.

Сейчас вовсю идет подготовка ко второй международной выставке «Средства автоматизации производственных процессов» — она откроется в конце мая. «Инполиграфмаш» — это современная полиграфия, книгоиздание (45 книг в минуту — такова производительность линии «Книга»). Крупнейшие организации и объединения социалистических стран и представители капиталистических фирм и предприятий изъявили желание участвовать в московском смотре.

Осенью в Сокольниках и на Красной Пресне разместятся экспонаты третьей международной выставки аппаратуры и приборов для научных исследований. Выставка «Ревматология» приурочена к конгрессу ревматологов. Машины и оборудование для теплиц будут показаны на территории Всесоюзного института сельскохозяйственного машиностроения, а тракторы и машины для мелиорации разместятся в Краснопресненском комплексе.

Здесь же, на берегу Москвы-реки, предполагается и выставка, которая интересна всем: ее экспонаты расскажут о механизации и оборудовании для домашнего хозяйства.

А осенью в Москве развернет свою экспозицию III Международная выставка книги.

К. КОСТИН

А. Кольцов. 1838 год.

славные имена

Жизнь поэта

Николай СКАТОВ

Осенью 1840 года выяснилась возможность для приехавшего в Москву Кольцова побывать и в Петербурге, Белинский откликнулся на нее восторженно и с нетерпением. «Как приедет в Москву Кольцов, скажи,— просит он Боткина,— чтобы тотчас же уведомил меня; а если поедет в Питер, чтобы прямо ко мне и искал бы меня на Васильевском острову, на Малом проспекте, около 4 и 5 линии, в доме Алексеева, из ворот направо, во 2 этаже. У меня теперь большая квартира и нам с ним будет просторно». Все это отнюдь не простое приглашение погостить, да и не способен был Белинский на такие, из вежливости, приглашения. «Кольцова расцелуй,— пишет он Боткину же через месяц,— и скажи ему, что жду не дождусь его приезда словно светлого праздника». Вот чем становился к этому времени для Белинского Кольцов, о котором он еще несколько лет назад, еще в 1837 году, писал — «какого-нибудь (!) Кольцова».

В столицы Кольцова вели разнообразные тяжбенные дела. Но и литературные тоже. Маленькая книжка стихов Кольцова, вышедшая в 1835 году, давно разошлась. Да ведь и представлен он был в ней скупо. С той поры немало написано. К новому изданию побуждали много и многие. И сам поэт подходит к такому изданию по-новому. Оно для него уже не первое робкое появление «мещанина-поэта» под крылом стороннего покровительства, а ответственное заявление поэта-человека: «Надобно смотреть на них не со стороны мещанина, а со стороны обыкновенного человека. Людям немного толку, что я мещанин, а надо, чтобы книга стояла сама за себя».

Стоял «сам за себя» Кольцов и еще в одном отношении. Ведь к началу сороковых годов литературный доход становился все более обычным делом. Тем не менее Кольцов отвергает возможность действовать через книгопродавца, а хочет издать книгу полностью на свой счет. «Другая моя просьба: подождать продавать ее книгопродавцу. Больно мне бы не хотелось ее продавать с молотка; авось, бог даст, я соберусь деньгами и тогда пошлю или привезу вам их. На свои деньги без поклонов напечатать лучше; будет польза — хорошо, не будет — не беда».

Конечно, это пишет человек достаточно независимый, располагающий для жизни в обеих столицах и временем (речь идет почти о полугоде: от сентября до масленицы, то есть до весны) и деньгами (помимо прочего, он безотносительно к собственно коммерческой стороне дела хочет на свой счет издать книгу в пятнадцать печатных листов).

Вообще положение его в доме по масштабам и характеру ведения дел, ответственности и самостоятельности принимаемых решений фактически было положением как бы второго хозяина. Потому-то на вопрос: «Получал ли он жалованье?» — хорошо знавший семью Кольцовых современник (И. Авсенев) удивился: «Помилуйте, какое жалованье? Да он сам всем распоряжался!»

Младший Кольцов достаточно уверенно ехал в Москву и Петербург наследником своего отца, уверенно писал и об издании своей книги. Вряд ли он повез с собой большую денежную наличность. Если верить де Пуле (а в фактической стороне — ему и карты в руки), то все обстояло следующим образом: «У Василия Петровича не было наличных денег, но была возможность другим путем помочь сыну,— и он действительно ему помогает. В сентябре 1840 года Алексей Васильевич собрался ехать в столицы. Отец отпустил его и поручил ему продать в Москве два гурта (300 голов) быков, стоимость которых по тогдашней ценности составляла двенадцать тысяч рублей».

Так началось последнее путешествие Кольцова в российские центры: Москва — Петербург — Москва. Началось осенью. А вот как оно заканчивалось через несколько месяцев: уже в январе Кольцов сидит в Москве без денег.

Мы почти ничего не знаем об осеннем пребывании там Кольцова, но, очевидно, случилось что-то такое, что помешало ему с действительной выгодой совершить эту торговую операцию. Де Пуле подозревает даже и какой-то падеж скота. Так или иначе предполагаемых сколько-нибудь больших денег у поэта явно не оказалось. Возможно, их отсутствие помешало начинать и продолжать затею с изданием книги. Кажется, к 40-м годам привычная торговая хватка все больше изменяла Кольцову, и это его все меньше огорчало. «Вы думаете,— пишет Кольцов Белинскому, возможно, удивившемуся или могущему удивиться некоторым кольцовским хозяйственным неладам,— я теперь и сам дрянной хозяин, занимаясь любимым мне делом. Не делай упущений по торговле, а много, много посвяти себя я одной торговле,— и у меня давно уж был бы большой капитал: но сам бы я ни к черту не был уж годен. Я, верно, приобретаю часть, а четыре упущаю — и не жалею, бог с ними!»

Кольцов был замечательно цельный человек, и, конечно, уйди в дела одной торговли, он мог бы стать богачом, капиталистом. Но его цельность все больше диктовала другое — посвятить себя делам одной литературы. К 1840 году окончательно назрел кризис, перелом, готовилось решение о разрыве со все более нестерпимым Воронежем да и со всем строем жизни, в которой до того жилось. Разрыве полном, окончательном, бескомпромиссном. Разрыве внешнем и разрыве внутреннем. Во всем и со всеми.

Летом, в августе, 1840 года Кольцов пишет Белинскому из Воронежа перед самым почти отъездом в Москву, пишет так, что невольно думаешь, читая это письмо купца Алексея Кольцова, о лучших у Островского монологах молодой купчихи Катерины Кабановой: такой образ стремящейся на волю души встает из них, такой совсем уж без пути назад порыв, такой горькой полупесней, полусказом это вылилось.

Катерина: «Свету-то так рада сделаешься. А вставать не хочется, опять те же люди, те же разговоры, та же мука... А об жизни и думать не хочется. Опять жить? Нет, нет, не надо... нехорошо! И люди мне противны, и дом мне противен, и стены противны! Не пойду туда! Нет, нет, не пойду! Придешь к ним, они ходят, говорят, а на что мне это!»

Кольцов: «Люди так меня мучат, так отнимают время, что — целые дни проходят — я ничего не думаю, ни о дне завтрашнем, ни о деле настоящем. И, боже мой! — какие люди глупые, пошлые, чванные и многоречивые; разговоры; курьи ли выражения, свиньи ли длиннопения,— не знаю. А время все-таки берут, и оно уходит, и уходит невозвратно. Вот и сегодня: и выбрал праздник, и очистил дело, и запер дверь; нашелся человек, отпер ее — и несколько часов ушло: насилу отделался. Не отпереть — стучат дьявольски; и как-то эти меня их разговоры начали сильнее тяготить, так что иногда в голове становится кружение».

Много ли нужно исправлять для того, чтобы это письмо могло оказаться монологом в драме Островского?

«Пророчески вы угадали мое положение,— пишет Кольцов Белинскому,— у меня у самого давно уж лежит на душе грустное это сознание, что в Воронеже долго мне несдобровать».

Прежде всего выходом казался отъезд из Воронежа. Какие здесь существовали варианты? Чего хотели и что предлагали его друзья?

Внешне предложения выглядели почтенно, достойно и соблазнительно. «В это время,— писал Белинский уже в позднейшей о поэте статье,— Кольцову было сделано из Петербурга предложение принять управление книжною лавкою, основанною на акциях. Другое предложение было сделано ему А. А. Краевским — принять на себя заведование конторою «Отечественных записок». Первое предложение было ему совершенно не по душе».

Но Кольцов смотрел на дело более трезвыми глазами, чем, например, Белинский. «На книжную торговлю я смотрю теми же глазами, как и на всякую, и чистая аксиома: где торговля, там и подлость».

Другим вариантом переезда в Петербург была возможность стать заведующим конторой «Отечественных записок».

Сам Кольцов в письмах отделывался вежливыми фразами о соблазнительности такого предложения.

А в одном из писем он отзывается о предложении Краевского уже и прямо пренебрежительно: «Краевскому писал я прежде, что мои дела дурны: он на это со всем тоном великого мецената зовет меня к себе управлять конторою журнала «Отечественных записок», из мальчика просит пойти в работники; удачная будет перемена».

Не забудем, а об этом, видимо, подчас его столичные друзья забывали, что сам Кольцов был купцом, пусть и при отце, но хозяином, самостоятельно ведшим дела.

Даже Белинский уже только после смерти Кольцова поймет до конца, почему тот так сопротивлялся вроде бы выгодным и спасительным предложениям, и «горько-смешными» назовет собственные ему возражения: «Кольцов знал действительность. Торговля в его глазах была синоним мошенничества и подлости».

В жизни Кольцова на рубеже 30—40-х годов наступал период какой-то удивительной внутренней сосредоточенности; недаром же он пишет Белинскому: «Мы здоровы, если не телом, то, слава богу, душой». Кольцов в своих письмах вершит некий строгий самосуд. И чем бли-

Окончание. См. «Огонек» №№ 18—19.

же к концу, тем эта потребность пробивается сильнее и звучит настоятельнее.

«Мне сделалось нужно броситься в другую сферу; но прежде нужно же сознать свои силы и свои недостатки».

Кольцов хочет «броситься в другую сферу». Он уже явно не втискивается в традиционные свои жанры — песню и даже думу. Его ум, его дух ищет новых горизонтов, других определений и иных форм выражения. Письма, то есть прежде всего письма Белинскому, оказались той лабораторией, в которой происходило становление новых начал.

Некрасов не случайно называет письма Кольцова драгоценным памятником рукописной нашей словесности. Гений Кольцова для своего выражения в новой сфере, куда он так устремился, хотел иметь «полные способы». Отсюда его тяга уже не просто к литературному, так сказать, образованию, но к энциклопедической осведомленности, к такому универсальному освоению мира, которое заставляет думать, что петрашевцы не ошиблись, называя Кольцова вторым Ломоносовым.

Вот чего хочет Кольцов: учиться на энциклопедической основе. И проездиться по России. «Вот мои желания и, кроме их, у меня ничего нет». Но вне Воронежа он находился полностью в руках отца, который оставил его без средств. Почему?

Отец, видимо, никогда ранее в деньгах сыну не отказывал: деньги эти были как бы общими. Потому-то отказ на этот раз буквально потряс сына. «Да, нынче отец и мать, видно, хороши по расчетам. Однако ж эта новость и особенно эта непризнательность меня срезала глубоко».

До Воронежа разными путями, очевидно, дошли слухи о том, что Кольцов намерен порвать со старым образом жизни и хочет уехать из Воронежа, слухи доходили разнообразные, в том числе, видимо, и нелепые. В семье возникла большая настороженность.

«Я,— сообщает Кольцов Белинскому,— писал к отцу по окончании дела (которое кончилось, как вы знаете, хорошо), чтобы он прислал мне денег. Старик мой говорит: «Денег нет тебе ни копейки, а что дело кончилось хорошо, мне все равно — хоть бы кончилось и дурно. Мне шестьдесят восемь лет, и жить осталось меньше, чем вам. Я даже слышал, что ты хочешь остаться в Питере: с богом, в святой час, благословенье дам, а больше ничего». Я прочел сии радостные строки и сказал: «Вот те, бабушка, и Юрьев день!»

Разрешая остаться без денег, отец, в сущности, категорически потребовал возвратиться в Воронеж. В пору, когда дух поэта созревал для выхода на иные и высшие круги, все возвращалось на круги своя: семья, Воронеж, торговля.

С е м ь я: «Вот пришло время: и дом, и родные невзлюбились наконец».

Т о р г о в л я. «Проклятое звание, как я узнал его короче».

В о р о н е ж. «Боже сохрани, если Воронеж почему-нибудь меня удержит у себя еще надолго — я тогда пропал».

Как загнанный в угол, тосковал Кольцов в Москве, не зная, что делать: «Хочешь забыться — и не можешь, о чем-то думаешь — и ничего не думаешь в то же время. Собираешься писать, сядешь, возьмешь перо и держишь его в руках, как дурак палку. Не то, чтобы хотел письмо написать получше, нет, хоть бы как-нибудь, и слова с пера нейдет; до чего это доведет, не знаю, а только жизнь проходит невыносимо тяжело. Прежде пилось, а теперь и пить не хочется: гадко, все потеряло интерес, и самый порок потерял свою обольстительную силу. Приходит день, приходит ночь — ровно, будь их или не будь...»

Кольцов возвращался в Воронеж тогда, когда и в столицах-то ему уже тяжело становилось жить и совсем не только материально: «Я живу больше в номере и бываю весьма у немногих, или, короче, почти ни у кого». Приходило время мудрости и больших трудов, требовавшее уединения. «Конечно,— пишет он Белинскому,— есть люди, с которыми я сошелся и у которых порою я могу быть свободно. Жить могу с вами и еще кой у кого бывать — и только. Да, и только. А другие люди, и их много,— они, по-своему, добрые люди, их винить нельзя,— и быть у них тоже нельзя».

Интересно то, что и Кольцов оказался чуть ли не единственным человеком, с которым мог ужиться Белинский. В 1840 году почти полтора месяца пребывания Кольцова в Петербурге (он находился там с 5 октября по 26 ноября) это подтвердили. «Кольцов,— пишет Белинский Боткину в письме от 25 октября,— живет у меня — мои отношения к нему легки, я ожил немножко от его присутствия. Экая богатая и благородная натура!» И после отъезда Кольцова почти в перекличку с его словами, хотя и не ему, а опять-таки Боткину, скажет: «Многих людей я от души люблю в Питере, многие люди и меня любят там больше, чем я того стою; но, мой Боткин, я один, один, один! Никого возле меня... Когда приехал Кольцов, я всех тех забыл, как будто их и не было на свете. Я точно очутился в обществе нескольких чудеснейших людей... И вот опять никого со мною, опять я один,— и пуста та комната, где еще так недавно мой милый Алексей Васильевич с утра до ночи упоевался чаем и меня поил». «Кроме тебя,— скажет он Боткину в 1842 году, уже после смерти Кольцова,— я мог бы жить с Кольцовым. Да где его взять?»

А зимой 1840 года Кольцову следовало возвращаться в Воронеж. «Если б вы знали, как не хочется мне ехать домой — так холодом и обдает при мысли ехать туда. А надо ехать. Необходимость — железный закон».

И в другом — последнем — московском письме Белинскому: «Я еду домой. И эта поездка много похожа на ловлю сурков, их из земли выливают водой, а меня нужда посылает голодом».

Первого февраля 1840 года Кольцов на занятые деньги отбыл в Воронеж.

Литературный вечер у П. А. Плетнева.

С рисунка П. Бореля. Третий слева — А. Кольцов.

И СНОВА ВОРОНЕЖ. КОНЕЦ

В Воронеж Кольцов вернулся одновременно угнетенным и взбешенным. В свое время Белинский, рисуя картину жизни поэта в семье, писал: «Возвращаясь домой, он встречает не ласку, не привет, а грубое, дикое невежество, которое никак не может простить ему того, что он хочет быть человеком, и в этом отношении уже резко отличился от невежественных животных в человеческом образе».

Эта, как всегда у Белинского, выразительная зарисовка из области общих человеческих отношений не совсем точно накладывается на реальную картину отношений в кольцовской семье, особенно до поры до времени. До поры до времени Кольцов-сын совсем не был в семье изгоем, встречавшим не ласку, не привет, а грубое и дикое невежество. Поэт неоднократно пишет до 1841 года о хороших отношениях с отцом и, кажется, ни разу — о плохих.

Никогда раньше не жаловался Кольцов и ни на какие-либо со стороны отца материальные ущемления. Да он их и не потерпел бы. Сын и отец работали рука об руку на общее дело.

Позднее, когда Белинский удивится тому, что все оказалось в руках отца, Кольцов, даже сетуя на свою непредусмотрительность, все же удивляется такому удивлению, и в голосе его вдруг вроде неожиданно пробивается интонация «нормального», «порядочного» сына, отпрыска патриархальной купеческой семьи: «Вы говорите в письме, что я слепо отдался людям мерзким обмануть себя. Так, это правда. Но, Виссарион Григорьевич, эти люди не хороши, но ведь они — отец, сестры. Как же мне было остерегаться отца, где я жил, от него начал действовать и вместе с ним? ...был всегда отец ко мне хорош. Я думал, что он меня любит как порядочного сына, который старается дать ему и семейству лучшее значение, усилить отношение людей с хорошей стороны, увеличить честь в обществе. Ай, нет: он ласкал меня, оказалось, не ради этого, а ради того, что я у него хорошая рабочая лошадь, которая хорошо и ловко делает дела, очищает его от судебных дел. Пришло почти это все к концу, он и показал, за что он меня любил; начни я делать по-прежнему, он опять меня полюбит».

Отец хотел только, чтобы все шло по-прежнему, видимо, и в литературе тоже. Но сын не хотел по-прежнему, потому что уже сам не был прежним, и в литературе тоже.

«Дома отец принял меня холодно: после, дня через два, затеялся у нас с ним разговор, в котором, как сын и человек, я высказал ему все. Но это все мне нисколько не помогло, а только усилило мою к нему ненависть; он так был в эту пору гадок, низок и пошл, что гаже его не можете себе представить человека... Я потерял к нему с тех пор всякое уважение».

«Отец Кольцов,— рассказывает один из близких к дому Кольцовых воронежцев,— был человек строгий и весь дом держал в строгости, но никаких бесчинств в доме у него не было. Никому в семье (т. е. матери и сестрам) и на мысль не приходило, чтобы можно было перечить отцу, но Алексей Васильевич говорил ему прямо и никогда не уступал. Всякий из них знал, что ему не сломить другого. Но об этом в семье никто не знал; не такие они были, чтобы жаловаться, не из разговорчивых...»

Сор не только не выносился из избы, но и в самой-то избе прятался.

«Может быть,— расскажет потом сестра поэта Александра,— был у него в душе ад, да нельзя было этого знать. Станет он разговаривать с нами, жаловаться — не в его это было характере. Он, может, и открывал это только своим задушевным друзьям, которые могли понимать его и были из другого круга».

Кольцов действительно никому не жаловался, и письма Белинскому были, по сути, единственной отдушиной.

Внутреннее кризисное состояние распутья на рубеже десятилетий рождало ощущение горечи, неприкаянности и бесперспективности: «Я, кажется, собой одно выполню во всей точности: ворону... И, ей-богу, я ужасно похож на нее, остается лишь сказать: она к павам не попала, а от ворон отстала».

Воронеж заставлял жить по-старому, а по-старому жить было уже Кольцову нельзя — ни внешне, ни внутренне, ни социально, ни творчески, ни в Воронеже, ни в Петербурге. Вот почему, очевидно, на утешения Белинского и на уверения Белинского, сколь много дали Кольцову занятия литературой и куда эти занятия отворили ему двери, Кольцов отвечал словами, полными достоинства и проникнутыми сознанием трагизма: «Я все это знаю. Но, Виссарион Григорьевич, я человек, а у человека желаньям нет конца, они вечно неистощимы... кому люди помогли вполовину, тот уж по закону необходимости ждет больше, и его жажды нельзя напитать ничем нельзя».

«Закон необходимости», «вполовину» напитавший и все же оставивший голодным, работал в Кольцове.

Это много объясняет в последнем увлечении Кольцова.

Женщина эта — Варвара Григорьевна, урожденная Огаркова, в замужестве Лебедева, младшая сестра той самой Елизаветы Григорьевны Огарковой, которой когда-то, почти полтора десятка лет назад, молодой Кольцов посвящал свои первые стихи.

Кольцов в том новом кризисном состоянии внутренних и внешних разрывов с настоящим, отпадения от прошлого, неясности и неопределенности будущего, то есть своеобразной свободы, как никогда, наверное, был готов к такой встрече и к тому, чтобы отдаться страсти полностью, до конца, ни о чем не думая и ни на кого не оглядываясь.

Естественно, отношения с Лебедевой дополнительно осложняли отношения в собственной семье, прежде всего с отцом. «...Конечно, об этом дошли слухи и до отца. Подобное мое поведение ему не понравилось. Я всегда в глазах его и целого города вел себя святошей, и вдруг он увидал во мне человека распутного».

Прежде всего отец попытался «остепенить» сына, то есть женить и тем надежно привязать к Воронежу и к делу. Такие попытки делались раньше, была предпринята и очеред-

ная. Неудавшаяся. Кажется, объединенными усилиями и родителей присмотренной Василием Петровичем невесты и самого сына, что поселило в отце дополнительное раздражение. Отношения же с Лебедевой, видимо, давали и новый повод держать сына в жесткой финансовой узде. Весной Лебедева уехала из Воронежа: «Ужасно горько было мне провожать ее: она поехала к помещику в компаньонки, а все из того, что у меня денег нет ни гроша; будь в год пятьсот рублей — и она б жила в Воронеже, сколько мне было б угодно. Она права, что уехала: чем же ей было жить? Не воздухом же питаться. Здесь я вполне почувствовал свое нищенство».

Конечно, отец был насторожен, так как вряд ли бы дело с Лебедевой и содержание ее ограничилось годовыми пятьюстами рублями. Кольцов был человек, который мог идти в увлечении своем до предела и за пределы. «Будь у меня деньги, конечно, с этой женщиной наделал бы я пустяков и прожился бы весь. И это должно бы быть непременно и было бы».

Между тем со здоровьем становилось все хуже. За шесть месяцев чуть ли не три раза,— сообщает Кольцов,— был на грани смерти. И, может быть, только искусство врача удержало на этой грани. «Мой лекарь», «умный мой лекарь»,— постоянно пишет Кольцов,—«...он такой человек, что ему не верить нельзя».

С лекарем Кольцову повезло. Иван Андреевич Малышев был врачом знаменитым не только по Воронежу. Природа дала ему редкий талант врачевания, а жизнь сложила незаурядный человеческий характер.

По совету Малышева в мае 1841 года после резкого ухудшения здоровья Кольцов уехал из Воронежа: «Лекарь мой увидел, что худо, послал меня на реку Дон купаться. Я тотчас отправился за двенадцать верст от города к родственнику на дачу... и купался два месяца с половиной... купаться еще не кончил, но уж вода шибко холодна. Поправлюсь ли? Выздоровею ли?— Бог знает».

Эти два с половиной месяца Кольцов жил у Башкирцева, «родственника», свояка, мужа покойной сестры Марии, на его громадной даче: «Я только теперь и хлопочу об одной жизни. Придумываю, что бы к обеду вместе сделать по вкусу, пройду в кухню, так ли делают; пью траву, купаюсь, ем, сплю, хожу, лежу, ни о чем не думаю, кроме пищи и жизни. Вот как прошло у меня лето».

Возможно, благотворно подействовали отдых, покой, строгий режим: «Я оставил дела торговые, все занятия, оставил чтение, принудил себя ни о чем не мыслить, сказал: писем мне не отдавать, и даже перестал грезить о Петербурге». «Из человека я сделался идиот»,— прокомментирует Кольцов такой строгий режим. Тем не менее здоровье начало понемногу поправляться, и домой к осени он вернулся, чувствуя себя значительно лучше. Об этом он писал и Белинскому: «Это меня обрадовало чертовски». И в октябре же в письме Малышеву: «Мое здоровье поправляется, видимо, лучшеет, несмотря на дурное время. Это меня радует: пью, ем, сплю, хорошо, порою бываю дома очень весел».

Впрочем, весело было не слишком долго. Уже в декабре Кольцов снова пишет о домашних «неприятностях» и «досадах» и т. п. А связаны они оказались с человеком, долгое время бывшим для Кольцова одним из самых дорогих, с сестрой Анисьей.

По общим свидетельствам, Анисья в семье Кольцовых выделялась многими качествами, и, может быть, прежде всего артистизмом. Потому-то она всегда, а особенно с возрастом, была близка брату. К тому же Анисья оказалась очень музыкальна и, видимо, чутко ощущала музыкальную стихию в его песнях. А сестра Александра даже утверждала, что поэт вообще не писывал ни единого слова без младшей сестры: «Бывало прочтет, а она и скажет: «Вот это хорошо, а это все тяжело, не годится». И начнут спорить. Спорят долго, долго — да горячо так, и Алеша сделает по ее». В общем, по словам мужа уже другой сестры, Анны, В. И. Золотарева: «Она всегда ему делала экзамены насчет стихов».

Охлаждение отношений с сестрой произошло уже вскоре после возвращения Кольцова в Воронеж. Ведь, с одной стороны, изменился он, с другой — менялась она. «Сестра,— пишет Кольцов Белинскому уже в марте 1841 года,— я люблю ее прежде, но она как-то переменилась, и я понимаю ее положение: она купается в родном болоте и должна в нем утонуть; и все, что я пробудил в ней, по необходимости должно снова заснуть. Женщины — цветочки; поливай их роса и дождь — они цветут, а грей одно солнце — засохнут».

Как же переменилась сестра? История обычная, хотя и драматическая, в духе Островского. В июле того же сорок первого года Кольцов так писал об этой перемене: «Сестра девушка была очень порядочная, и много в ней было прекрасного, грациозного, святого: она кое-как почти выучилась по-французски, играть на фортепьянах, порядочно пела, жила со мною братски. Приезжаю,— она уж не та милая девушка, что была, а девушка мещанка стала. Фортепьяны брошены, французский язык забыт, пение затихло».

Взаимное ожесточение в отношениях с сестрой нарастало и, видимо, было во многом взаимно несправедливым. Предшествовавшие откровенные разговоры уже способствовали не пониманию, а отчуждению. Сама большая степень бывшей близости определила силу нынешнего отталкивания. Самый дорогой человек именно поэтому становился самым ненавистным. Брат подозревал сестру в том, что она хочет его «сплавить» и остаться хозяйкой всего. Сестра боялась, что брат рассчитывает обобрать семью (отношения с Лебедевой, конечно же, подогревали эти опасения) и уехать: ведь он ее одну посвящал в планы возможного отъезда в Петербург навсегда.

Отношения с сестрой, бывшие с момента возвращения Кольцова домой в 1841 году прохладными, к осени взорвались. К несчастью, Анисья влюбилась и собиралась выйти замуж. Проницательность Кольцова и здесь его не подвела. Вот как увековечен в письме Кольцова Белинскому воронежский мещанин Василий Григорьевич Семенов: «Ее будущий муж — малый молодой, красивый и статный довольно собой мужчина, мещанин, без всякого образования, без всяких благородных качеств и, кажется, с алтынной и скверной душой. По крайней мере в минуту радости у него хриповатым густым басом разрывается голос, не похожий на человеческий, а в обыкновенном разговоре голос порядочный. И что-то, всматриваясь в лицо его глубже, видишь под красивой личинкой молодости какую-то необразимо гадкую образину. Я замечал в людях очень часто, как лет в двадцать личико оживлено жизнью довольно приятно, а в тридцать из этого личика выходит сущий урод. Как бы хорошо лицо ни было, но если натура у человека не хороша от природы, то, всматриваясь хорошенько, где-нибудь, но уж непременно отыщешь часто едва заметную черту гадости, и эта гадость со временем обхватит всего человека, без его ведома, как его натуральная идея, и он стоит уже век на этом пьедестале».

Спрашивается, много ли нужно менять в таком письме для того, чтобы образ, в нем созданный, и авторский комментарий к нему могли занять место в «Мертвых душах», тогда еще не опубликованных?

«Если я ошибаюсь,— заключает Кольцов,— дай Бог». Нет, он не ошибся. Анисья окажется несчастна в замужестве и умрет в чахотке, на пять лет пережив брата и будучи моложе его на девять.

Насколько дружно все говорят об Анисье как о замечательной девушке, настолько же дружно все хают Семенова. Краткая резюмирующая характеристика в устах его свояка Золотарева — «мерзавец».

Семенов позднее и разделается с поэтом, пустив на обёрточную бумагу часть его архива и навсегда погребя многие и «образы» и комментарии и Белинского, и Одоевского, и самого Кольцова.

В начале года жизнь Кольцова тяжело обложил быт, и если говорить о литературных параллелях,— в духе Островского. Осенью 1841-го и зимой 1841/42 года в доме готовились к свадьбе. Все это время было порой тяжких семейных столкновений и объяснений. Опять-таки вмешались и деньги.

Для больного Кольцова все это было мучительно.

Лишь с окончанием свадьбы семейные страсти постепенно и почти окончательно улеглись.

Но ранней весной началось обострение болезни, с тяжелым кризисом, миновавшим только к маю. Болезнь убивала сама по себе. Но болезнь и оставляла в Воронеже, отсекала последние надежды на переезд в Петербург, то есть постоянно угнетала духовно.

Изнывающее тело держало и рвущийся из Воронежа дух. Белинский и Боткин звали в Петербург — насовсем, в крайнем случае на дачу — на лето. «Переселиться в Питер — последнее средство; что будет, то будет — другого выхода нет... Я сказал, что у меня, чтобы жить, выход один — в Питер; я это сам сознаю душою; но... пока я не буду годен снести длинный путь — до тех пор я из Воронежа ни ногою».

В этом майском письме 1842 года Белинскому и Боткину мы в последний раз слышим голос самого Кольцова.

Умирал поэт одиноко и гордо. В таком деле, как смерть, не обманешь и не притворишься. Смерть была последним испытанием на мощь характера и на силу духа. И Кольцов обнаруживал и то и другое. В факте пресечения переписки даже с Белинским это проявилось явственно. Уже и некоторые прежние свои письма Белинскому, скажем, одно из самых горьких — последнее письмо из Москвы,— Кольцов считал проявлением слабости: «И вот в этом-то гадком, болезненном состоянии я писал к вам из Москвы письмо, о котором весьма теперь жалею: это сделал я нехорошо. Гадкую пору жизни всегда надо убивать в себе самом, не передавая ее другим, особенно тем людям, которых любишь». М. Катков не ошибся, говоря о Кольцове: «это был точно кремень». Недаром Белинский уже задним числом писал в статье о Кольцове: «Нельзя не дивиться силе духа этого человека. Правда, он надеялся выздороветь, и не хотелось ему умереть; но возможность смерти он видел ясно и смотрел на нее прямо, не мигая глазами».

К осени 1842 года поэт слег окончательно. Де Пуле сообщает: «...Родные, сестры и зятья ежедневно посещали умирающего. Каждый день бывала и Анисья и заходила в комнату брата, но появление ее было ему, видимо, неприятно. Часто случалось, что, услышав ее голос в девичьей (куда выходила единственная дверь его комнаты), он махал рукою, давая разуметь, чтобы ее не пускали и чтобы она проходила мимо к матери. Мать и няня Мироновна, попеременно, не отходили от умирающего. Ужасная болезнь иссушила страдальца: от прежнего Кольцова остались одни живые мощи. Незадолго до смерти, показывая своим сестрам иссохшую руку и указывая на ладонь, он сказал: «Посмотрите, мяса-то только и осталось, что здесь, а то одни кости»,— при этих словах крупные слезы скатились по его щекам».

О самой смерти рассказано со слов сестры Александры Васильевны Андроновой, которая раньше других приехала в тот день навестить умиравшего брата: «Он полулежал на постели и пил в это время чай из большой чашки, подаренной ему князем Одоевским, которою он очень дорожил; няня поила его из своих рук, потому что его руки страшно тряслись. «Послушай, няня,— сказал Алексей Васильевич,— какая ты странная! Опять налила чай в эту чашку! Она велика мне, а главное — я слаб и могу разбить ее, выронить. Перелей в стакан». Чай был перелит. В это время сестра вышла из комнаты умирающего. Через несколько мгновений из этой комнаты раздался крик няни, на который поспешили мать и сестра страдальца; они нашли его уже бездыханным. Кольцов умер моментально, держа обеими руками руку няни, ставившей стакан с чаем на столик, который стоял тут же у изголовья.

Со смертью сына Василий Петрович чуть ли не испытал облегчение. Во всяком случае, если верить купцу И. Г. Мелентьеву, на следующий день к нему в лавку в Темном ряду Василий Петрович явился выбирать парчу, кисею и бахрому и оживленно рассказывал, как вчера вечером весело провел время в трактире по случаю удачной сделки:

«— А кому это ты парчу покупаешь?

— Сыну... Алексею: вчерась помер...»

Что касается самих похорон, по рассказу сестры Александры Васильевны, когда из ворот двухэтажного каменного дома на Большой Дворянской медленно выходила погребальная процессия, за гробом шли только родственники покойного, несколько знакомых купцов и мещан, да два или три учителя местной гимназии и несколько гимназистов и семинаристов. Правда, погода была осенняя, ненастная, но при всем том похороны вышли более чем скромные.

В ноябре 1842 года в одной из метрических книг Воронежа появилась запись: «Октября 29-го умер, ноября 1-го погребен на кладбище Всех Святых воронежский мещанин Алексей Васильев Кольцов, 33 лет, от чахотки».

Чья эта могила
Тиха, одинока?
И крест тростниковый,
И насыпь свежа?
И чистое поле
Кругом без дорог?
Чья жизнь отжилася,
Чей кончился путь?

Отжилася жизнь, кончился путь воронежского мещанина Алексея Васильева Кольцова, великого русского поэта.

А могила была и тиха и одинока: новое Митрофаньевское кладбище, где похоронили Кольцова, оставалось тогда еще довольно пустынным и мало навещаемым. «Воронеж,— говорит сестра,— по крайней мере на двадцать лет забыл о поэте».

Первым вспомнил отец. «Он начал навещать его одинокую могилу. Он стал часто ходить на кладбище, подолгу сидел или стоял в глубоком раздумье у могилы сына — и нередко горько плакал». Отец же поставил и первый памятник поэту.

Лев Бакст. ЭСКИЗ КОСТЮМА ДЛЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНИЦЫ ВЕДУЩЕЙ РОЛИ В БАЛЕТЕ А. С. АРЕНСКОГО «КЛЕОПАТРА».

Лев Бакст. ЭСКИЗ КОСТЮМА ДЛЯ БАЛЕТА ПОЛЯ ПЕРИ «СМУЩЕННАЯ АРТЕМИДА».

Лев Бакст. ЭСКИЗ КОСТЮМА ДЛЯ БАЛЕТА ПОЛЯ ДЮКА «ПЕРИ».

Лев Бакст. ЭСКИЗ КОСТЮМА ДЛЯ БАЛЕТА ПОЛЯ ПЕРИ «СМУЩЕННАЯ АРТЕМИДА».

ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Начало см. на стр. 8.

Необычайно широк был и диапазон работ Александра Бенуа, художника высочайшей эрудиции, легко ориентирующегося в атмосфере, казалось бы, полярных культур. Достаточно назвать хотя бы балет «Павильон Армиды», в котором Бенуа воскрешал век Людовика XIV, и «Петрушку», где раскрывается пестрый, красочный мир петербургского балаганного представления.

Конечно, заворожили зрителя, незнакомого со славянским фольклором, декорации Н. Рериха к балету И. Стравинского «Весна священная», к сцене половецких плясок из оперы «Князь Игорь». На парижан как бы сошел со сцены таинственный мир русского средневековья.

Глубокая интеллигентность, чувство истории, настоящая образованность вкупе с талантом и дерзанием принесли мировую славу и другим художникам «Русских сезонов»: Добужинскому, Головину, К. Коровину, Стеллецкому, Билибину, Анисфельду, Судейкину. После «Русских балетов» в Париже отечественная школа стала доминирующей в мировом театрально-декорационном искусстве.

В статье «Русские спектакли в Париже» А. В. Луначарский говорил об огромном успехе отечественных сценографов. И далее: «Правда, раздаются голоса против излишней пышности и яркости русской декоративной палитры, против слишком самостоятельной, а иногда даже главенствующей роли декораторов в спектакле. За всем этим влияние Бакста, отразившееся на многих театральных постановках, вышло за рамки театра и изменило стиль дамских мод и меблировки квартир. Я не хочу сказать, чтобы влияние того удивительного смешенья варварского богатства и своеобразно старого вкуса, которое свойственно особенно Баксту, было очень широко и длительно, но влияние это заметно, и имя Бакста и его товарищей по отданной служению театру кисти должно остаться в истории художественной культуры Европы в целом».

Чудо «Русских сезонов» действительно заставило Европу по-новому взглянуть и на собственное искусство и на искусство далекой России. Крупнейшие представители французской культуры Роден, Роллан, Равель, Пруст, Метерлинк, Кокто, Пикассо горячо приветствовали и пропагандировали творчество русских композиторов, танцовщиков, балетмейстеров, художников. Жан Кокто говорил, что эти спектакли-празднества потрясли Францию. Ведущая балерина «Русских сезонов», несравненная Тамара Карсавина, которую русская печать нарекла «царицей коломбин, искусительной и дразнящей», вспоминала, что «каждый вечер происходило что-то похожее на чудо: сцена и зал дышали единым дыханием». Сколько труда, таланта и вдохновения было вложено в спектакли, которыми была рождена эта почти недостижимая гармония творцов и зрителей!

Теперь о легендарных спектаклях «Русских сезонов» мы можем судить по отзывам в старых журналах, специальным исследованиям, статьям, мемуарам и музыкальным записям. Но совершенно особую информацию и подлинное эстетическое наслаждение доставляют дошедшие до нашего времени эскизы костюмов и декораций, выполненные прекрасными русскими художниками. Многие из них составляют гордость театральных и художественных музеев нашей страны, некоторые находятся в галереях разных городов мира. А какая-то часть эскизов декораций и костюмов Л. С. Бакста, А. Н. Бенуа, Н. К. Рериха, А. Я. Головина, К. Коровина, Н. С. Гончаровой и других художников, работы, поражающие вкусом, фантазией, бесконечным богатством цвета и изяществом линий, попали в частные собрания. Они менее известны исследователям и любителям искусства. С экспонатами одной из таких коллекций мы знакомим читателей на цветных вкладках этого номера.

Всмотритесь в них, вспомните то, что известно о феномене «Русских сезонов» в Париже, счастливом синтезе многих искусств, и перед вами приоткроется тайна взлета русского искусства в начале нашего века, к разгадке которой с присущей ему проницательностью подошел в одной из своих последних статей Александр Блок. «Россия — молодая страна,— писал великий поэт,— и культура ее—синтетическая культура. Русскому художнику нельзя и не надо быть «специалистом». Писатель должен помнить о живописце, архитекторе, музыканте... Так же, как неразлучны в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотлучны от них и друг от друга — философия, религия, общественность, даже — политика. Вместе они и образуют общий поток, который несет на себе драгоценную ношу национальной культуры».

* * *

В душе многих людей заложена любовь к художественной литературе или изобразительному искусству, к музыке, театру или творениям народных мастеров. И нередко эта любовь становится неотъемлемым спутником всей сознательной жизни.

Но в своем дневнике Эдмон де Гонкур сделал такую знаменательную запись: «Не верьте людям, которые утверждают, что любят искусство, а между тем в течение всей своей дрянненькой жизни не отдали и десяти франков за какой бы то ни было эскиз, за что-нибудь написанное кистью или нарисованное. Человеку, влюбленному в искусство, мало только любоваться произведениями искусства, ему хочется владеть,— независимо от того, богат он или беден,— хоть кусочком, хоть частицей этого искусства».

К тому же некоторых людей влечет большее: они бывают одержимы благородной страстью — так можно именовать увлечение коллекционированием и особенно если оно касается предметов, связанных с миром прекрасного.

Собирание произведений живописи или графики — это один из наиболее сложных видов коллекционирования. Ведь чаще всего именно тут нужны знания, к тому же немалые. И еще: ведь настоящее собирательство предметов изобразительного искусства — отнюдь не путь по проторенной дорожке, это непрерывные поиски, трата огромного количества времени, энергии, а порой и отказ от самого необходимого. С полным основанием Бальзак в повести «Кузен Понс» сказал о подлинном коллекционерстве произведений искусства: «Чтобы отыскать какую-либо вещь, нужно время, редкости сами к вам не придут!» А в результате бывают и огорчения, ведь от неверных атрибуций и от подделок никто не застрахован. В этом я, в частности, убедился, изучая творчество И. Е. Репина, а затем работая над созданием двух репинских томов «Художественного наследства» (вышли в 1948—1949 гг. под редакцией И. Э. Грабаря и моей). В дальнейшем я напечатал об этом статью «Мнимый Репин за рубежом» (журнал «Искусство», 1953, № 5).

Но всякие огорчения и неисчислимые переживания, связанные с собирательством, меркнут в памяти и порой начисто забываются, когда познаешь радость успеха. К тому же произведения изобразительного искусства, по точному слову Бальзака, сохраняют вечную молодость, и, любуясь ими сегодня, испытываешь тот же восторг, что и вчера.

Наконец главное. Ни один истинный коллекционер не может быть безразличен к дальнейшей судьбе своего собрания. Между тем подавляющая часть личных коллекций произведений изобразительного искусства, нередко первоклассных, после смерти собирателя подвергнется бездушному и жестокому распылению, вместо того чтобы сохраниться как единое целое.

Хочется с чувством душевной признательности вспомнить тех замечательных собирателей прошлых времен, чьи коллекции легли в основу наших национальных музеев. Это прежде всего П. М. Третьяков, основатель нынешней Государственной Третьяковской галереи, А. А. Бахрушин, основатель нынешнего Государственного центрального театрального музея имени А. А. Бахрушина. А как обогатили Государственный Эрмитаж и Государственный музей изобразительных искусств московские коллекции новейшей французской живописи, собранные И. А. Морозовым и С. И. Щукиным!

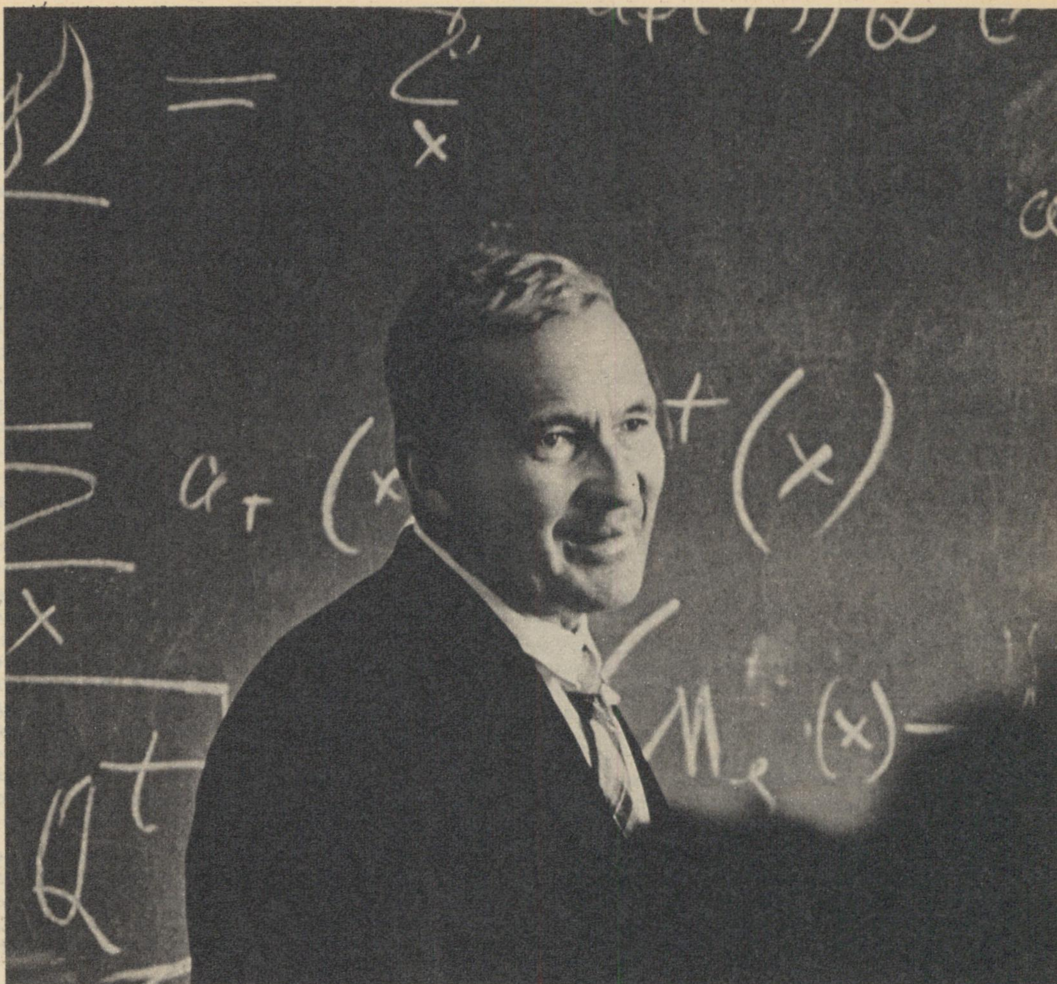
Разве не любопытно, что и Дягилев при всей своей сверхчеловеческой занятости стал, как пишет Александр Бенуа, «неистовым собирателем русского прошлого». Но то были последние три года жизни Сергея Павловича. Тем не менее его удачи поразительны и на этом поприще, так как за столь короткий срок он достиг фантастических результатов. С. П. Дягилеву удалось отыскать и получить около тысячи старинных русских изданий, и в их числе оказавшаяся в единственном экземпляре на всем свете «Азбука», напечатанная Иваном Федоровым в 1574 году во Львове; то была находка века, так как о существовании этой книги никаких сведений в литературе не было. Что же касается выявленных и приобретенных Дягилевым автографов выдающихся русских писателей, то подробный перечень его находок занял бы несколько страниц. Поэтому назову лишь самые поразительные. Это десять писем А. С. Пушкина к невесте, Н. Н. Гончаровой, и одно к будущей теще; другие автографы великого поэта — стихотворение, озаглавленное в последней редакции «К морю», письмо к Е. Ф. Розену, дарственная надпись О. М. Сомову на издании пятой главы «Евгения Онегина», а также подорожная, выданная Пушкину 5 мая 1820 года на проезд в Кишинев, и письмо статс-секретаря Д. Н. Блудова к Пушкину о «дозволении» ему работать над архивными материалами по истории Петра I. Получил Сергей Павлович четыре письма М. Ю. Лермонтова к А. А. Лопухину, записную книжку В. А. Жуковского, заполненную его рисунками, автографы И. А. Крылова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева и многое другое. Благодаря известному балетмейстеру и коллекционеру С. М. Лифарю некоторые из ценных находок С. П. Дягилева поступили в архивохранилища и библиотеки нашей страны.

Да и сам С. М. Лифарь после кончины С. П. Дягилева продолжил в разных странах зарубежья поиски рукописей и творений живописи русского культурного прошлого, увенчалось же это блистательными успехами. А свыше тридцати из своих драгоценных находок, и в их числе автограф предисловия Пушкина к «Путешествию в Арзрум», картину Лермонтова «Вид Крестовой горы», подаренную им в 1841 году В. Ф. Одоевскому, автографы Тургенева, Маяковского и других видных писателей, С. М. Лифарь по моим просьбам передал в дар родине.

Многие неожиданные и интересные находки сулит и поиск за рубежом еще неизвестных работ русских театральных художников.

люди науки

Владислав ЯНКУЛИН

А. Н. Колмогоров. Фото Л. Шерстенникова

математик

Я знаю Андрея Николаевича Колмогорова больше двух десятилетий, и он никогда не выглядел «моложе своих лет». Всегда загорелый, энергичный, чем-то увлеченный, всегда работающий на пределе возможностей. И неважно, заставали ли вы его при выходе из школьного класса, когда весь перепачканный мелом и разгоряченный дискуссией у классной доски он продолжал на ходу объяснять что-то ребятам, или, приехав к нему на дачу в Комарово, находили его в выцветшей ковбойке, старых брюках и сандалиях на босу ногу,— всегда перед вами был напряженно работающий человек.

Накануне восьмидесятилетнего юбилея А. Н. Колмогорова я попросил одного из его учеников, известного советского математика члена-корреспондента АН СССР И. М. Гельфанда, сказать несколько слов о своем учителе. Вот что он сказал:

— Сейчас организационно наука строится чаще всего как работа больших коллективов, оснащенных хорошей техникой. Это касается не только технических наук или гигантских проектов типа раковой проблемы, которые невозможно целиком выполнить одному человеку. Подобный процесс проникает и в чистую науку, в частности в математику, в те ее сферы, которые по-прежнему требуют сугубо индивидуального мышления. Сейчас, например, есть много хороших математиков, которые делают хорошие работы в русле тех течений, где всеми ожидается получение важных результатов. Подобные работы характеризуются не уровнем оригинальности научного мышления, а уровнем технических достижений. Кто-то сумел сделать то, что хотят все. Ему хватило на это способностей, сил и собранности, но шел он путем, который намечен не им и известен многим. Здесь та же разница, которая существует, скажем, между открытием цикла Карно и созданием паровой машины. Не надо думать, что одно хорошо, а другое плохо. Это разные вещи, и их делают люди, по существу, разных специальностей.

Андрей Николаевич Колмогоров принадлежит к ученым в старом понимании смысла этого слова. К ним мы относим И. П. Павлова, Нильса Бора, Альберта Эйнштейна — тех, для кого критерий оригинальности в научной работе был первейшим. Со стороны это выглядит так: то, что было сделано этими учеными, без них не было бы сделано вообще или приобрело бы другую форму. И этому критерию Колмогоров учил меня прежде всего своими работами.

— Значит ли это, что Колмогоров пренебрегает, так сказать, «счетными» аналитическими задачами?

— Нет, не значит. Если провести сравнение с музыкой, то мы знаем, что технические возможности Моцарта были неограниченными. Но мы его ценим не за это. Безусловно, без соответствующего уровня техники ни один крупный математик не может работать. В данном случае это вопрос второстепенный. Впрочем, техника Колмогорова всегда была на очень высоком уровне.

Как всякий нетривиальный человек, Колмогоров своей жизнью доказывал одни истины, опровергал другие. Рано став знаменитым, опубликовав в 30 лет так называемую аксиоматику теории вероятностей — ее одной было бы, как принято говорить, вполне достаточно, чтобы обессмертить его имя,— став в 36 лет академиком, он подтверждал известное положение, что математика — наука молодых. Однако и в 50 и в 60 он продолжал доказывать теоремы, создавать новые теории и концепции, открывать для математики новые области применения и расширять ее собственные границы. В 1965 году (Колмогорову было тогда 62 года) ему и его ученику В. И. Арнольду присуждается Ленинская премия. Вообще трудно найти период в жизни ученого, который не был бы отмечен какими-либо важными работами, когда бы ему не присуждалась та или иная премия.

Можно привести множество примеров из жизни и деятельности А. Н. Колмогорова, опровергающих расхожую мысль, что математики далеки от жизни, хотя он сам старался всегда избегать административных постов и представительства в различных советах. Однако если брался организовать какое-либо новое дело, то посвящал себя ему без остатка. Даже при чрезвычайном сосредоточении на сугубо математических проблемах ученый не теряет ощущения реальной канвы жизни, всегда находится в ее гуще, среди молодежи, всегда его окружают ученики.

О Давыдковской школе-интернате для особо одаренных детей в области математики, созданной по инициативе Колмогорова, уже написано немало.

— Если посмотреть математиков, которые поступают к нам на факультет,— говорит Андрей Николаевич,— то можно статистически показать, что очень много студентов приходит из одной и той же школы. Значит, не их способности, а школа, товарищеская среда, учителя определили их будущность. Это неплохо, но если бы мы мобилизовали еще и все потенциальные таланты! Ведь огромное количество людей с математическими задатками просто не имеет повода попробовать, что это такое, понять, как это могло бы быть интересно.

И вот Колмогоров создает Давыдковский интернат, привлекает к преподаванию в нем ведущих ученых страны, ездит по всему Союзу в поисках талантов. Однако он понимает, что даже несколько таких школ не могут коренным образом изменить положение с математическим образованием. И он организует циклы лекций для учителей в Политехническом, пишет экспериментальные, а затем и основные учебники для школы.

Его интересует, что ждет молодых людей, выбравших для себя профессию математика, он привлекает их в различные области науки и практики, являясь сам лучшим пропагандистом своей профессии.

Трудно одной фразой ответить на вопрос, что же Колмогоров считает для себя самым важным. Почему он наотрез отказывается от самых заманчивых предложений издателей и в то же время пишет маленькие математические эссе — короткие, на страничку-полторы, предисловия к книгам других математиков. (Для этого приходится прочитывать тома математической литературы!) В университете его было невозможно уговорить прочитать лишнюю лекцию, но только был создан Давыдковский интернат — и «главный академик», как его называют ребята, не считаясь со временем, проводит там по нескольку дней в неделю.

У каждого в этом мире свои ориентиры, и было бы наивным искать высший смысл в каждом поступке А. Н. Колмогорова. Его ведет безошибочная, ставшая притчей интуиция, которая помогает, еще не обосновывая, писать новые математические формулы, путешествовать, выбирая под настроение то горы, то море, увлекаться то поэзией, то живописью.

«...Я нескромно думаю, что могу дать дельный совет, например, поступать ли пятнадцатилетнему в математическую школу или какую специальность уже внутри математики выбрать кончающему университет, у кого именно стоит учиться и работать. Не раз я удачно «сватал» молодых математиков заниматься далекой от моих интересов областью математики и у другого руководителя.

Но, конечно, особенно счастливыми, а часто и особенно продуктивными являются случаи, когда ученичество в науке соединяется с большой дружбой учителя и ученика. Было бы нескромно много говорить о том, дал ли я своим ученикам по науке хоть что-либо из того, что вы требуете от своего Учителя. Хотелось бы думать, что иногда это мне удавалось»,— написал он однажды в письме юноше, который спрашивал, как выбрать себе в жизни учителя.

Герою Социалистического Труда математику Андрею Николаевичу Колмогорову исполнилось 80 лет. Его слава принадлежит ему, стране, науке и, значит, всему человечеству. У него есть все, о чем может мечтать человек. Пожелаем ему здоровья!

АВТОГРАФЫ СЛАВЫ

Л. ЖУКОВ

Берлин, май 1945 года. В кабинете Гитлера. Слева направо: Л. И. Шильников, М. И. Цыбаненко, Д. Г. Тимощенко и ...пока что неизвестный воин.

Берлин. 2 мая 1945 года. Столица фашистской Германии пала. Ликуют смертельно усталые победители, ставят свои подписи на рейхстаге, фотографируются на память.

Вглядитесь в снимок, сделанный именно второго мая военным фотокорреспондентом Г. Капустянским. Позже он рассказал:

— Я долго мечтал об этом снимке. Он зрел во мне с первого года войны... Все началось под Орлом, в разрушенной, сожженной деревеньке. Около чудом уцелевшей калитки на снегу валялся немецкий журнал. Он лежал обложкой вверх. А на ней во всю страницу огромный глобус в кабинете фюрера. У глобуса — Гитлер и Геринг. Гитлер пальцем показывает на Москву, а Геринг довольно усмехается. И тогда я решил: если попаду в Берлин, найду этот глобус и около него сфотографирую наших солдат. С этим шел через всю войну.

Сбылась мечта фотокорреспондента. Григорий Капустянский в поверженном Берлине. Вместе с товарищами он спешит взглянуть на логово Гитлера — имперскую канцелярию.

Вот он, кабинет фюрера. Здесь фотокорреспондент увидел тот самый громадный глобус, у которого повелитель третьего рейха вынашивал планы мирового господства. У глобуса стояли советские воины. Фотограф попросил четверых подойти поближе, а одного из них, подполковника, показать на глобусе Берлин. Щелчок — и снимок готов. На радостях фотограф забыл записать фамилии офицеров, склонившихся у глобуса.

Шли годы... Не раз автор снимка пытался найти героев, но все попытки были тщетны. В поиск включилась газета «Труд». 2 мая 1976 года в газете был опубликован снимок Г. Капустянского и обращение к читателям: «Вглядитесь еще раз. Может, кто узнает и назовет кого-нибудь из четырех. Ведь на этом фото, сделанном наспех, но, как оказалось, на века, неизвестными остались все четверо».

В наибольшем числе откликов сообщалось: первый слева — кировчанин, старший лейтенант Ливерий Шильников.

Другое мнение высказал эксперт-криминалист. Он дал официальное заключение, что это не Шильников, а лишь похожий на него офицер.

Но нельзя было не учитывать точку зрения и самого Л. И. Шильникова, который доказывал: «Крайний слева — я, рядом — мой однополчанин, командир танкового взвода лейтенант Михаил Цыбаненко».

Кто же все-таки прав? Как разрешить это противоречие?

У Шильникова созрел план: разыскать Цыбаненко, попросить портретный снимок последних лет и направить фотографии на экспертизу.

К сожалению, все попытки найти однополчанина были безуспешны. Летело время. Летели запросы в музеи, в Министерство обороны СССР, в политотделы частей и соединений. И все же Ливерию Ивановичу удалось найти боевого друга: оказывается, он живет в Белоруссии. Срочно сделали фотографии и направили их во Всесоюзный научно-исследовательский институт судебных экспертиз.

И вот заключение старшего научного сотрудника института А. С. Кравчинской: на представленных на исследование двух фотоснимках у глобуса первым слева изображен Шильников Ливерий Иванович, вторым слева — Цыбаненко Михаил Ильич.

А вскоре почта принесла кировчанину теплую весточку из белорусского города Бобруйска, от оператора домоуправления № 2. Михаил Ильич сообщал, что до 1949 года он служил в родном гвардейском танковом полку, а затем в ремонтной части. Потом учеба, служба в Белоруссии. В отставку он ушел в 1974 году в звании подполковника технической службы, прослужив в Советской Армии свыше тридцати лет.

Ливерий Иванович до войны был сугубо штатским человеком — работал старшим механиком на Кировском энергокомбинате. Когда фашисты напали на нашу страну, в числе первых добровольцев ушел на фронт. 3 июля 1941 года в «Кировской правде» было напечатано обращение: «С великой радостью мы идем на защиту Родины. Гордимся тем, что страна доверила нам носить оружие и громить разбойничью фашистскую клику. В этой решительной схватке германский фашизм будет разгромлен. Наше дело правое, победа будет за нами...»

В числе других это письмо подписал и Ливерий Иванович Шильников.

Боевое крещение он принял под Воронежем. Был командиром танкового взвода. Там получил и первую контузию и первую награду — медаль «За боевые заслуги».

— Вскоре нашу бригаду направили в район Сталинграда,— вспоминал Ливерий Иванович.— Здесь воевал в составе шестьдесят второй армии. За отвагу, проявленную в этих боях, бригада была награждена орденом Красного Знамени.

В канун битвы на Курской дуге Шильников стал коммунистом.

66-я гвардейская танковая бригада, в которой служил Шильников, одной из первых вступила в Берлин.

Сегодня Ливерия Ивановича уже нет с нами. Гвардии капитан в отставке последние годы работал слесарем-электромонтажником на лесоперевалочной базе объединения «Кировлеспром». Несколько лет возглавлял цеховую партийную организацию, руководил группой народного контроля.

Итак, имена двоих известны. А кто же следующий, третий слева?

Инвалид Великой Отечественной войны У. З. Сорока сообщал — его данные подтвердились экспертизой.

«...Советский офицер у глобуса, указывающий пальцем на Берлин,— писал фронтовик,— это подполковник в отставке Тимощенко Демьян Григорьевич. Он работал после армии в Киевском автоучкомбинате инструктором по обучению инвалидов войны вождению автомобиля. Несколько лет назад Демьян Григорьевич умер...»

Теперь мы знаем трех героев снимка, а вот имя четвертого до сих пор неизвестно. Правда, Л. И. Шильников успел кое-что сообщить о нем:

— После фотографирования у глобуса мы немного поговорили. Он рассказывал, что воевал в авиации, был стрелком-радистом. А перед штурмом Берлина, после ранения, его перевели в другую часть — заряжающим самоходной артиллерийской установки. Фамилии, имени, отчества, к сожалению, не помню.

Публикуя историческую фотографию, мы надеемся, что в поиск включатся и наши читатели — участники штурма Берлина. Имя героя, дошедшего до фашистского логова, должно быть восстановлено!

ОЛЯ НА ВЫСОТЕ

В последний раз советская гимнастка Людмила Турищева выиграла первенство Европы десять лет тому назад, и затем на четырех чемпионатах континента ни она, ни одна из ее подруг не могли завоевать почетный титул. И вот победа! В Гётеборге (Швеция) на высшую ступеньку пьедестала почета поднялась Оля Бичерова, шестнадцатилетняя московская школьница (фотоочерк о ней смотри в № 1 за этот год «Огонька»).

Надо было обладать огромным самообладанием, чтобы с поврежденной рукой начать борьбу именно с брусьев, на которых она и стерла ладонь. Оля вытерпела и получила прекрасную оценку — 9,7 балла. После упражнения на бревне ее обогнала румынская гимнастка Л. Агаче, и все должны были решить вольные упражнения и опорный прыжок. К счастью, в этой финишной половине программы Оля особенно сильна (недаром она впоследствии в борьбе на отдельных снарядах получила именно на этих снарядах золотые медали), и после вольных упражнений она вплотную приблизилась к Л. Агаче. Совершив поистине виртуозный прыжок, за который получила 9,9 балла, Оля обогнала румынскую гимнастку. Прекрасная, яркая победа!

В. ЯКОВЛЕВ

сестра моя, болгарка

Станка **ПЕНЧЕВА**

Станка Пенчева — известная болгарская поэтесса, автор шестнадцати сборников стихов и двух публицистических книг. Ее произведения публиковались и в советских изданиях. С. Пенчева — заслуженный деятель культуры НРБ, заместитель главного редактора журнала «Отечество».

Недавно меня пригласили в гости женщины большого и красивого черноморского города Варна. Я встретилась с теми, чьи имена известны по всей Болгарии, — с героями Труда, представительницами разных профессий. Каждая из женщин рассказывала о своей работе, о том, как ей удалось добиться высоких показателей, говорила и о проблемах, стоящих перед ее коллегами. Я внимательно слушала инженера, врача, художницу, директора завода, учительницу... И сердце мое наполнялось гордостью за них. Это были не просто трудолюбивые, а глубоко мыслящие женщины, постоянно ищущие новое, прогрессивное в работе, смелые и принципиальные, обаятельные и с чувством достоинства.

Было бы несправедливым говорить, что характер, душевные качества моих соотечественниц сформировались только за последние сорок лет и совершенно на пустом месте.

Я люблю староболгарскую литературу. Однажды мне попался в руки апокриф под названием «Разумник», относящийся к XIII веку (автор его неизвестен). Вот что я прочитала в нем:

«Ангелы спросили господа: почто ты, боже, сотворил женщину из ребра мужчины? Господь ответил: так поступил я, дабы они заботились друг о друге».

В отличие от церковных догм в этом глубоко народном средневековом произведении появился интересный элемент: здесь ребро не символ второго сорта, не символ зависимости и подчинения женщины мужчине, а залог их неразрывной связи: дабы заботились друг о друге.

Это было написано приблизительно в то время, когда знаменитую своими стенописями Боянскую церковь озарил образ Десиславы, жены царя Калояна. Ее лицо — это не только лицо правительницы, тонкие и одухотворенные черты которого выражают ум. Она предстает перед нами, современными людьми, как гордая, независимая, внутренне богатая, обаятельная женщина. И в то же время это лицо живого человека, и оно было воссоздано здесь, в Боянской церкви, почти тогда же, когда в Италии началась эпоха Ренессанса...

После этого в истории Болгарии наступил тяжелый период османского ига. Сохранились легенды о болгарках, которые предпочли смерть неволе. До нас дошли имена многих женщин, боровшихся с иноземными поработителями. И потому мы вправе утверждать, что в прошлом болгарки были не только рабынями отца или мужа. Достоинство и гордость, которые были характерными чертами болгарок того времени, не могли не перейти по наследству, по крови и к нам, женщинам современной Болгарии.

Середина XIX века. В порабощенную Болгарию приехал французский путешественник Робер. Он записал в своем дневнике: «Как и все славяне, болгары выражают свои страдания в песне. Рано утром, когда они выходят на работу, и вечером, возвращаясь домой, женщины с серпом за поясом, шагая друг за другом, поют, а мужчины верхом на лошадях монотонно подпевают своим подругам. Хотя возраст и усталость оставили отпечаток на лице болгарских женщин, но тем не менее они всегда веселы, женственны и никогда не забывают в праздник украсить свои волосы цветком».

Как раз тогда, когда были написаны эти строки, у болгарки появилось страстное желание учиться, стать образованной, полезной людям. Именно тогда у нас открылась первая женская гимназия, в которой преподавала первая учительница. Всего через двадцать лет вместе с юношами, которые выразили желание продолжить образование в России, пожелали поехать и девушки. Тогда же, в 1857 году, в Болгарии было создано и первое женское общество. Один из очевидцев этого события писал: «Наша болгарка сама проявила желание взять на себя часть развития народа и решила помочь, насколько ей позволят силы, своей половине. Мы видим, что по всей стране открываются общества женщин, цель которых состоит в том, чтобы помочь своему народу».

Ни больше ни меньше — «часть развития народа», «помочь своему народу»!

И когда в 1876 году вспыхнуло Апрельское восстание — светлый и смелый порыв народа к освобождению,— болгарка действительно внесла в это дело свою героическую долю... Но то время было и периодом жажды знаний, прогресса. Как пророчески звучат сейчас слова Евгении Кисимовой, председателя женского общества в Велико-Тырново, произнесенные ею сто двадцать лет назад: «Сколько труда мы прилагаем к тому, чтобы собрать нашим дочерям приданое, которое проедается, и наряды, которые изнашиваются. Давайте трудиться для того, чтобы накопить душевное приданое и украшение души, которые нельзя ни проесть, ни сносить, ибо наступит время, когда ни приданое, ни наряды не будут иметь никакой цены, а главным богатством станет богатство души — учение и просвещение».

Вот где корень того явления, что сейчас по числу женщин с высшим и средним образованием мы опередили самые развитые капиталистические страны и находимся после Советского Союза на втором месте.

В то время болгарка не знала таких слов, как «эмансипация», «равноправие», но благодаря какому-то сильному внутреннему чувству она нажала именно на те рычаги, которые коренным образом преобразили всю ее судьбу: просвещение, классовое сознание, участие в борьбе народа за национальную свободу и социальную справедливость.

Неудивительно ли, что всего через 17 лет после освобождения Болгарии — в 1895 году — Вела Благоева, первая женщина-марксист в нашей стране, супруга и соратница основателя Компартии Болгарии Димитра Благоева, опубликовала на страницах журнала «Дело» статью о новых больших целях, которые стоят перед болгарскими женщинами. Не нужно забывать и о том, что Вела Благоева окончила известные в то время Бестужевские курсы в Петербурге, что она попала в среду народовольцев и работала в группе по связи с арестованными и ссыльными...

И было вполне естественно, что рядом с Димитром Благоевым стояла Вела, а с Георгием Димитровым — Люба, что в стачках, нелегальных конференциях, партизанской борьбе, в восстании, в концлагерях и тюрьмах болгарин и болгарка всегда были вместе, объединенные в одном понятии «народ». Еще до того, как в нашей новой конституции было записано, что женщины получают равные права с мужчинами, болгарки уже добились этих прав, участвуя в борьбе за дело народа наравне с мужчинами...

Васил Левский, наш национальный герой, в период борьбы за освобождение от турецкого ига в своих письмах к деятелям подпольных революционных комитетов выразил мысли, которые и сейчас звучат актуально. Особенно сильное впечатление произвели на меня, в частности, его слова: «Мы во времени, и время в нас». Всякий раз, когда я стараюсь подобрать фразу-формулу, в которой хочу выразить самое важное, самое существенное качество души болгарки, я вспоминаю слова Левского. И вот эта формула: болгарская женщина всегда была в стремительном потоке времени, всегда несла в себе это время — с самыми драматическими его конфликтами, с самыми благородными его порывами.

И вот наступил год сорок четвертый. Жизнь болгарской женщины коренным образом изменилась. Теперь поле и завод стали общественной собственностью. И хотя они не принадлежали лично ей, тем не менее были ей очень дороги.

Один мой друг, бывший председатель кооператива, рассказывал мне, как женщины его хозяйства отнеслись к предложению выращивать некоторые сельскохозяйственные культуры в личных хозяйствах. Можно было получить более высокую оплату за свой труд, особенно если заняться выращиванием такой трудоемкой культуры, как табак. Женщины сразу же оценили материальную выгоду этого предложения, но все же не приняли его, потому что им уже не хотелось работать в одиночку. Они говорили: «В коллективе самая тяжелая работа кажется легче, а когда трудишься в одиночку, то нет ей конца и края!»

Так труд стал для болгарки чем-то гораздо более значительным, чем просто источник дохода: изо дня в день он приобщал ее к трудовому коллективу, к селу, в котором она жила, к ее стране, ко всей планете. Болгарка с радостью почувствовала себя личностью, ей было приятно сознавать, что она приносит пользу.

Благодаря своей работе и профессии женщина обрела свое лицо. Наиболее наглядно это отражено в одном из широких социологических исследований, в котором один и тот же вопрос был задан дважды — в 1969 и в 1975 годах. Вопрос был такой: «Если вы и ваша семья материально обеспечены, то будете ли вы работать и дальше?» В первый раз только 57 процентов всех опрошенных ответили «да», а через шесть лет — 93 процента. И снова проявилась та же формула: «Мы во времени, и время в нас». Чтобы максимально проявить себя на работе, моя современница должна была развить в себе такие качества, которые в прошлом считались чисто мужскими: ум, волю, целенаправленность, настойчивость, выдержку. Сейчас болгарская женщина не просто работник, а думающий и честолюбивый в самом хорошем смысле этого слова человек.

Недавно в нашей печати появилось почти сенсационное сообщение: после успешно проведенных опытов было принято решение о производстве лекарственного препарата, созданного небольшим коллективом, возглавляемым Маргаритой Томовой. Многие иностранные фармацевтические фирмы проявили большой интерес к новому лекарству. Чтобы добиться такого результата, коллектив медиков под руководством Маргариты Томовой около пятнадцати лет изо дня в день упорно трудился. Пришлось преодолеть немало трудностей, чтобы перебороть неверие, бюрократизм, косность. Коллектив должен был проявить мужество. А ведь слово «мужество» происходит от слова «мужчина», хотя монополией мужчин его назвать нельзя...

А что стоит за двумя золотыми звездами знатной ткачихи Лиляны Димитровой, сейчас секретаря Центрального совета профсоюзов Болгарии? Конечно, прежде всего труд, а также огромное, государственное чувство ответственности. Находясь на вершине славы, неожиданно для многих она уехала в небольшой город, где надо было наладить работу на отстающем текстильном предприятии. Я хочу привести слова Лиляны Димитровой: «Как личного, так и общественного счастья можно добиться только трудом, независимо от того, какая у тебя профессия — будь ты писатель, ткачиха, артист или медработник. Нет никакой разницы. Только труд может сделать человека человеком. Могу еще добавить к сказанному — вечно молодым человеком».

Чувство ответственности, я бы сказала, ответственности и перед будущими поколениями и перед историей, нашло выражение в одном необычном документе, который всколыхнул общественное мнение и народную совесть. Накануне XII съезда БКП в 1981 году газета «Работническо дело» провела широкий опрос трудящихся страны. В частности, газета опубликовала письмо коммунистки Тодорки Камберовой из села Арчар Видинского округа. Она с болью говорила о конкретных ошибках и недостатках в партийной работе, которые необходимо ликвидировать. Чувствовалось, что автор письма верит в силу и чистоту

партии. В частности, она писала: «Откровенно и по-коммунистически, с чувством общественного долга, с желанием, чтобы проблемы, стоящие перед нами, были решены как можно лучше, я решила поделиться с вами своими мыслями».

Письмо Камберовой как бы открыло плотину. Газета получила огромное количество писем со всех концов страны.

Здесь мне бы хотелось провести некоторую аналогию: не напоминают ли вам эти строки слова, которые я привела вначале, когда рассказывала о первых женских обществах, созданных в Болгарии? В то время болгарка почти не покидала своего дома. И тем не менее во весь голос заявила о своем желании «помочь народу», «внести частицу своего труда в развитие нашего народа»... Действительно, ничто не создается на пустом месте.

Я хочу вернуться к встрече в Варне. Вот к какому выводу я пришла: мы сможем говорить о полном равенстве и о полном решении так называемых женских проблем, когда перестанем считать их чисто женскими и когда они превратятся в профессиональные, творческие, личные проблемы. Настало ли такое время? Как будто еще нет. Взять хотя бы домашнее хозяйство. Участие женщин в домашнем труде все еще в два раза превышает участие в этом деле мужчин. Создалось несоответствие между возросшими требованиями к женщине со стороны производства, общества и, с другой стороны, отставанием сферы обслуживания, торговли. Некоторые пытаются возвести нашу современницу в ранг мученицы, но социологи утверждают, что в поведении трудящейся болгарки гораздо больше осознанного долга, чем примирения. Моя современница не примирилась с нерешенными проблемами и не ждет сложа руки, чтобы государство и партия их решили. По мнению социолога Марии Динковой, «социалистическое общество оценивает болгарку как многосторонне развитую и целенаправленную личность, и она на деле проявляет себя именно такой, несмотря на невозможность общества быстро и сразу решить проблемы ее социальной активности».

Я присоединяюсь к мнению Марии Динковой, но хочу только добавить, что моя современница имеет возможность проявить свой характер, свои душевные качества не как пассивный потребитель, а как активный участник в решении проблем, стоящих перед обществом.

Идут по улице, едут в поездах, выходят из ворот заводов и университетов потоки людей. Половина из них — женщины. Можно ли сказать, что женщина все еще остается загадкой? И да и нет. Вот она, моя современница: деловая, подтянутая, улыбающаяся или иронически настроенная, красиво причесанная, хорошо одетая. Уверенная походка, энергичный взмах рук, сумка, из которой торчит батон и корешок книги; взгляд озабоченный и кокетливый, глаза усталые и счастливые... Этот собирательный портрет составлен из разных поколений, из разных лиц. Но все они в потоке времени, устремленные вперед. Образ моей современницы изменчив, как текущая вода. И самое прекрасное в нем — движение.

Перевод с болгарского Л. СКОРОХОДОВОЙ.

ШКОЛА, ДЕТИ И ВДОХНОВЕНИЕ...

Л. ЛУКЬЯНОВА

СЛЕПИМ БУРАТИНО!

Класс как класс. Огромные светлые окна, цветы в горшках. За столами дети. Преподаватель Валентина Ильинична Щербакова серьезна, внимательна: первоклассники, за ними глаз да глаз нужен. Правда, обстановка здесь несколько разнится от той, что мы привыкли видеть. Гипсовые слепки, натюрморты, репродукции — мы в изоклассе школы искусств города Брежнева. Урок лепки.

На дом было задано: подумать, какого героя из сказки слепить. Решили — Буратино.

Они сидят — серьезные, заняты делом. Сопят, разминая холодный пластилин. У кого пальцы послабее, тому помогает Валентина Ильинична. В классе тихо, никого не надо одергивать, хотя они совсем еще маленькие и лепка для них — игра. Но их, наверное, смогли убедить, что это еще и ступенька на пути к Искусству.

Преподаватель достает книгу, открывает нужную страницу, на ней иллюстрации к сказке А. Толстого. Положила раскрытую книгу на стол перед мальчиками — пусть смотрят, кто каким видел деревянного человечка. Но ведь это дети! Тут же из-за соседнего стола оскорбленно:

— Да-а, а мальчишкам Буратино показывают!..

Наконец справедливость торжествует: картинки посмотрели все. И снова тихо. Они что-то бормочут, пыхтят, потому что полосатый колпачок не сразу становится на место, а нос все время отваливается. И вообще это не просто — из пластилина слепить человечка. Преподаватель помнит, что они маленькие. «Давай помогу». И ставит на место ноги, выясняет, почему одна рука зеленая, отвечает на важные вопросы. Но не забывает ни на минуту, что они сами должны думать, фантазировать, оценивать.

— Андрей, как ты считаешь, похож?

Мальчик внимательно смотрит на фигурку, сидящую на ладони Валентины Ильиничны. Потом изрекает солидно:

— Похож. Только нос маловат.

КТО ТАКИЕ «ЦЕНИТЕЛИ ИСКУССТВА»!

В каждом классе каждый занимался своим делом: играл на скрипке или фортепиано, танцевал, пел, рисовал — всего не перечислишь. И были эти дети самыми обыкновенными: непоседливыми, серьезными, умными, красивыми и не очень красивыми. В общем, дети как дети. И путь из этой школы в искусство им не заказан, как, впрочем, и любой другой путь.

— Мы не готовим кандидатов в художники и музыканты. Мы просто стараемся им объяснить, из чего складывается образ Прекрасного. И хотя это очень сложно, мы считаем, что первые, робкие результаты уже есть,— говорит Наиль Абдурахманович Хасанов, директор школы. — Ребята ждут не дождутся лета — нам обещали прислать экспозицию из Эрмитажа. Раньше, когда гастролировали оперные театры, зал заполнялся едва наполовину; теперь оперу слушают с удовольствием, зал не пустует. Появились ценители искусства!.. Конечно, наши ребята далеко не всегда могут осознать увиденное: не забывайте, мы живем далеко от столицы. Но, главное, для них становится потребностью общение с музыкой, живописью, танцем. А представляете, если в городе будет несколько таких школ? Тогда мы вырастим целое поколение тонких, умных, интеллигентных людей!..

ИСТОРИЯ ОБЪЕКТА «23-10»

Школа искусств и училище искусств — пока соседи. Училище собирается расширять, школу — переводить в другое здание: сейчас им трудно и тесно вдвоем.

Не удивительно ли: в новом, совсем еще юном городе встает вопрос не об открытии школы или училища, а о том, что им **не хватает места.** Но в городе с самых первых дней помнили: мечта о камском автогиганте свершится в полной мере лишь тогда, когда человеку будет дано все: налаженный быт, интересная работа и, конечно, возможность приобщаться к культуре.

— Все получилось почти случайно,— признается Зуфар Валиулович Мустафин, первый директор училища искусств.— Я тогда пришел к генеральному директору КамАЗа просить новое помещение под музыкальную школу. Родители одолевали. Город только начинается, а им уже музыку подавай! Но хорошо ведь! Мне генеральный директор говорит: «Детсад сейчас сдаем — забирай!» Что вы, разве можно? Квартиру легче получить, чем место в садике... Судили-рядили, в итоге я поехал в Новосибирск — как раз у меня отпуск был. В филиал Центрального НИИ экспериментального проектирования учебных зданий. А мне от ворот поворот: «толкачей» не принимаем! Заказывайте в установленном порядке — через несколько лет получите нужное. А вот мне надо сейчас! И сжалилась надо мной одна сотрудница. У нас, говорит, лежит один проект, все сроки прошли, а его не забирают, я могу вам оформить, приходите после обеденного перерыва. Я на радостях на рынок за цветами помчался,— никогда не думал, что в Новосибирске столько цветов! И приехал домой с проектом здания музыкальной школы на 312 мест и музыкального училища на 360 мест.

Двухэтажный, облицованный светлым кирпичом «объект 23-10» радует не одного Мустафина. Просто в городе любят детей. И не только своих, а детей, так сказать, вообще. Потому и открылась в 1978 году эта школа. Потому через несколько лет было создано училище искусств: решили кадры для себя готовить сами.

УТВЕРЖДЕНИЕ МАСТЕРСТВА

В училище искусств три отделения. Музыкальное, художественно-оформительское и народного танца. Занятия идут с утра до вечера. А еще репетиции, концерты — ночью всех праздничных представлениях участвуют студенты. Есть свой духовой оркестр. Есть камерный оркестр, которым руководит педагог класса скрипки Игорь Михайлович Лерман. В репертуаре — Моцарт, Бах, Гендель, Вивальди, Корелли... У оркестра уже есть свои слушатели. Мечтают об открытии концертного зала, где исполнялась бы только симфоническая музыка. Уверены, что зал пустовать не будет. А пока оркестр выступает на заводах. И слушают их так же, как, наверное, в зале Чайковского заезжую знаменитость.

В училище стараются вложить в ребят как можно больше. К примеру, на хореографическом отделении студенты изучают историю изобразительного искусства, а художников в летние каникулы ждет поездка в Эрмитаж. Конечно, есть свои сложности, их немало. Но недалек уже тот день, когда из стен училища выйдут первые выпускники.

В классе хореографии, который ведет Мухамед Хафизович Муртазин, наиболее явственно представилась атмосфера, царящая в этих стенах. Здесь от студентов требуют, чтобы то, что они делают, они делали высокопрофессионально.

Муртазин в свое время танцевал, окончив Ленинградское хореографическое училище имени Вагановой. Здесь он с первого дня. С ребятами требователен, но чувства юмора не теряет. Поэтому его требовательность кажется естественной и необременительной. Они понимают: педагог борется за честь школы. Чтобы никогда потом никто не посмел сказать об этих ребятах: а-а, да ведь они же из провинции... В искусстве нет столиц и провинций.

До новых встреч

ГОВОРИТ ИТАЛЬЯНСКИЙ ПЕВЕЦ ДЖАННИ МОРАНДИ

В декабре 1945 года в семье сапожника родился сын. Ему дали имя Джанни.

— В детстве я ничем не отличался от своих сверстников,— рассказывает Моранди.— С утра до вечера гонял мяч с ребятами на пустыре. Но отец и мать, как многие в деревнях Италии, любили петь. Иногда старался им подпевать. Мы вместе пели широко известные песни Клаудио Виллы и Доменико Модуньо... В тринадцать лет я вместе с ребятами выступал в деревенской траттории на свадьбах; гастролировал по небольшим городам. За наши песни мы получали еду или деньги. В «оркестре» я еще играл на барабане. Один из представителей студии грампластинок «Эр-Си-Эй Итальяна» заметил меня. Через некоторое время была выпущена моя первая пластинка с записью песни композитора Мильяччи: «Я бегу со скоростью сто километров в час»... Бесспорно, мне повезло! Таких, как я, в Италии было много.

Первый большой успех пришел после выступления на телевидении и участия в конкурсе «Канцониссимо». Я несколько лет становился лауреатом. Но быть все время на высоте в Италии трудно... Тяжело признаться, но итальянская эстрада давно уже под пятой большого бизнеса. Я старался всегда петь для людей, чувствовать и понимать их тревоги и настроения. А меня заставляли петь то, что было «в ходу». Однако пришло время, когда надоело мне послушно идти на поводу невзыскательной публики. Однажды я сказал: «Баста!» Отклонил многие контракты и решил больше не появляться на эстраде. Зато в течение вынужденного перерыва я не только снялся в двенадцати фильмах вместе со многими звездами итальянского кино, в том числе в фильмах знаменитого режиссера Пьетро Джерми, но еще и сам поставил в театре музыкальный спектакль «Якопоне», где выступил вместе с известной певицей Паолой Питагора.

Со временем я понял, что мне без эстрады не обойтись!.. Вопреки своим заявлениям я решил вернуться к моим зрителям и слушателям. И вот после окончания римской консерватории «Санта-Чечилия» я работаю с новым ансамблем «Коро дели анжели», пою новые песни; большинство из них — на стихи Джулио Рапетти, который является не только моим другом, но и тренером нашей футбольной команды, составленной из лучших певцов Италии. За два года существования команды мы сыграли пятьдесят матчей в разных городах Италии; наши встречи всегда вызывают — судя по количеству зрителей — большой интерес. За команду выступают многие выдающиеся певцы, такие, как Рикардо Фогли, Сандро Джиакобе, Пупо, Джани Белла, Пино Данджио, Роберто Соффичи, Андреа Мингарди. Обычно сборы от матчей идут на благотворительные цели. В будущем, возможно, состоится матч между артистами СССР и Италии. Нам известно, что в СССР много любителей этой прекрасной игры, я уже не говорю об Италии, где все помешаны на футболе. Сбор от такого матча может быть передан в Фонд мира.

В декабре прошлого года я пел на митинге участников Марша мира в Риме. Десятки тысяч людей, собравшихся в знак протеста против планов Пентагона, подхватили мою песню о войне во Вьетнаме, об американском парне, которого послали убивать, а он там сложил голову... У песни был настоящий успех! Ради этого стоит жить, служить такой благородной цели.

Искусство должно нести высокие идеалы. Для меня это служение миру. Что может быть лучше, чем душа, обогретая весенним добрым теплом.

После гастролей в Киеве, Ростове, Ташкенте и Риге я еще больше познакомился с гостеприимством и хлебосольством русских, о котором много слышал. У меня двое детей — сын Марко и дочь Марианна. Я чувствую как отец свою ответственность за их будущее. Поэтому я охотно согласился выступить в СССР в концерте, сбор от которого поступит в Фонд мира. Вместе со мной пела известная в Италии артистка кино и эстрады Умберта Колли, она специально ради этого приезжала в Москву. После концерта нас приветствовал дважды Герой Советского Союза, заместитель председателя советского Фонда мира, летчик-космонавт Владимир Викторович Аксенов. Он поблагодарил артистов за этот концерт, который стал настоящим праздником современного эстрадного искусства. Советский Фонд мира наградил нас памятными медалями.

В ответном слове я сказал, что выступления в Советском Союзе станут лучшими воспоминаниями моей жизни.

Мы потрясены приемом, который мне и моим друзьям оказали в вашей стране! Это проявление симпатии, дружбы, любви и тепла советских зрителей надолго сохранится в наших сердцах. Мы очень гордимся медалями, которые нам вручены от имени советского Фонда мира. Я верю и надеюсь еще раз приехать сюда в будущем году. Поэтому не прощаюсь с вашей сердечной публикой, а говорю до свидания! До скорой встречи!..

Певец просил передать наилучшие пожелания читателям «Огонька», а также всем советским людям.

Беседовал Ярослав НОВИЦКИЙ.

Фото В. Каратаева

Кубок у „Шахтера"

Футболисты «Шахтера» — обладатели Кубка СССР.

Фото А. Бочинина

8 мая на Центральном стадионе имени В. И. Ленина в борьбе за Кубок СССР в финальном матче встретились две украинские команды — «Шахтер» из Донецка и «Металлист» из Харькова. Но за спинами двух финалистов стояли еще восемь команд, которые в процессе борьбы должны были сложить оружие. И каких команд! «Шахтер» вслед за «Жальгирисом» заставил капитулировать трех предыдущих обладателей Кубка — спартаковцев, московских динамовцев и зенитовцев, а «Металлист» победил «Арарат», ЦСКА, «Кайрат» и кутаисское «Торпедо». Почетен этот список побед, и каждый из финалистов вправе был рассчитывать на хрустальный приз. Решил кубковый опыт, которым в избытке обладают футболисты «Шахтера». Ведь они уже трижды владели Кубком, и вот, забив единственный гол и не пропустив ни одного в свои ворота, они в четвертый раз увезли драгоценный приз к себе домой — в Донецк.

Юмор

Рис. В. КАЗАНЕВСКОГО

Рис. И. БЕЛЕВЦЕВА

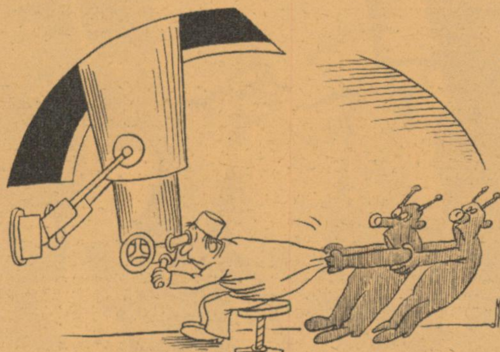

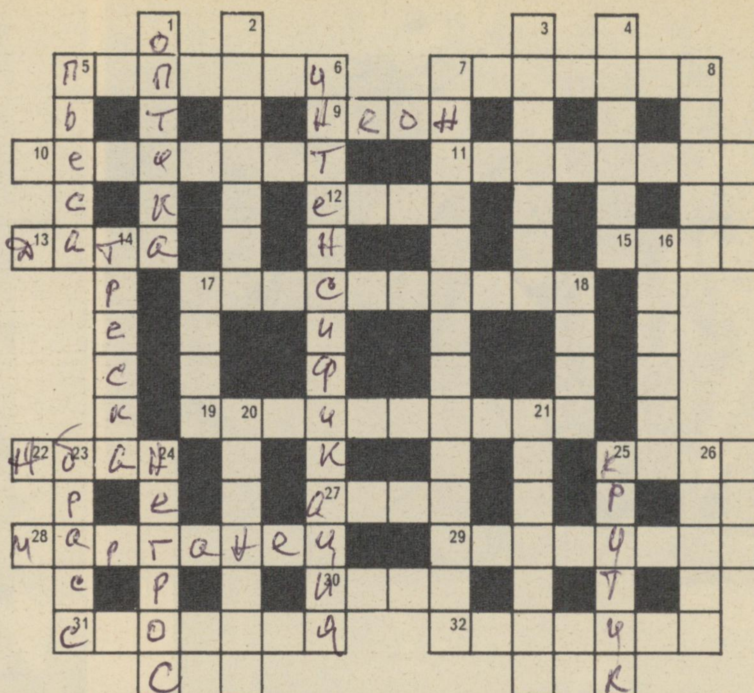
Рис. Е. МИЛУТКИ

Рис. В. УБОРЕВИЧА-БОРОВСКОГО

Рис. О. ТЕСЛЕРА

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Музыкальная пьеса, составленная из мотивов народных песен, опер, балетов. 7. Государство на юго-западе Европы. 9. Химический элемент, газ. 10. Сюртук для верховой езды. 11. Съедобный гриб. 12. Рассказ М. Горького из цикла «По Руси». 13. Точное календарное время составления документа, определенного события. 15. Музыкальный интервал. 17. Птица отряда воробьиных. 19. Персонаж французского народного театра. 22. Кувшин с крышкой. 25. Эстонский композитор, Герой Социалистического Труда. 27. Река в Италии. 28. Химический элемент, металл. 29. Областной центр в РСФСР. 30. Приток Урала. 31. Герой пьесы Т. Г. Шевченко. 32. Изречение.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Раздел физики. 2. Переключательное устройство в вычислительных машинах. 3. Советское спортивное общество. 4. Врач, повышающий квалификацию в лечебном учреждении. 5. Драматическое произведение. 6. Увеличение производительности, действенности. 7. Изложение музыки в виде партитуры для камерного ансамбля, оркестра. 8. Горный массив в Амурской области. 14. Промысловая морская рыба. 16. Административно-территориальная единица в Болгарии, Югославии, ГДР. 17. Слово, употребленное в переносном значении. 18. Город во Франции. 20. Советский военачальник, маршал артиллерии. 21. Народный артист СССР, выступавший во МХАТе. 23. Способ спортивного плавания. 24. Остров в Филиппинском архипелаге. 25. Специалист по анализу и оценке литературных или музыкальных произведений. 26. Метод, способ.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Чебышев. 5. Геральд. 7. Сысола. 8. Флейта. 10. Коло. 11. Дуга. 12. Панкратов. 15. Комната. 16. Керкира. 17. Одуванчик. 20. Радищев. 22. Душанбе. 24. «Курсистка». 25. Барс. 26. Коса. 27. Африка. 29. Монета. 31. Кокарда. 32. Андреев.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Рыбы. 2. Март. 3. «Человек». 4. Волынка. 5. Галстук. 6. Долгота. 7. Солома. 9. Адонис. 12. Прапорщик. 13. Руставели. 14. Варакушка. 18. Одесса. 19. Снежка. 20. Рубанок. 21. Ворскла. 22. «Детвора». 23. Елисеев. 28. Флаг. 30. Торф.

На первой странице обложки: Стоит на Волге, недалеко от Костромы, село Красное. Живет в нем и работает художник по скани Петр Чулков.

Фото Н. Рахманова

На последней странице обложки: Перед концертом. * Урок хореографии ведет Венера Хайруллина. * Занятия в художественной студии. * Закончились уроки.
(См. в номере материал «Школа, дети и вдохновение...».)

Фото Э. Эттингера

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 22.04.83. Подписано к печати 10.05.83. А 00670.
Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1132. Заказ № 502.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

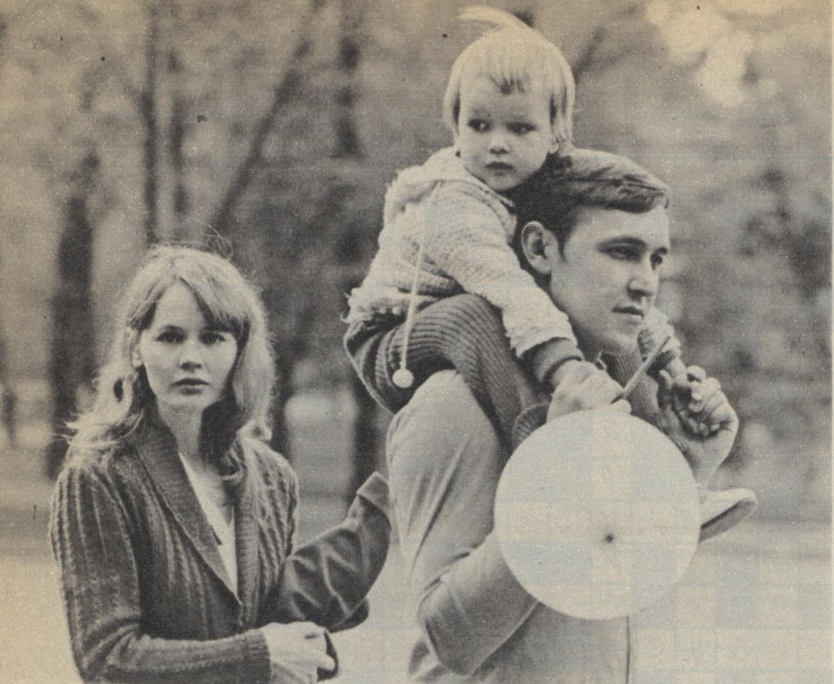

Фото И. ГАВРИЛОВА

МОСКВА,

Фото А. Гостева

9 МАЯ

Фото А. Шогина (ТАСС)

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

